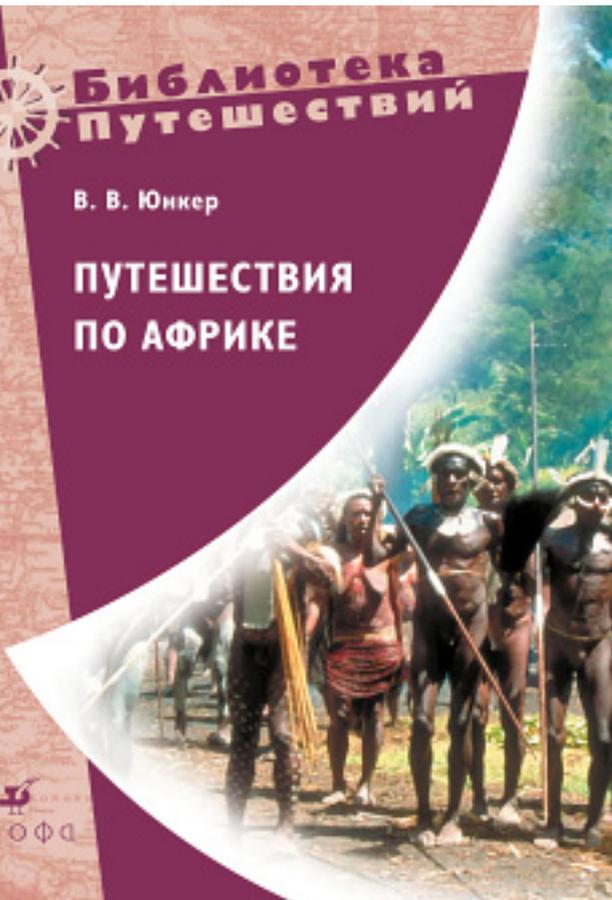

**Библиотека
Путешествий**

В. В. Юнкер

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО АФРИКЕ**

Василий Васильевич Юнкер Путешествия по Африке

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183486
Путешествия по Африке: Дрофа; Москва; 2008
ISBN 978-5-358-05470-7*

Аннотация

Путешественник по призванию, медик по образованию, Василий Васильевич Юнкер на собственные средства в 70—80-е годы XIX века организовал хорошо подготовленные экспедиции в Центральную Африку, к этому моменту еще недостаточно изученную. Путешествия в 1877—1878 и 1879—1886 годах в Центральную Африку позволили исследователю-энтузиасту ликвидировать некоторые «белые пятна» на карте мира. Об этом подробный рассказ-повествование самого В. В. Юнкера, интересный для каждого, стремящегося узнать, как человек познавал Землю.

Содержание

Выдающийся исследователь Африки	4
Путешествие 1877–1878 гг.	13
Глава I	13
Глава II	19
Глава III	49
Глава IV	69
Глава V	84
Глава VI	96
Глава VII	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Василий Васильевич Юнкер

Путешествия по Африке

В жизни человека необходима романтика.

Именно она придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения.

Фритьоф Хансен

Выдающийся исследователь Африки

...Зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного?

Я знал одного Иванова, который был немец.

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

В истории изучения Африки русский путешественник Василий Васильевич Юнкер (1840–1892) справедливо считается крупнейшей фигурой среди первопроходцев в исследовании области Верхнего Нила и северной части бассейна другой великой реки – Конго.

В. В. Юнкер прожил относительно недолгую жизнь. Свои многолетние африканские путешествия, ставшие всемирно известными, он начал в конце 1870-х гг., когда ему было 35 лет. Помимо ряда научных статей об итогах изучения Африки в периодических русских и зарубежных изданиях, В. В. Юнкер опубликовал подробные путевые дневники, которые охватили все перипетии его африканских странствий. Эти дневники и поныне остаются для науки бесценным свидетельством эпохи завершения первого знакомства европейцев с глубинными районами Черного континента.

Прошло более полувека со времени появления единственного издания дневников В. В. Юнкера в России. Их переиздание для широкого круга читателей в наше время оправдано по многим причинам. Во-первых, хочется напомнить замечательные слова философа и выдающегося историка науки В. П. Зубова (1900–1963), как бы вновь открываемого в наши дни вслед за Павлом Флоренским: «Человека от животных отличает дар памяти; в нем – искра бессмертия, победа над змеем тления». В. В. Юнкер заслужил право не быть забытым на родине потомками.

Во-вторых, сейчас даже самые глубинные районы Африки стали доступными, по существу, без особого труда. Теперь, например, и на наших отечественных телевизионных каналах развлекательные «шоу» могут устраиваться «в сердце Африки».

Только знакомясь с такими книгами, как труд В. В. Юнкера, можно осознанно оценить все те громадные изменения в социальной и культурной сферах, в образе жизни, транспорте, связи и т. д., которые произошли в мире, и в частности в Африке, всего за один век.

Три тома дневников В. В. Юнкера были первоначально изданы в 1889–1891 гг. в Вене на немецком языке. Это объяснялось рядом причин, но прежде всего стремлением исследователя сделать как можно скорее свои открытия достоянием *мировой* науки. В 1891 г. В. В. Юнкер вплотную приступил к подготовке русского издания своих «Путешествий по Африке». Осуществить это ему, однако, не удалось, так как в начале февраля 1892 г. он скончался от инфлюэнцы, не дожив до 52 лет. Кроме того, к этому времени врачи определили, что В. В. Юнкер болен раком.

На русском языке главный труд В. В. Юнкера увидел свет, как мы уже сказали, только через 60 лет и в сильно сокращенном виде. В 1949 г. существовавшее тогда Издательство

географической литературы (Географгиз) включило сочинение В. В. Юнкера в многотомную серию книг, написанных великими путешественниками XIX в. Имя Юнкера в этой серии, как и в жизни, стоит рядом с именами Давида Ливингстона, Генри Мортон Стэнли, Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского и многих других предшественников и современников В. В. Юнкера – корифеев научного исследования в позапрошлом веке далеких от Европы экзотических стран Африки, Азии, Южной Америки.

Впрочем, в шестидесятилетнем разрыве между зарубежным и российским изданиями главного труда путешественника отразилась и некая противоречивость в оценке жизни Юнкера, временами возникавшая на родине ученого. А родился Василий Васильевич в Москве, в семье обрусевшего немца Василия (Вильгельма) Юнкера. Отец был крупным банкиром, имевшим отделения своего банка в Москве, Петербурге и за границей. В Санкт-Петербурге на одном из домов на Васильевском острове красовалась ажурная кованая решетка с вензелем банкира.

В. В. Юнкер не пошел по стопам отца, а, окончив гимназию в Петербурге, получил высшее медицинское образование в университетах Тарту (тогда Дерпта) и Гёттингена. Однако и к врачебной деятельности Юнкера не тянуло. Не испытывая материальных трудностей, молодой врач решил посвятить свою жизнь научным путешествиям. Более всего его, как и многих состоятельных и талантливых людей второй половины XIX в. самых разных профессий, интересовало, увлекало изучение, исследование остававшихся в мире неизведанных областей, в частности в Африке.

В 1873–1874 гг. В. В. Юнкер участвует в археологической экспедиции в Тунисе немецкого историка, почетного члена Петербургской академии наук Теодора Моммзена. Там Юнкер почти в совершенстве овладевает арабским языком. Это было одной из главных задач подготовки к длительному самостоятельному путешествию по арабоязычной части северо-восточной Африки. Готовясь к задуманным им путешествиям по мало или совсем не исследованным европейцами глубинным областям Африки, В. В. Юнкер осваивает также и технику топографической съемки, совершая для этого специальную поездку на стажировку к картографу Кипперту в Берлин.

Летом 1875 г. молодой путешественник участвует в международном географическом конгрессе в Париже. Там происходит его встреча с ведущими географами того времени и в их числе с такими уже всемирно знаменитыми исследователями Африки, как Г. Нахтигаль, Г. Рольфс и Г. А. Швейнфурт. Именно они (каждый по-своему) оказали заметное влияние на выбор маршрутов и направления исследований в Африке русского коллеги, поэтому стоит о каждом из них сказать несколько слов.

Герхард *Рольфс* (1831–1896) более 15 лет провел в почти непрерывных путешествиях по разным районам Африки, во многих из которых он был первым европейцем, сумевшим их достичь и достоверно описать. За Рольфсом, однако, укрепилась слава скорее авантюриста, чем ученого, а некоторые современники вообще называли его шпионом. Впрочем, большинство путешественников из стран Западной Европы, проникавших в XIX в. в неизведанные области Африки, оказывались так или иначе связанными с колонизаторскими устремлениями прежде всего Англии, Франции и Германии. Принципиальное отличие от них русских исследователей Африки заключалось в том, что для наших соотечественников ее научное изучение было главной или просто единственной целью.

Многое, оказавшееся полезным в будущих путешествиях, Юнкер узнал и от Густава *Нахтигала* (1834–1885). Его даже чаще, чем Рольфса, связывают с планами колонизаторов, но к моменту знакомства Юнкера с Нахтигалем последний действительно был самым крупным исследователем Сахары и Судана, куда и намеревался отправиться наш соотечественник.

Наиболее важной для Юнкера оказалась встреча с ботаником Георгом Августом Швейнфуртом (1836–1925). Результаты его многолетних естественноисторических и этнографических исследований в Северо-Восточной Африке (от Египта и Судана до Эфиопии) составили двухтомный труд «В сердце Африки», изданный в Лейпциге за год до упомянутого Парижского конгресса. Знакомство Юнкера со Швейнфуртом впоследствии переросло в тесную дружбу.

Именно в ходе Парижского конгресса В. В. Юнкер окончательно определяет территорию своих будущих исследований – Восточный Судан, таинственные верховья великой исторической реки Нила и ее неизвестных еще притоков. Он ставит перед собой и конкретную научную цель – найти решение одной из наиболее острых в то время проблем в географии Экваториальной Африки: местонахождение водораздела между бассейнами крупнейших рек Африки – Нила и Конго.

Для научного решения этого вопроса главным справедливо считалось уточнение течения реки Уэле, относимой тогда одними учеными к бассейну Нила, другими – к бассейну Конго, а по мнению некоторых путешественников, даже к бассейну Шари, терявшей свои воды где-то у озера Чад. Реку Уэле для европейцев открыл Швейнфурт, как раз и принявший ее сначала за верхнее течение реки Шари. Об Уэле строили гипотезы и Нахтигаль, и Стэнли, и другие исследователи, предполагавшие, что Уэле относится к системе притоков Конго.

В. В. Юнкеру в первом центральноафриканском путешествии предстояло попытаться хотя бы наметить правильные контуры гидрографической сети междуречья Нила и Конго.

В октябре 1875 г. В. В. Юнкер высадился в порту Александрии, но лишь через год смог получить от египетских властей все необходимые разрешения, чтобы направиться в закрытые для европейцев районы юга Судана. Год этот не прошел даром и был использован Юнкером для своего рода тренировочных маршрутов в Ливийской пустыне и по притоку Белого Нила Собату. Затем В. В. Юнкер смог углубиться в те районы к югу от Судана, к которым стремился по своим научным планам. Это путешествие длилось три года. Его результаты сыграли решающую роль в подготовке окончательного установления линии водораздела между бассейнами Нила и Конго.

В сентябре 1878 г. Юнкер вернулся на родину и в начале 1879 г. доложил на заседании Императорского Русского географического общества в Петербурге основные итоги путешествия. В том же году его доклад был опубликован в «Известиях» Общества. Тогда же статьи Юнкера о его путешествии публиковались в немецких и других зарубежных географических журналах. Богатейшая этнографическая коллекция, вывезенная Юнкером из Африки, была преподнесена им Российской академии наук. Эта коллекция и поныне хранится в Музее антропологии и этнографии в здании Кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

В октябре 1879 г. В. В. Юнкер вновь ступил на африканскую землю в Александрии, чтобы отправиться в свое второе центральноафриканское путешествие. Главной его целью он поставил теперь окончательное уточнение течения реки Уэле в еще никогда не посещавшихся европейцами районах. В качестве помощника Юнкер пригласил немецкого исследователя Фридриха Бондорфа. Тот совершил в предшествующие годы самостоятельное путешествие в этой части Африки, но на обратном пути его дочиста ограбили в Судане, а потеря всех записей свела научное значение трудного путешествия Бондорфа, по существу, к нулю.

В марте 1880 г. В. В. Юнкеру удалось наконец достичь совершенно не исследованной территории к югу от Судана, населенной народностью азанде. Оповещенный о передвижении белого человека, ее вождь Ндоруа, никогда не видевший европейцев, сам вышел навстречу Юнкеру и принял его как гостя. Дружественные отношения, обычно складывавшиеся у русского путешественника с местным населением и в других местах, не раз отводили от В. В. Юнкера самые серьезные опасности.

Резиденция Ндорумы находилась в непосредственной близости от того водораздела великих африканских рек, определить точное местонахождение которого стремился В. В. Юнкер. Он сначала и не подозревал, как близко оказался к разгадке волновавшей его географической проблемы. У гостеприимного Ндорумы Юнкер основал постоянную опорную базу для своих будущих маршрутов. На карте эти маршруты образуют как бы запутанную сетку.

Конец 1881-го и первую половину 1882 г. путешественник провел в исключительно трудных для передвижения районах к югу от реки Уэле. В. В. Юнкер неоднократно переправлялся через нее, проводя топографическую съемку течения Уэле и ее притоков. Путь по тропическим заболоченным лесам, постоянные тяжелые переправы на подручных средствах, трудности, возникавшие из-за дезертирства носильщиков, – все это сильно ухудшило состояние здоровья Юнкера, подорванное еще в первом тропическом путешествии.

Юнкер был болен тяжелой формой тропической малярии, страдал от экземы и каких-то других кожных заболеваний. Именно в это время исключительно волевой человек Василий Васильевич Юнкер пишет в дневнике: «Больной организм потерял способность сопротивляться болезни, и уже это одно требовало возвращения домой». Но вернуться из дебрей Экваториальной Африки было не так легко, особенно потому, что область, которую надо было пересечь, чтобы добраться до Египта, оказалась надолго охваченной восстанием против египетских властей суданских племен под руководством Махди.

В. В. Юнкеру пришлось около двух лет безуспешно ожидать возможности вернуться в Европу тем путем, по которому он проник в Экваториальную Африку, т. е. через Египет. Убедившись, что военные события будут еще долго закрывать этот путь, В. В. Юнкер, потерявший всякую связь с внешним миром, в конце концов принял в начале 1886 г. решение возвращаться в Европу через Занзибар на восточном берегу Африки.

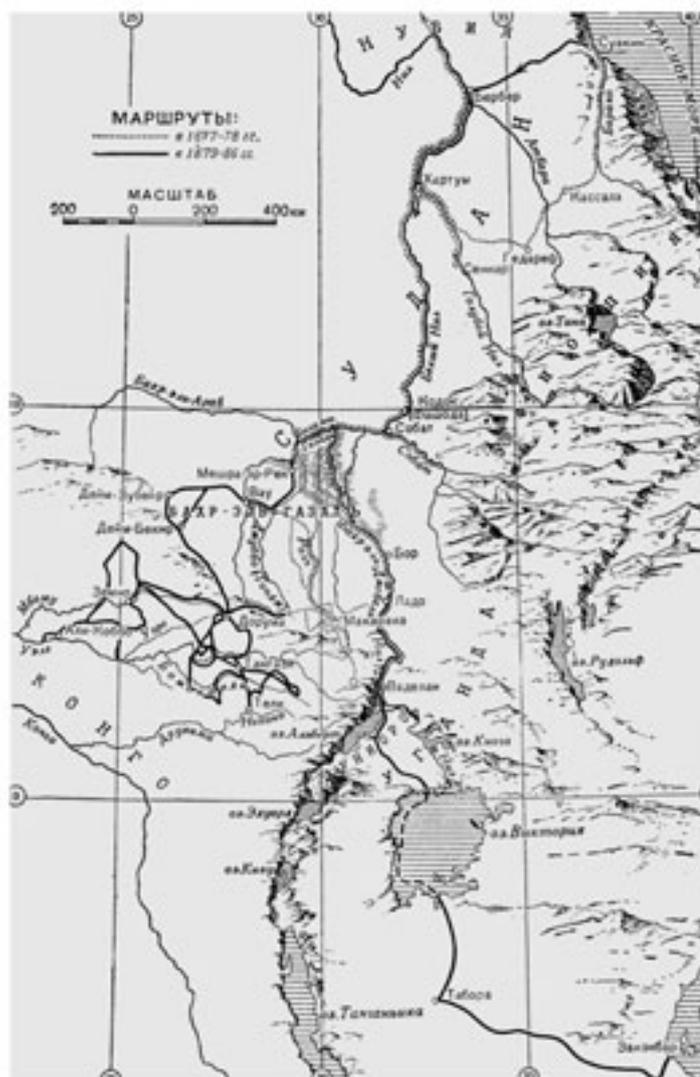
К этому времени В. В. Юнкера, о котором очень давно в Европе не было вестей, считали либо погибшим, либо затерявшимся в глубинах Африки, поэтому родилась идея начать его поиски. И тогда, подобно поискам пропавшей экспедиции Ливингстона, в 1885 г. на поиски русского путешественника его семьей и международной общественностью, связанной с исследованием Африки, была снаряжена целая экспедиция. Ее возглавил немецкий путешественник Г. А. Фишер, уже широко известный исследованиями именно Восточной Африки.

Правильно предположив, что из-за сложившейся в Судане военной обстановки Юнкер будет вынужден двигаться на юг через район озера Виктория, Фишер направился туда. Но он встретился с теми же трудностями, что и ранее сам Юнкер. Правитель королевства Буганда не пропустил экспедицию Фишера в Судан с юга по западному берегу озера, т. е. по более короткому и известному пути. Фишер попытался проникнуть туда по неизвестному европейцам восточному побережью озера. Но здесь из-за природных препятствий он тоже не смог продвинуться на север. Отказавшись от попыток найти следы экспедиции Юнкера, Фишер повернул на восток, добрался до океана и в 1886 г. вернулся в Европу. Но по пути Фишер провел топографическую съемку большой еще не изведанной территории. Таким образом, косвенно в связи с поисками В. В. Юнкера был сделан еще один вклад в исследование внутренних районов Восточной Африки.

А сам Юнкер в это время все же продвигался на юг. Этот путь его был продолжителен и тоже не легок. Так, ему пришлось почти месяц плыть на парусной лодке вдоль западного берега озера Виктория, передвигаться в караванах работяг, постоянно добиваясь разрешения на проезд у местных царьков и племенных вождей. Но пребывание В. В. Юнкера даже в таких местах, где он не раз был вообще первым европейцем, которого увидели аборигены, облегчалось для путешественника его неизменно доброжелательным отношением к африканцам.

Юнкер писал: «Именно то, что я так последовательно придерживался моего отношения к туземцам, способствовало моему проникновению в неприступные до того страны, которые открылись мне, исследователю-одиночке, путешествовавшему в сопровождении лишь нескольких слуг-подростков; однако население этих стран, несомненно, оказало бы сопротивление всем попыткам вторжения путем насилия».

В самом начале 1887 г. В. В. Юнкер наконец достиг Занзибара, где его ждали брат, Швейнфурт и зять – известный петербургский книгоиздатель А. Ф. Девриен, вместе с которыми путешественник и отплыл в Европу. А 9 апреля 1887 г. Русское географическое общество в Петербурге провело торжественное собрание, специально посвященное возвращению на родину В. В. Юнкера и избранию его своим почетным членом. Юнкер выступил с большим докладом «О семилетнем путешествии по Экваториальной Африке», который сразу был опубликован в «Известиях» Общества.

Карта маршрутов экспедиций В. В. Юнкера во время путешествий 1877–1878 гг. и 1879–1886 гг.

Если совсем кратко подвести важнейшие географические итоги путешествий В. В. Юнкера, то следует сказать, что его самое крупное достижение – установление во втором путешествии точного положения водораздела Нил – Конго. Юнкер сумел зафиксировать его на огромном протяжении (почти 1200 км), т. е., по существу, этот важнейший природный

рубеж в Африке, как географическое целое, был открыт и в дальнейшем описан русским путешественником В. В. Юнкером.

По результатам путешествий Юнкера, опубликованным еще до выхода его дневников в виде многотомного издания, в 1889 г. была составлена четырехлистная карта (масштаба 1: 750 000), охватившая огромную, ранее неизвестную территорию к северу от экватора в восточной части африканского материка. Чрезвычайно точная съемка Юнкера, даже не имевшего сложных приборов для астрономических наблюдений, была впоследствии неоднократно подтверждена другими исследователями.

Капитальный трехтомный труд В. В. Юнкера «Путешествия по Африке» – это полное и детальное описание всех его многолетних африканских путешествий, исследований и даже приключений. Картины природы области Верхнего Нила и северной части бассейна Конго не уступают по точности картографическим работам путешественника. При этом большое внимание Юнкер уделял описанию быта и повседневной жизни коренного населения этих оторванных тогда от современной цивилизации районов.

Ценность даже выдающихся научных достижений отдельных ученых нередко осознается полностью, когда самого ученого уже нет в этой жизни. Посмертное признание – самое яркое свидетельство подлинно весомого вклада в науку. Во многом это относится к В. В. Юнкеру. За рамками его географических открытий, большое значение которых было признано еще при жизни путешественника и отмечено после его смерти во всех некрологах, оказались и другие научные достижения, их выдающееся значение было оценено много позже.

Речь идет в первую очередь о вкладе В. В. Юнкера в изучение языков народов Экваториальной Африки. Член-корреспондент РАН Д. А. Ольдерогге (1903–1987), историк, этнограф, но прежде всего всемирно признанный корифей африканской лингвистики, считал, что вклад В. В. Юнкера в изучение самобытных африканских языков и даже их диалектов – огромен. В свою книгу о путешествиях в Африку Юнкер включил составленные им словарные записи по языкам многих групп населения внутренних областей континента.

Особенно ценны его лингвистические наблюдения во время второго центральноафриканского путешествия. Тогда из-за возникавших при передвижении затруднений у путешественника невольно появлялось свободное время. Оно позволяло Юнкеру заняться, в частности, составлением словарей местных языков (а-занде, а-барамбе, а-мади и др.). Самые значительные словари насчитывали до 1000 слов, меньшие – по 400–500 слов, систематизированных по разработанным самим Юнкером принципам. Словари включали самоназвания племен, местные названия крупнейших природных объектов (реки, озера, горы и т. п.), диких и окультуренных растений, животных и т. д.

Для своих лингвистических материалов В. В. Юнкер даже создал особый алфавит, основанный на буквах латиницы (в немецком произношении), но с прибавлением русских букв (*ж, з, ы* и др.) для непередаваемых латиницей звуков. Д. А. Ольдерогге подчеркивал, что до публикации лингвистических материалов Юнкера мировая наука вообще ничего не знала о языках целых групп многочисленных народов Экваториальной Африки. Поэтому Юнкер стал фактически основоположником изучения языков народов северной части Конго и юго-восточной части Судана. По некоторым из этих языков, писал Д. А. Ольдерогге, материалы Юнкера и сто лет после него остаются единственным реальным источником для лингвистической науки.

С неменьшим основанием и даже еще подробнее можно было бы говорить и о значении этнографических исследований В. В. Юнкера. Например, составленная им более 120 лет тому назад карта этнических территорий малых народов там, где проходили его маршруты, остается в основном точной и поныне. Этнографическая коллекция, собранная Юнкером, подробнейшим образом описана. Ей посвящен том в серии сборников Музея антропологии и этнографии, вышедший в 1953 г.

Коллекция Юнкера и сейчас используется отечественными и зарубежными учеными для самых разных научных исследований. Мне, например, довелось познакомиться с ней при подготовке работы о примитивных платежных средствах у африканских народов (бусы, медные и железные изделия – копья, мотыги, браслеты, связки раковин каури и т. п.). Сотрудники африканского отдела музея бережно выносили мне из хранилища один предмет за другим. И не будет преувеличением сказать, что всех нас охватывало при этом особое чувство восхищения от прикосновения к собранным нашим знаменитым предшественником редким свидетельствам прошлого далеких от нас стран.

Помимо материальных этнографических сборов, В. В. Юнкер тщательно записывал местные исторические предания, которые во многих случаях помогли восстановить историю расселения и миграций не имевших письменности народов в труднодоступных областях Центральной Африки.

Благодаря всем собранным В. В. Юнкером материальным и не материальным свидетельствам жизни этих народов стало ясно, что в доколониальный период у них был достаточно высокий уровень развития хозяйственной деятельности и социальных институтов. Вообще этнографы склонны восславить В. В. Юнкера за одни лишь его этнографические наблюдения. Ведь в этом направлении он был тоже первооткрывателем.

Многое из того, что Юнкер наблюдал и зафиксировал в жизни населения посещенных и исследованных им областей, совсем исчезло в колониальный период. Именно поэтому этнографические материалы Юнкера стали в мировой науке ценнейшим источником для объективного воссоздания облика традиционной жизни на значительной части Тропической Африки.

Хочется добавить еще, что все, знавшие В. В. Юнкера лично, а впоследствии и те, кто детально изучал его труды, отмечали подлинный гуманизм русского путешественника, лишенного расовых и национальных предрассудков и предубеждений. Одним из ярких свидетельств этому является то, что Юнкер первым выступил против дискриминации пигмеев, против бытовавшего даже в научной среде мнения о том, что пигмеи – «выродившиеся высокорослые люди».

Юнкер, к сожалению, как мы уже отмечали, не успел подготовить русское издание своего основного труда. Вскоре после кончины исследователя была предпринята малоудачная попытка создать книгу для широкого читателя о В. В. Юнкере и его путешествиях. В 1893 г. Э. Ю. Петри (1854–1899), русский антрополог, географ и картограф, выпустил в издательстве Девриена в Санкт-Петербурге популярное описание (в собственном изложении) африканских странствий В. В. Юнкера. Книга была рассчитана на читателей, увлеченных модной тогда темой «африканской экзотики». Все научные и объективные социально-бытовые наблюдения Юнкера были выхолощены. Закономерно, что книга Петри будущего не имела и мало способствовала сохранению памяти о нашем выдающемся соотечественнике.

Переиздаваемая сейчас книга В. В. Юнкера была, как отмечалось выше, первоначально выпущена в Москве в 1949 г. в виде сокращенного перевода с немецкого языка трехтомника дневников Юнкера. Подготовка издания была осуществлена под руководством доктора исторических наук, специалиста по африканским традиционным религиям Б. И. Шаревской (1904–1985). Она сопроводила книгу большим предисловием, в котором, помимо анализа некоторых научных итогов путешествий В. В. Юнкера, был подробно затронут также ряд социально-исторических проблем периода колонизации Африки и дан небольшой обзор других русских путешествий в Африку в XIX в. (А. С. Норов, Е. П. Ковалевский, А. А. Рафалович, А. В. Елисеев).

Это предисловие спустя 55 лет представляется в целом сильно устаревшим как по идеологическим установкам, так и по риторике. Что касается сокращений в переводе, то правильнее всего будет привести дословно сказанное в предисловии к книге в 1949 г.: «Так

как издание всех трех томов было бы слишком громоздким, а с другой стороны часть записей Юнкера не представляет значительного научного интереса, перевод дан в сокращенном виде. Выпущены описания путешествия автора по Египту, где он не был пионером-исследователем, а также подробное изложение вынужденных странствий Юнкера из Центральной Африки к побережью и в Занзибар. Опущены мелкие подробности и перипетии путешествия...»

Не со всем этим можно согласиться, учитывая, например, приведенные выше современные оценки лингвистических, этнографических и других результатов африканских путешествий В. В. Юнкера за рамками собственно географических открытий. И потому мне, много лет проводшему в Африке, в том числе в районах, где когда-то проходили маршруты Юнкера, все время на ум приходит известная строка Булата Окуджавы: «А все-таки жаль...»

А все-таки жаль, что мы пока не можем прочесть по-русски полный текст замечательных дневников русского путешественника, написанных по-немецки только потому, что так сложились обстоятельства. Думаю, что это все же произойдет, а пока хорошо и то, что тысячи наших любителей истории географических открытий и знаменитых путешествий встретятся (чего греха таить) с ныне полузабытым именем **выдающегося** русского **ученого**, землепроходца в далекой Африке, путешествия которого были по любым меркам прошлого и настоящего большим подвигом.

В. В. Юнкер путешествовал по Африке как частное лицо. Пользуясь финансовой поддержкой отца и моральным пониманием и поддержкой всей семьи, Юнкер не был стеснен в экспедиционных расходах, а поэтому, безусловно, был в более выгодном положении, чем большинство русских исследователей Африки во все времена. Этим, в частности, объясняется столь значительный размах африканских путешествий Юнкера и в территориальном отношении, и по продолжительности.

Оставаясь в своих путешествиях частным лицом, В. В. Юнкер в то же время путешествовал как один из подданных России, поэтому в Африке он чаще оказывался в выгодном положении при контактах с разными представителями местной власти. Когда дело касалось властей, дружественных России, как, например, в тот период в Египте, ему было обычно легче преодолевать административные и бюрократические трудности. В других случаях он, как подданный государства, не участвовавшего в колониальном проникновении в Африку, чувствовал преимущество этого своего рода нейтралитета.

В. В. Юнкер всегда оставался путешествующим русским человеком. Второе центральноафриканское путешествие, проходившее в условиях тяжелой военно-политической обстановки во всей Северо-Восточной Африке, В. В. Юнкер прямо провел под российским флагом, подаренным ему для этой цели знаменитым русским исследователем археологии Египта В. С. Голенищевым.

На африканской земле В. В. Юнкер находился более 11 лет. Если же прибавить к этому время на организацию экспедиций, обработку собранных больших и разнообразных коллекций в Африке, подготовку к печати полевых дневников и других материалов научных наблюдений, то легко подсчитать, что Африке В. В. Юнкер отдал больше половины своей взрослой жизни.

Трудности африканских странствий подорвали физические силы этого могучего в молодые годы человека, ушедшего из жизни в расцвете творческих сил. Но то, что успел и сумел сделать Василий Васильевич Юнкер, справедливо поставило его имя в один ряд с крупнейшими фигурами в мировой истории африканских исследований, а для нас он навсегда останется самым значительным из русских путешественников по Африке.

***Горнунг Михаил Борисович,**
лауреат Государственной премии СССР, почетный член Русского
географического общества*

Путешествие 1877–1878 гг.

Глава I Поездка по реке Собат

Вместе с рядом знаменитых русских путешественников я приехал в Париж для участия в работе Географического Конгресса, который состоялся с 1 по 11 августа 1875 года.¹ Здесь я познакомился лично с блестящими исследователями Африки – Нахтигалем,² Рольфсом³ и Швейнфуртом.⁴ Лелеемые мною планы путешествия приобрели теперь более определенные очертания. Обмен мыслями с заслуженными исследователями направил мое внимание на страну Дарфур⁵ в Восточном Судане, которая тогда стояла в центре географических интересов. Я избрал эту покрытую дымкой опасной таинственности область целью своей будущей исследовательской деятельности.

В начале октября 1875 года я сел в Триесте на пароход, отправлявшийся в Александрию, и через пять дней высадился на египетском берегу. Привет тебе, созданная Нилом страна чудес, родина древнейшей культуры и науки!

«Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли...»

Эти стихи четырнадцатой песни «Одиссеи» Гомера невольно встали в моей памяти теперь, перед началом моей собственной одиссеи.

Находясь в Хартуме в августе 1876 года, я получил приглашение принять участие в поездке по реке Собат, притоку Белого Нила, на пароходе «Ссафия», который должен был отвезти на станцию Нассер запасы провианта и получить сведения о новых местах вывоза слоновой кости. Чем меньше я был подготовлен к этому предложению, тем с большим удовольствием я его принял. Самый живой интерес возбудила во мне перспектива подняться на сотни километров по Белому Нилу и по Собату, с которым европейцы впервые познакомились лишь около двадцати лет назад.⁶

¹ Первый международный географический конгресс проходил в Париже в 1875 г. Его работой руководил избранный почетный комитет, в который от России вошли всемирно известные исследователи и путешественники Ф. П. Литке и П. П. Семенов-Тянь-Шанский. На конгрессе Россию представляли также С. С. Рехневский, Н. А. Северцов, М. И. Венюков, А. И. Ильин и другие. Делегатами считались все члены Совета Русского географического общества, которые пожелали присутствовать на конгрессе.

² *Нахтигаль Густав* (1834–1885) – немецкий путешественник, совершивший несколько экспедиций в Африку. Результаты своих исследований изложил в книге «Сахара и Судан».

³ *Рольфс Гергард* (1831–1896) – немецкий путешественник по Африке. В 1862–1865 гг. исследовал район оазисов в Сахаре, первым описал оазис Туат, в 1865 г. обследовал Киренаику. В 1878–1879 гг. достиг одного из отдаленнейших оазисов – Куфра. Опубликовал несколько работ, в том числе «Путешествие по Марокко».

⁴ *Швейнфурт Георг* (1836–1925) – российский исследователь Африки, уроженец Риги, подданный России; образование получил в Германии. Совершил ряд путешествий в область верхнего течения Нила, в район верховьев Белого Нила и реки Уэле, в Ливийскую пустыню, Эфиопию, Сокотру. Наиболее известный труд – «В сердце Африки». Швейнфурт одним из первых европейских ученых описал природу, нравы, обычаи и языки народов Экваториальной Африки, в особенности азанде, мангбатту и акка.

⁵ *Дарфур* – одна из областей в Центральном Судане, горная страна, являющаяся водоразделом рек бассейна озера Чад и притоков Бахр-эль-Газала. В XIX в. Дарфур был самостоятельным государством, через которое проходили караванные пути, связывающие Восточный Судан с Западной Африкой.

⁶ *Нил* (современное египетское название Эль-Бахр) – самая длинная река в мире. Исток в системе реки Кагера, впадающей в озеро Виктория, из последнего вытекает и проходит через несколько озер, впадает в озеро Альберта. Основные притоки: Собат, Голубой Нил, Атбара, Белый Нил и др. В дельте и долине Нила сосредоточено почти все население и хозяйство Египта.

Двадцать пятого августа, на шестой день пути, я увидел на правом берегу первую деревню негров, которая отличалась особым видом построек. В противоположность до сих пор виденным тукулям, форма крыш на хижинах здесь была не коническая, и крыша не поднималась непосредственно от земли; она имела скорее вид высокого купола. Это была, как я узнал, деревня шиллуков. Я мог даже рассмотреть группу негров, собравшихся под большим деревом, которые, прислонив свои копья к стволу дерева, внимательно наблюдали за нашим пароходом.

Теперь мы покинули область арабоязычных народностей и вступили в страну негров.⁷ На западном берегу живут шиллуки, на противоположном берегу реки обитают динка. На западе видны были еще лесные заросли, из-за которых то здесь, то там выглядывали тукули шиллукских деревень. На востоке взор не находил ничего, кроме бесконечной равнины, поросшей травой степи; только изредка можно было увидеть отдельные кусты у самого берега. Из этой поросшей свежей травой равнины то здесь, то там поднимались длинные шеи с повернутыми в нашу сторону маленькими головками: то было стадо, примерно в двадцать пять голов, жирафов, впервые увиденных мною здесь на воле. Животные отнеслись совершенно спокойно к проплывавшему мимо них пароходу, и я мог разглядеть их в бинокль во всех деталях. В особенности обратил на себя мое внимание выделявшийся своими размерами жираф с более темной, чем у других, окраской шкуры, – вероятно, старый самец. Не успел я вдоволь налюбоваться грациозными животными, как появилось стадо страусов; однако они держались слишком далеко от берега, чтобы я мог их разглядеть подробно.

Жирафы и страусы на берегу Белого Нила

В полдень мы увидели на горизонте Фашоду. На флагштоке развевалось знамя с полумесяцем. Мы вскоре приблизились к этому пункту, получившему большое значение в управлении страной после присоединения ее к Египту. Из старой резиденции царей шиллуков, названной поднимавшимися по Бахр-эль-Абиаду нубийцами-донколанцами⁸ «Денаб» (хвост), после 1867 года вырос египетский город, местопребывание правительственного представителя, и форт, охраняющий южную границу. Шиллукская деревня Фашода лежала на расстоянии около двух километров к северу от берега; ее многочисленные тукули были раскинуты на значительном пространстве. Пока шла погрузка дров, я наблюдал за шиллуками, занятыми рыболовством. Они быстро плыли, как рыбы, по реке на маленьких плотках, напоминавших гондолы своими поднятыми кверху заостренными носами. Эти плоты сооружаются из круглых стволов амгабового дерева – *Aedemone mirabilis* Kotschy, узкие концы которых загнуты и соединены вместе в поднимающуюся кверху связку, обра-

⁷ *Негры* (от испанского слова *negro* – черный) – условное ненаучное разговорное обозначение темнокожего туземного населения Африки.

⁸ *Нубийцы-донколанцы* – население провинции Донкола (или Донгола) в Нубии, говорящее на арабском языке. Юнкер употребляет это наименование в более узком значении – так называли солдат нерегулярных частей египетского войска, которых набирали из нубийцев.

зующую нос. Они так легки, что один человек без труда может нести на голове плот, поднимающий трех человек. Однако пористая древесина быстро всасывает воду, поэтому плоты часто нуждаются в просушке. Для этого негры вытаскивают их на берег и водружают на камыш. На плотках, за которыми я наблюдал, находилось по одному шиллуку. Рыболов стоял на коленях, опираясь сиденьем на пятки, и направлял плот коротким веслом. Около него находилось копье для рыбы, состоявшее из железного острия со многими зубцами, насаженного на длинное деревянное древко; последнее было удлинено пятиметровым тростниковым стволом, который плыл за плотом. Спускаясь по течению, шиллук мечет копье в стаи рыб, огромными массами водящихся как в Собате, так и в Бахр-эль-Абиаде; тысячи водяных птиц находят себе здесь пропитание.

По вполне понятным причинам негры опасались приближаться к нам и держались у противоположного берега. Один из находившихся на нашем пароходе солдат, сам шиллук, по моей просьбе, обратился к неграм с предложением подплыть к нам, но, несмотря на наши зазывания, они не соглашались на это. Наконец, когда им объяснили, что они получают хлеб, один из шиллуков преодолел страх и подплыл к пароходу. Я дал ему хлеба и дурры⁹ и предложил ему принести на станцию Собат копья, дротики и другие предметы производства шиллуков, за что обещал вознаграждение. За пару рыб, которые, нанизанные на шнурок, лежали у него на плоту, он получил еще дурры от судовой команды. Видимо, успокоенный и удовлетворенный, он отплыл восвояси. Невольно я подумал о том, как легко было бы сделать этих детей природы благожелательными к нам и с их помощью проникнуть в глубь материка, до сих пор остающегося неисследованным. Для этого только надо отказаться от той хищнической и разбойничьей системы, которая позорит продвижение в страны истоков Нила арабской культуры под египетским флагом. Мой многолетний опыт в течение последующих путешествий превратил это мнение в несомненную уверенность и укрепил меня в ней. Именно то, что я так последовательно придерживался моего отношения к туземцам, способствовало моему проникновению в неприступные до того страны, которые открылись мне, исследователю-одиночке, путешествовавшему в сопровождении лишь нескольких слуг-подростков; однако население этих стран, несомненно, оказало бы сопротивление всем попыткам вторжения путем насилия. Время и терпение, и надо сказать, очень большое терпение, были моими главными помощниками, которым я обязан своими успехами.

Хижина шиллуков. Фотография

⁹ *Дурра* – название некоторых форм злака сорговых (*Sorghum vulgare*). Распространено в Африке и Юго-Восточной Азии, где возделывается на зерно, идущее в пищу человеку, а также на корм скоту.

После заката солнца погрузка дров на пароход закончилась, и мы снова поплыли вверх по реке. Высокие берега были покрыты лесом. Однако, когда я наутро вышел на палубу, я не увидел больше деревьев, – направо и налево простиралась травяная равнина. Единственное, что разнообразило степь и вызывало мое живое внимание в течение последующих дней, были довольно часто попадавшиеся, расположенные друг от друга на расстоянии около получаса ходьбы деревни негров, состоявшие из двадцати-тридцати тукулей. Последние частью стояли на самом берегу, а частью были поодиночке разбросаны между дурровых полей, на расстоянии сотни шагов один от другого.

Как мне сказали люди на пароходе, знающие эту местность, это были деревни племени нуэр. Часть их жила здесь оседло, другие приходили сюда из глубины страны на время, чтобы посеять и снять урожай дурры; после этого они опять уходили. На многих хижинах крыши, имевшие колоколообразную, несколько уплощенную с раздутыми боками форму, были украшены страусовым яйцом или винной бутылкой на верхушке. Мужчины были совершенно нагими, на женщинах были надеты передники. Шерстистые волосы были или покрыты своеобразной корой, или выкрашены в красновато-рыжий цвет. Тело было покрыто серой золой. Над дурровыми полями возвышались помосты, на которых дети мастерски играли роль огородных пугал, отгоняя громким криком и живыми жестами бесчисленные стаи дроздов.

Около трех часов ночи мы пристали к селению шейха Амоля из племени фаланг. Утром я передал ему через переводчика мое желание приобрести утварь и оружие. Деревня состояла примерно из двухсот тукулей, разделявшихся дурровыми полями. Негры этой деревни, принадлежавшие к племени фаланг, стояли группами и с удивлением рассматривали пароход, в особенности его двигающиеся колеса. Шейх Амоль сопровождал нас при нашем осмотре деревни. Как ни просты сами по себе были хижины негров, но и здесь во внешнем виде сказывалось различие между зажиточными и бедными их обладателями. Хижины более богатых выделялись большими размерами, тщательностью отделки, поддерживающейся в порядке крышей и густо заплетенной изгородью. Как ни ограничены были потребности обитателей этой деревни, как ни мало могло быть их состояние, но и здесь были бедные, которым в борьбе за существование приходилось тянуть более тяжелую лямку, чем их богатым собратьям. Мерещившегося утопистам равенства мнимых «детей природы», этого нереального идеала гуманистов-мечтателей, у негров не оказалось; во всяком случае среди живущих по берегам реки Собат его не было.

Восточнее зеробы Нассер, конечной цели нашего пути, по ту сторону реки на островке находилась деревушка, обитаемая, как мне сказали, племенем ниуак. Я захотел ее посетить, чтобы увидеть негров у себя дома. Меня не хотели отпустить одного, и несколько человек – капитан и офицер с солдатами – вызвались меня проводить. Я подумал, что такая свита затруднила бы каждый мой шаг, который бы я предпринял, и помешала бы мне без помех понаблюдать за неграми ниуак на свободе. Поэтому я решительно отклонил это предложение и согласился лишь на то, чтобы два солдата, говорившие на языке туземцев, пошли вперед и предупредили их о моем посещении. Я отправился на остров на лодке в сопровождении Адыака, вождя деревни ниуак, расположенной за два километра отсюда. Под камышовым навесом рекубы меня ожидало почти все мужское население деревни, находившейся на северо-западной оконечности острова. Шейх деревни сидел на разостланной на земле бычьей шкуре. Я занял место рядом с ним. Вокруг нас сомкнулась стена плотно придвинувшихся ко мне негров, которые, видимо, очень удивленно, но дружелюбно, рассматривали меня. Мое внимание также было в высшей степени возбуждено окружающими нас нагими фигурами. Первый раз в жизни я сидел среди людей, так значительно отличавшихся от всех тех, с которыми мне до сих пор приходилось соприкасаться. Мне, как новичку, они казались почти существами особого рода. Мимо них прошли все фазы многих тысячелетий культуры

человечества, не задев их; эти негры были для меня представителями доисторического времени, детства человеческого общества, ставшего на Востоке уже старчески дряхлым.

По арабскому обычаю я коснулся кончиками пальцев внутренней стороны протянутой мне шейхом руки и жестами показал окружающим мое дружелюбие и благорасположение; на это черное общество ответило выражениями живой радости – громким смехом. Прежде прятавшиеся за хижинами женщины и дети скоро тоже набрались мужества и отважились удовлетворить свое непреодолимое любопытство. Мужчины и женщины имели много украшений; если судить по их обилию, то мужчины были большими щеголями. Наиболее излюбленными были, видимо, стеклянные бусы, которые, нанизанные на волосы из жирафовых хвостов, в виде ожерелий и браслетов украшали шею и руки. Бусы были большей частью мелкие, белого, зеленого, красного и голубого цвета. Место подвесков, которыми у нас украшают женские серебряные браслеты, например, в виде редких монет, у ниуак занимали осколки фарфоровой или фаянсовой посуды, которую, вероятно, завозили сюда торговые барки хартумских торговцев слоновой костью. Я увидел несколько железных обручей на руках и на ногах; почти все негры носили по два, три и даже четыре массивных браслета из слоновой кости на предплечьях, – признак того, что слоны были здесь в изобилии. Волосы свои ниуак убирали разными способами: одни были коротко острижены и завиты, другие имели длинные волосы, покрытые коркой из куриного помета, смешанного с золой, отчего волосы приняли красновато-рыжий оттенок. У одного юноши я увидел остроконечно поднятый вверх хохол, благодаря чему он напоминал нашего клоуна. Некоторые мужчины имели горизонтальные рубцы на груди и животе. У женщин в проткнутых верхних и нижних губах торчали кусочки тростника, которые во время речи приходили в движение. Каждый мужчина был вооружен двумя, тремя и даже четырьмя копьями, которые он не выпускал из рук. К этому присоединялись у некоторых дубинки из похожего на эбеновое дерева, очень твердого и тяжелого.

Железное кольцо с горы Тена

Главным занятием живущих в этой деревне негров было рыболовство. Рыба составляет основу их питания, хотя они и возделывают дурру; посев и сбор урожая дурры лежит главным образом на женщинах. Из утвари мое внимание привлекли большие деревянные ступки с длинными тяжелыми пестами; в них раздробляли зерно дурры. Посуда состояла из глиняных горшков в форме полушарий, сосудов из высушенных тыков, а также из черепаших щитов. Молодые и старые, женщины и мужчины – все курили табак в трубках с большими глиняными головками и чубуками из тростника. Приготовление мериссы – одно из важнейших дел хозяйки, на нее идет большая часть собранной дурры.

Когда я оставил деревню, мы с ниуак были уже добрыми друзьями, и вождь Денг обещал нанести мне ответный визит. Вечером я увидел пять лодок на реке, это были мои ниуак. Они пристали рядом с парходом, разостлали на земле бычьи шкуры и присели на них. Они

приветствовали меня своеобразным пением в полный голос, сопровождаемым аккомпанементом на ручном барабане. Я пригласил их на пароход. Они пошли мне навстречу склонившись, присели, вытянув руки, и посмотрели на меня: это был их селям. Затем каждый положил мне к ногам подарок: шкуры жирафа, буйвола, антилопы, копья. Зажиточный ниуак привел козу, а вождь – даже белую корову, которая уже давно привлекла мое внимание, когда она плыла, привязанная к лодке.

По рассказам ниуак, река Собат образуется из четырех притоков: Аддура, Никуар, Гело и Абуал. Берега этих рек заселены племенем ниуак. Управитель станции добавил, что за племенем ниуак следует на юго-восток племя бондьяк, на реке этого же названия, которое говорит на языке ниуак. Далее на юг живут джиббе на одноименной реке. Эти последние имеют особый язык и являются как будто одним из больших народов области Собата. Еще дальше живут кункунг, также с особым языком. Племя никуар на реке того же названия – богатые скотоводы. Их соседи чай, как говорят, пользуются отравленными стрелами. Эти сведения, хотя и не могущие быть приняты безусловно на веру, при отсутствии основательных данных об истоках и притоках Собата и населении их берегов, имеют и до сих пор значительную ценность.

Когда я завербовал между неграми вождя Денга трех человек, которые должны были сопровождать меня в качестве переводчиков в поездке вверх по реке (неожиданно быстро закончившейся), эти люди громко закричали своим сородичам в деревне и делали различные знаки, объясняя им что-то. После этого с острова приплыли в лодке две женщины, высадились и ожидали мужчин, которые сошли с борта парохода на берег. Там мужчины стали со сложенными руками перед женщинами и, видимо взволнованные, ожидали последовавшего заклинания, произнесенного женщинами полусшепотом. Произнося заклятия, женщины проводили руками и тонкими палками по головам и спинам мужчин. После этого мужчины, успокоенные, возвратились на пароход и объявили себя готовыми к отъезду. Вследствие незнания языка ниуак, я не мог получить верного и точного объяснения наблюдаемой мною сцены.

Глава II

Путешествие в страну Макарака

Тринадцатого сентября 1876 г. я вернулся в Хартум. Здесь я должен был выработать план более длительного путешествия. Намерение, которое привело меня в Судан, – обследовать Дарфур – не могло быть выполнено, так как я все еще не имел разрешения от египетского правительства.

Кроме того, условия путешествия по Дарфуру в то время были очень неблагоприятны. В стране начался голод, и царила сильная дороговизна. За ардеб дурры, который в Хартуме стоил талер Марии Терезии,¹⁰ в стране Дарфур надо было заплатить 30 талеров.

С тех пор как я прибыл в Судан, где приступил к собиранию этнографического материала и получил возможность, выезжая на места, более основательно изучить отдельные негритянские племена, у меня с каждым днем увеличивалось желание предпринять более длительное путешествие в языческие негритянские страны.

Вряд ли я использовал бы сейчас разрешение на поездку в Дарфур, так как, по моему мнению, прошлогодняя экспедиция египетского генерального штаба с участием американцев достаточно обследовала эту страну. Я познакомился с некоторыми членами экспедиции, и в мои руки попали карты этой местности, а также большое количество астрономических ориентиров. Я считал, что основная работа в Дарфуре закончена и что можно провести лишь еще специальные детальные исследования.

Условия моего путешествия не могли бы быть такими же благоприятными, как у этой экспедиции, которая дала возможность участникам расширить исследования расположенных к югу от Дарфура медных рудников до эн-Нахаса и до границы Вадаи. К тому же все знавшие Дарфур рисовали мне эту страну, как малоинтересную и бесплодную. Мне приходилось также учитывать фанатизм магометанского населения и его ненависть к христианам. Все это в конце концов заставило меня отказаться от путешествия в Дарфур.

Поэтому я решил отправиться в Ладо у верховьев Бахр-эль-Джебеля – главный центр Экваториальной провинции, несмотря на то, что перспективы больших путешествий по провинциям, находящимся под управлением Гордон-паши,¹¹ были неблагоприятные. [Однако Юнкеру удалось получить письмо за подписью Гордон-паши всем начальникам и служащим правительственных и торговых станций с предложением предоставлять ему и его помощнику – препаратору Ronny – носильщиков и провиант, а также оказывать хороший прием и требуемое содействие.] С этим письмом в кармане я мог, наконец, спокойно предпринять приготовления к отъезду. Кроме различного инвентаря, я обзавелся тремя ослами для верховой езды. Окончательными сборами мы с Коппом занялись уже на борту парохода «Измаилия», который должен был везти нас в Ладо.

Двадцать второго октября в 12 часов дня «Измаилия», наконец, покинул Хартум. Мы плыли вдоль берега Голубого Нила, чтобы, обогнув Рас-эль-Хартум, направиться к Белому Нилу.

В Каве пароход оставался два дня, чтобы погрузить дрова из сандаловых деревьев. 29 октября вечером мы достигли Фашоды, где нас неожиданно настигла сильная гроза.

Тридцатого октября, на рассвете, мы прибыли в зерību Собат. Вероятно, вследствие усилившегося движения пароходов за последнее время, мы не нашли на станции заготовлен-

¹⁰ Талер Марии-Терезии – серебряная монета с изображением австрийской эрцгерцогини, королевы Венгрии и Чехии (1717–1780). Впервые выпущена в 1753 г. Получила широкое распространение на Ближнем Востоке. В Восточной Африке она настолько основательно укрепилась, что ее долгое время не могла вытеснить ни одна другая денежная единица.

¹¹ Гордон Чарльз Джордж (1833–1885) – английский генерал. В 1877–1879, 1884–1885 гг. – генерал-губернатор Судана.

ных дров. Нам пришлось поэтому несколько задержаться. С мудиром и начальником станции Зюруром-эфенди, с которыми я раньше был знаком, я обменялся некоторыми подарками, в результате чего обогатил мою этнографическую коллекцию.

Первого ноября в полдень мы отправились в дальнейший путь на юг. Справа и слева простирались необозримые равнины. Река была окаймлена густыми зарослями травы «оммсуф» (*Vossia procera*). Позднее с левой стороны вдали показались заросли невысоких кустарников акации, вероятно *Acacia verugera*. На другом берегу, далеко в степях, покрытых травой, – многочисленные деревни шиллуков, около которых возвышалась группа пальм дум.¹² Мы вступили в область папирусов.¹³

Вечером и ночью приходилось часто пробиваться сквозь небольшие травяные массивы в местах, где река замыкалась. По этой, ничем не нарушаемой, однообразной, почти пугающей камышовой пустыне, между высокими колышавшимися стенами из травы, тростника и папируса плыли мы в течение двух дней по крутым извилинам реки на юг.

Ночью 4 ноября мы прибыли в Габе Шамбиль.

Шиллук на рыбной ловле

В субботу мы покинули Габе Шамбиль и двинулись по направлению к Бахр-эль-Джебелю дальше на юг. Река здесь делает много поворотов. Негров было видно очень мало. Отдельные, очень бедные хижины, окруженные большими кучами золы, представляли печальную картину, которая, однако, полностью гармонировала с пустынным болотистым краем. Здесь я увидел характерную птицу болотистой страны Белого Нила, диковинную «абу меркуб», как ее называют арабы («башмачный клюв» или «китовая голова»), *Balaeniceps rex*, по нашей орнитологии. Неподвижно сидела она, подняв большую голову с своеобразным клювом на расстоянии нескольких сот шагов от парохода.

¹² *Пальма дум* (*Hiphaene thebaica*) – в отличие от большинства видов пальм, имеет разветвленную крону, а также плоды с чешуйчатой кожурой. Сок пальмы используется для приготовления пальмового вина – прохладительного напитка.

¹³ *Папирус* (*Cyperus papyrus*) – травянистое растение семейства осоковых с высоким трехгранным стеблем, родом из Тропической Африки. Образует по берегам рек и озер густые заросли, типичен для многих болот. Стебли в Древнем Египте употреблялись для изготовления бумаги (папируса), являлись сырьем для изготовления обуви, циновок и др.

Королевская цапля (Balaeniceps rex)

В воскресенье утром мы прибыли в Бор. Раньше Бор находился во владении купца Аккада. Теперь он занят египетскими солдатами и является резиденцией правителя округа (мудира), который в это время отсутствовал. В сопровождении капитана корабля я посетил зерибу, расположенную и устроенную подобно другим правительственным станциям.

Рядами стоят тукули, соломенные хижины, некоторые из них соединены тростниковой изгородью. Между заборами расположены улицы, пересекающиеся под прямым углом. Все это обнесено высокой и крепкой оградой из столбов и кустов терновника (которая дала этим селениям их название «зериба»), защищающей от враждебных племен и ночных хищников.

Несмотря на лихорадку и большую слабость в ногах, я осмотрел станцию и затем вернулся назад в помещение мудира. Это было маленькое приятное здание, со свежевыбеленными глиняными стенами и правильными оконными отверстиями, что здесь в стране довольно редкое явление. Окна были даже, наподобие домов в Хартуме, обрамлены окрашенным в красный цвет орнаментом. Маленькие занавески усиливали впечатление уюта. Сад из банановых зарослей бросал тень на здание. В аллеях сада была приятная прохлада. Там были посажены американский маис, кайенский перец, по-арабски «шитет» – *capsicum* *capicum*, маленькие лимонные и апельсиновые деревья, фасоль и другие растения.

Вдруг был дан сигнал тревоги, и все, кто имел оружие, побежали к зерибе. Толпа вооруженных со знаменами, на которых были изображения полумесяца, бежала навстречу невидимому врагу. Я взшел на одну из террас, построенных на каждом углу забора и служащих для наблюдения, но не увидел ничего угрожающего. Чтобы навести на туземцев страх и избежать атаки, была заряжена пушка и дан выстрел холостым зарядом. Грохот выстрела вызвал у негров, незнакомых с этим звуком, сильный испуг.

Я сошел со своего поста и медленно пошел назад к пароходу. Причина тревоги оказалась довольно незначительной. Усмиренные много лет тому назад негры бор, жившие вокруг станции, с некоторого времени были враждебно настроены, и в этот день, возмущенные каким-то насилием со стороны солдат, собирались угнать несколько голов скота из принадлежащего зерибе загона. Этим и объяснялся шум. Вскоре отряд вернулся. Чтобы оградить себя ночью от каких-либо случайностей, мы поставили на пароходе караул из четырех человек. Для проверки, насколько они добросовестно выполняют свои обязанности, и чтобы заставить их бодрствовать, караульным было предложено (как это принято во всех провинциаль-

ных станциях в ночное время) громко произносить свой номер. На расстоянии двух шагов от моей каюты стоял караульный номер четыре. Он регулярно протяжно повторял свой номер «А – арба» и не давал мне заснуть.

Векиль – заместитель мудира – хотел воспользоваться нашим пароходом, чтобы наказать туземцев, и открыть против них военные действия. Рано утром пятьдесят солдат вступили на борт корабля. Мы плыли в течение получаса вниз по реке мимо лесистых берегов, покрытых *Nurphaena thebaica*, и пристали к правому берегу. Солдаты немедленно исчезли в высокой траве. Несколько минут спустя раздались один за другим выстрелы. Это люди с борта стреляли в траву, они думали, что там находятся негры. Я лично никого не видел. Примерно через 20 минут после стрельбы отряд вернулся с добычей. Нападению подверглась близлежащая деревня. Из мужчин большинство убежало, некоторые были убиты. По крайней мере солдаты хвастались, что они заставили некоторых растянуться в траве. Женщин и детей из деревни привели на пароход. Пленные мужчины должны были доставить сорок больших корзин с зерном. Я, со своей стороны, воспользовался случаем, чтобы приобрести всякие мелкие предметы для своей коллекции.

Деревни негров бор состоят из хижин, расположенных в более или менее определенном порядке или разбросанно. Эти хижины представляют собою круглые низкие строения с земляными и глиняными стенами, покрытые соломенной крышей конической формы. Многие хижины имеют небольшую открытую спереди пристройку, рекубу, которая так же, как и входная дверь высотой в два фута, закрывается циновками.

«Измаилия», после того как все было погружено и на борт были приняты пленные негры, поплыл назад по направлению к станции Бор.

Солдаты с зерном и туземцы были здесь высажены на берег, а мы продолжали наше путешествие в Ладо. В течение дня мы проплывали мимо многих прибрежных негритянских селений. Они казались вымершими. Очевидно, при нашем появлении туземцы из страха прятались. Только после того, как пароход проплывал мимо, из-за хижин показывались отдельные фигуры.

Вечером я увидел табун лошадей, купающихся в Ниле. Из-за многочисленных мелей нам пришлось ночью бросить якорь. На следующий день поездка была также затруднена. Мы часто наталкивались на мели и потеряли много времени. Несмотря на это, мы все же уже 7 ноября вечером, после 17-дневного путешествия, прибыли в Ладо. В тот же вечер я смог передать предписание Гордон-паши врачу управления д-ру Эмин-эфенди.¹⁴

Доктор Эмин-эфенди оказался очень образованным человеком. Я узнал от него, что он учился в Берлине. Кроме французского языка, на котором мы тогда разговаривали, он знал многие восточные языки. Он только недавно вернулся из поездки в Буганду,¹⁵ к ее правителю Мтезе, которого посетил с дипломатической миссией по поручению губернатора. По распоряжению Гордона, эфенди должен был ехать на пароходе «Измаилия» в Хартум. Поэтому я мог пробыть с ним только несколько дней.

На нашем пароходе прибыло в Ладо много писарей и правительственных чиновников. Чтобы расселить всех этих людей, не хватало хижин. Однако, поскольку многие покидали Ладо, чтобы вернуться в Хартум, квартиры должны были освободиться. Пока же вновь прибывшим предложено было остаться на пароходе.

Меня и моих людей постигла та же участь. Эмин-эфенди был настолько любезен, что предложил мне занять его усадьбу, как я называю обнесенную забором группу хижин – тукулей, которая обычно служит жильем для одной семьи. Пока помещение приводилось в поряд-

¹⁴ *Эмин-бей*, позже Эмин-паша-Мехмед – настоящее имя Эдуард Шнитцер (1840–1892). В 1874 г. был приглашен Гордоном в Египет. Принял египетское подданство и ислам, выполнял административные функции в Экваториальной провинции.

¹⁵ *Буганда*, то же, что Уганда, – страна в Экваториальной Африке, расположенная в пределах Восточно-Африканского плоскогорья. Вследствие исключительно благоприятных природных условий издавна была густо заселена.

док, я оставался на борту парохода. Почти ежедневно по вечерам собирались грозовые тучи, и это часто заканчивалось дождем. Для меня лично дождь пошел очень не вовремя – когда я оставил свои вещи на палубе парохода, с тем чтобы на следующий день перенести их в приготовленную для меня хижину; ночью началась такая непогода, какой я никогда в своей жизни не видел. Дождь потоком лил всю ночь напролет до утра. Потолок в салон-каюте стал протекать, и я не мог найти сухого места, чтобы лечь спать.

Тринадцатого ноября я, наконец, переехал в предназначенный мне тукль. Мой в значительной степени промокший багаж был перенесен в новое жилище толпой негров бари. Как только я сошел с парохода на берег и устроился в хижине, мое состояние улучшилось, я обрел равновесие; так как я намерен был ехать дальше с караваном в Макарака, то вынужден был в ожидании его задержаться в Ладо.

Предоставленное мне обстоятельствами время я использовал для собирания зоологических и этнографических материалов. Я наблюдал туземцев, живших вокруг станции – негров бари. Однако их замкнутость и нежелание вступать в общение не дали мне возможности увеличить мою коллекцию. Все усилия раздобыть через негров рыб и черепах оказались напрасны. Проживающие в этой местности бари, в связи с недавним освоением станции Ладо, примерно около двух лет назад, еще не побороли в себе страха и недоверия к египетскому гарнизону и вели себя, как настоящие первобытные люди. Никто из них не знал арабского языка. Иначе обстояло дело в Гондокоро, где в течение многих лет находилось египетское население и сказалась работа католических миссионеров. Со времени захвата египетским правительством прежних торговых зериб и основания новых военных станций бари, говорящие по-арабски, были взяты на службу. Среди других подвластных египетскому правительству негров они образовали особую группу и были использованы в качестве драгоманов– переводчиков, посредников и надзирателей. Постепенно среди туземцев, населяющих окрестности станций, стали появляться люди, готовые променять свою довольно относительную свободу на сравнительно обеспеченное существование, которое давала им служба в качестве переводчиков.

После непродолжительного знакомства с бари я установил, что их неприступность объясняется своеобразным характером их племени. В этом отношении они сильно отличались от макарака, с которыми я познакомился позднее. В то время как с последними я легко вступил в общение и они мне приносили всевозможные мелкие изделия их производства, я от бари, несмотря на все мои старания, ничего не мог добиться. Они приходили ко мне, правда, ежедневно в тукль, но только для того, чтобы просить пищи, показывая на свой всегда пустой живот. Если им предлагали выполнить какую-либо работу или если у них пытались что-либо купить из их украшений – ожерелья из собачьих или львиных зубов, железные кольца или браслеты, украшенные клыками кабана *Phacochoerus africanus*, они от этого уклонялись. Эти выполненные с известным искусством, особенно кузнечной работы, украшения составляли единственную одежду мужчин бари.

Большинство мужчин – высокого роста, со стройными фигурами и удлиненными конечностями, преимущественно худые. Наоборот, среди женщин преобладают очень упитанные, редко высокие, чаще ниже среднего роста. Бари по своему внешнему облику относятся к группе длинноногих с темно-коричневой кожей нильских негров, которые населяют низколежащие, подвергающиеся ежечасным наводнениям болотистые страны по берегам Бахр-эль-Абиада и его притоков. Из них, например, ниуак, обитающие у Собата, как мне кажется, представляют восточно-пограничное племя. Главные представители этой группы – нуэр и различные племена динка или джанге, например, кич (джемид, лау), эллиаб, бор по Бахр-эль-Джебелю, этот, агар и рохль, или роль по Бахр-эль-Газалю. Далее многолюдные, также распадающиеся на многие более мелкие племена, бари, из которых наиболее значительны чир (тшир) на севере, собственно бари, обитающие вокруг гор Ладо и Белиниан в

середине и ниамбара на западе. Шиллуки, распадающиеся на многие большие, далеко отстоящие друг от друга ветви, также должны быть причислены к этой большой группе негров, по всей вероятности, населяющих до сих пор места их первоначального обитания. К северным шиллукам, места поселения которых простираются до 12° северной широты, примыкают на западе джур на Бахр-эль-Газале; на юге представителями этой группы являются негры шули.

Не без основания эти народности сравнивают, из-за длины нижних конечностей, с болотными птицами; к тому же эти негры часто стоят на одной ноге, в то время как пятку второй ноги упирают в голень первой.

Мускулатура у бари мало развита. У некоторых, в особенности у женщин, имеют место значительные жировые отложения. Цвет кожи у этого племени мало чем отличается от цвета других нильских негров. Это глубокий, большей частью лишенный блеска коричневый цвет, сквозь который иногда просвечивает шоколадный основной тон. Радужная оболочка глаза всегда коричневая, роговица – грязно-желтого, часто оранжевого цвета. Лоб низкий, череп долихоцефальный, верхняя часть затылка кажется более развитой. Челюсть несколько выдается, рот широкий, с толстыми губами. Волосы черные, без блеска, шерстистые, курчавые, на затылке и макушке сбриты примерно на ширину двух ладоней. Как у женщин волосы на голове, полностью сбриты также волосы и на остальных частях тела у обоих полов. Негры бари, как и их северные соседи, удаляют передние зубы нижней челюсти, но все же нередко встречаются люди с полной челюстью хорошо сохранившихся зубов. Страсть окрашивать тело железисто-красной глиной преобладает среди женщин; однако встречаются и мужчины, у которых все тело окрашено в красный цвет. Эта обмазка, резко отличающаяся от естественного цвета кожи, придает бари почти дьявольский вид. В зерибе бари часто разгуливают с длинной палкой и скамеечкой для сидения, которую они носят на руке или на плече, если она большего размера, с широко отстающими ножками.

Наряд мужчин, всех без исключения нагих, состоит из следующих предметов: ожерелье из нанизанных рядами зубов домашних животных, в редких случаях из особенно высокоценных львиных зубов; железные обручи на сгибах рук и на лодыжках; широкие толстые браслеты из слоновой кости, которые они обычно носят на правом предплечье; пояс из шнура с нанизанными маленькими тоненькими кружками, которые шлифуются из скорлупы речных ракушек, с кистями из звериных хвостов. Излюбленным головным убором являются черные перья, которые придают бари воинственный вид.

Как и у других народов, женщины у бари придают наряду и украшениям больше значения, чем мужчины. Пожилые женщины обвязываются спереди и сзади шкурой козы, выкрашенной в красный цвет (если это одеяние вывернуть наизнанку, то оно напоминает по своей форме меховой плащ наших горных жителей). Молодые женщины, кроме этой шкуры, носят еще и передник, напоминающий кожаный пояс жителей Судана. Плетеный хлопчатобумажный кушак шириной в ладонь опоясывает тело молодой супруги; с кушака спускаются длинные, густо переплетающиеся мотки волокон, которые довершают скудное одеяние. Девушки вместо мехового передника носят широкую, прикрепленную к поясу, спускающуюся до колен кисть, так называемую барика, которая при ходьбе колышется. Третий вид пояса, так называемый рахат, носят только очень молодые девушки и дети: с пояса спускаются петлями железные цепочки длиной в 20–40 см, или вместо них узкие железные пластинки. Вместе со всеми остальными украшениями (цепочками на шее, бусами, браслетами для рук и ног) этот передник при каждом движении девушки издает звук ударяющихся друг о друга железных пластинок, что придает их обладательнице нечто воинственное. Тканями ни мужчины, ни женщины бари не пользуются; несмотря на то, что они уже в течение многих лет были в состоянии себя ими обеспечить, они придерживаются своей старой моды.

Несмотря на все мои старания, я никак не мог наладить обмен с женщинами. Более прилежных и подвижных, чем мужчины, женщин зерибы можно было всегда встретить с

маленькими вязанками дров, которыми они снабжали туземцев. Они постоянно носили с собой маленькие корзинки, в которые собирали пригоршни дурры, получаемые в уплату за доставку дров или мелкие услуги: доставка воды, уборка двора, мытье посуды и т. д.

Бари, как и динка, преимущественно скотоводы.

Прогулки со станции в ближайшие окрестности помогли мне коротать время, оставшееся от моих ежедневных занятий по записыванию наблюдений.

Ладо было два года тому назад, из хозяйственных и санитарных соображений, укреплено и расширено Гордон-пашой. К Гондокоро – прежней главной зеррибе у Бахр-эль-Джебеля, возведенной Самуэлем Бэкером,¹⁶ расположенной на восточном крутом берегу рукава Нила, вследствие обмеления реки, не могли больше приставать корабли. Река за последние годы приняла западное направление, так что главное русло, на котором была построена эта станция, все более превращалось в заболоченное, засыпанное песком второстепенное русло. Это не могло не отразиться на санитарном состоянии Гондокоро. Смертность среди прибывших из Хартума была постоянно очень большой.

Новая главная станция, возведенная на высоком левом берегу, возвышалась на несколько метров над рекой. Окруженная лесами, доходившими почти до ворот, она в период дождей оказывалась окруженной болотами. С годами неблагоприятные условия улучшились, но все же станция постепенно подвергалась разрушению и размывам.

В Ладо в ноябре не так легко было получить овощи или бобовые плоды; только в конце декабря сады и поля дают свой урожай: бамия,¹⁷ мелохия (*Corchorus olitorius*),¹⁸ арбузы, по-арабски «баты», – вот основные продукты. Хлебных злаков здесь почти не сеют. Туземцы, населяющие станцию, живут беззаботной жизнью (как и везде в Судане), рассчитывая на подвоз хлеба из Хартума.

Долгое отсутствие кораблей из-за частого обмеления реки, забиваемой большим количеством травы, постоянно угрожает населению голодом. Гордон-паша, учитывая это обстоятельство, отменил старую систему реквизиции и наладил снабжение продовольствием всех станций из Хартума. Однако, так как вследствие большого спроса цены на дурру и в Хартуме стали быстро расти, Гордону было дано указание обеспечить себя продовольствием на месте в собственной провинции.

Прежде чем он успел осуществить свои планы, ему пришлось оставить Ладо и верхнюю область Нила, чтобы принять на себя управление всем египетским Суданом. Багит-ага, мудир Макарака, обратил внимание Гордона на богатство этих стран злаками и сравнительную легкость их доставки через леса и саванны страны Ниамбара. Они доходят почти до самого Ладо. На расстоянии нескольких часов от северных ворот находятся горы Ниеркани, или Джебель Ладо. Перед зрителем парковый ландшафт: несколько мощных старых деревьев, переходящих вдаль в низкий светлый кустарник, который на горизонте кажется ограниченными горами Ниамбары. Единичные болотистые места с кудрявым кустарником в виде островков являются безопасным пристанищем для диких кабанов. А в непосредственной близости от зеррибы над ней постоянно носятся в большом количестве мощные хищные коршуны-стервятники (*Vultur barbatus*, *Vultur monachus*, также *Vultur Ruppellii*), высматривающие отходы от кухни и бойни и обыскивающие все мусорные кучи. Они не прерывают своих занятий даже при приближении человека, так как им незачем его бояться. Так же,

¹⁶ *Бэкер Самуэль Уайт* (1821–1893) – английский путешественник. В 1861–1865 гг. исследовал верхнее течение Белого Нила, открыл озеро Мвутан-Нзиге, которое назвал Альберт-Нианца, установил, что озеро Виктория соединяется с Белым Нилом.

¹⁷ *Бамия* (*Hibiscus esculentus* L.) – однолетнее растение семейства мальвовых. Незрелые плоды употребляются в пищу, из семян делают масло.

¹⁸ *Мелохия* (*Corchorus*) – джут, род растений семейства липовых. Один из видов (*Colitorius*) используется как огородное растение: его листья и молодые побеги употребляются населением в пищу в вареном виде.

как в старину египтяне охраняли очищающих воздух перкноптеров,¹⁹ так это делают до сих пор суданцы. С трудом, бросая камни, я добился того, чтобы птицы поднялись в воздух, но они, беспомощно подпрыгивая, отлетели на несколько шагов и вновь принялись за корм. В обществе коршунов находятся вороны с блестящими издали белыми грудками – большие, сильные птицы, карканье которых не более мелодично, чем наших отечественных ворон. Дерзкие, легко оперенные «милане»²⁰ беспрестанно кружат в воздухе. Это отважные воры, которые способны из клюва коршуна или себе подобных украсть добычу.

Парковый ландшафт на пути в страну Макарака. Фотография

Высокая раскидистая листва деревьев *Butyrosperm*²¹ населена стаями воробьев, хозяйничающих в близлежащих полях дурры, к немалой досаде бари, у которых этот маленький «народец» вместе с огненными зябликами (*Euplectes flammiceps*, *Euplectes ignicolor*) в их великолепном брачном наряде, вспыхивающем на колосьях, как пламя, грабит значительную часть долгожданного урожая. В разбросанных группами по местности кустах и деревьях (*Balanites*, *Parkia*, *Kigelia*, *Tamarindus*)²² водятся самые разнообразные виды пернатых; здесь звучит фанфарная трель маленькой жемчужной птички, там – низкий, короткий зов флейты перескакивающей с куста на куст *Dryoscopus erythrogaster*; часто встречается красивый, с сильным клювом *Lanius excubitorius*; с непрекращающимся шумом и щебетанием мелькают в быстром и высоком полете ласточки. Темное, с металлическим блеском оперение великолепных блестящих скворцов сверкает на солнце; голоса несущихся к реке ценосных журавлей *Grus pavonina*, которых по их крику арабы называют «карнук», раздаются высоко в воздухе; стаи белоснежных маленьких цапель (*Ardea bubulcus*) шагают по полям у реки; по берегу в поисках пищи бегают чибис (*Lobivanellus cristatus*) в обществе громко кричащего и бродящего даже по ночам дождевого свистуна. Над рекой реет черный нырок (*Plotus melanogaster*), то неожиданно исчезая в воде, то также неожиданно появляясь из нее; в камыше и между отдельными кустами папируса стоят на ногах, подобных ходулям, задумчивые, желтоклювые цапли *Ardea flavirostris* и *Ardea comata*. На уединенных береговых лугах охотится за лягушками и змеями громадный, в великолепном оперении, седельчатый аист *Mysteria senegalensis* со своей супругой. Парноно ходящие египетские гуси, кото-

¹⁹ *Перкноптер* (*Neophron percnopteres*) – хищная птица, в древние времена являлась для египтян объектом поклонения.

²⁰ *Милане* (*Milvus*) – хищная птица семейства коршунов.

²¹ *Butyrospermen* – африканское тропическое растение (*Butyrospermen Parkii*), семена которого содержат масло, идущее на изготовление мыла и свечей.

²² *Тамаринд* (*Tamarindus indica*) – дерево семейства бобовых, высотой до 25 м, с развесистой кроной, перистораздельными листьями и желтоватыми цветами. Плоды – бобы с красно-бурой мякотью, кисловатые на вкус, употребляются в медицине в качестве слабительного, а также для изготовления сиропов и конфет.

рые также часто встречаются и на птичьем дворе, – *Tantalus ibis* с саблевидным клювом и в старину боготворившиеся *Ibis religiosa*, – предпочитают в качестве убежища выглядывающие из воды отмели.

На другой стороне реки – высокие заросли травы и камыша, где, вероятно, редко ступает нога человека. Они служат ночью местом пребывания гиппопотамов. Вечером здесь можно часто видеть много этих неуклюжих животных, расположившихся так, что лишь их головы видны на поверхности воды, или плывущих к берегу за добычей. Не проходило ни одной ночи, чтобы не слышно было их хрюканья, часто будившего меня. Местные жители не без основания боятся крокодилов. Рассказывают много случаев о людях, схваченных во время купания или плавания этими прожорливыми ящерами. Я до тех пор не верил рассказам, что крокодил может откусить у человека целую конечность, пока сам не сделался свидетелем такого случая. Недалеко от зеробы, где берег ниже и река образует мелкую лагуну, женщины и девушки наполняли водой круглые большие глиняные сосуды, которые они носят на голове, как и египтянки; хотя их фигуры менее привлекательны, чем у феллашек,²³ все же красивая постановка тела при ношении тяжелых сосудов с водой на голове очень напоминает феллашек. Там же, на расстоянии трех-четырёх шагов от берега, купались с адским гамом мальчишки. Однажды крокодил откусил одному мальчику левую руку до самого локтя так ровно и чисто, что я, быстро подоспевший к месту происшествия, не мог найти ни одной нитки мускула, которая высывалась бы из обрубка.

Меня со всех сторон убеждали, что дождливый период уже закончился, и наступило безоблачное лето; однако, как показывают мои метеорологические записи, это было не совсем так: по записям 21 ноября после полудня прошел грозовой дождь, 22 ноября была гроза с небольшим дождем, на следующую ночь – опять сильная гроза с дождем.

Двадцать шестого ноября, наконец, прибыла первая часть долгожданного каравана негров макарака. Так как в караване было несколько сот людей, его пришлось разделить, хотя бы уже из-за воды: для такого количества людей на дороге нельзя найти сразу достаточно питьевой воды. Вторая часть каравана прибыла много дней спустя. Так как в зеробе Ладо не хватало тукулей для всех прибывших, негры макарака построили себе в десяти минутах западнее Ладо собственную деревню.

Прибытие макарака внесло большое оживление в зеробу. Нельзя сказать, что и до этого здесь было тихо и спокойно, как, например, в тунисских или нубийских поселениях, казавшихся вымершими; наоборот, различнейшие звуки, особенно по вечерам и до поздней ночи, составляли сатанинский концерт. Немного спокойнее было по утрам, после того как многосотенные стада домашнего скота были выгнаны на пастбище из-за изгороди крааля неподалеку от зеробы. Кроме скота, принадлежащего правительству, каждая семья имела собственное небольшое стадо. Но в наступившей после угона скота тишине особенно ясно раздавались сварливые женские голоса, и мы становились невольными свидетелями семейных сцен. Соседка справа, в проворстве язычка не уступающая торговке Берлина или Вены, начинает взволнованно и бесконечно долго доказывать своим рабыням их никчемность, причем она часто прибегает к излюбленному сравнению рабынь с собаками; для большей же убедительности своих слов она обязательно выдернет из стены несколько камышин и обрабатывает ими спины несчастных. Как только умолкают крики справа, пронзительный голос моей соседки слева дает знать, что и она не менее активна в управлении своим домом. Из другого конца раздается неистовый крик непослушного мальчугана, получающего заслуженное наказание, а в третьем месте совсем юный гражданин мира громко требует пищи от своей жестокой кормилицы. Играющие на улице дети награждают друг друга ударами камыша, чтобы, по примеру спартанцев, еще в детстве подготовить себя к позднейшим уда-

²³ *Феллашки* – женщины феллахов, говорящего на арабском языке сельского населения Египта.

рам «курбаши», и шумят так, что я не имею покоя в течение всего дня. Если добавить к этому вечное кудахтанье кур, клохтанье индюшек, бляение оставшихся овец и коз и, кроме того, как аккомпанемент, учебные упражнения солдат гарнизона на трубе, то можно себе легко представить «дневной покой» в зерибе.

Вечером описанные шумные сцены повторяются, но часто еще дополняются монотонным пением собравшегося на какое-нибудь празднество общества. Неизменно участвующий в таких случаях барабан тамтам, в который бьют пальцами, сопровождает длящееся много часов в одном ритме, без всякого изменения, немелодическое пение. От времени до времени, при каждом взрыве веселья на празднестве, пение прерывается горловой трелью целого легиона женщин. Ко всему этому добавляется аккомпанемент возвращающихся в крааль и к хижинам стад скота. По счастью, куры уже своевременно скрылись на крышах хижин и не принимают участия в ночном гоме, зато коты, здесь совсем не похожие на миролюбивых домашних животных, начинают свои концерты. В постоянной вражде, они гонятся друг за другом через изгороди и по крышам и не дают спать своими душераздирающими любовными песнями, «способными смягчить камень и привести людей в бешенство». От их воровских когтей ничего не убережешь. Эти негодяи часто воровали у нас только что приготовленный сыр.

Упомянутый выше барабан – «дарабукке» по-арабски – является излюбленным инструментом во всем Судане. Поздно ночью, когда пение и шум уже затихли, и лишь переключки стражи, кошачьи концерты и хрюканье гиппопотамов в реке нарушают тишину, можно услышать какого-нибудь мечтательно мурлыкающего любителя музыки, который, аккомпанируя себе, постукивает в барабан, и часто утром при пробуждении еще звучит в ушах его дробь.

Гиппопотам в зарослях папируса. Фотография

Я уже сказал, что макарака внесли новую жизнь в зерибу. Кроме пришедших с караваном многочисленных донколанцев, солдат нерегулярных войск для охраны, чиновников мудира (правителя) провинции Макарака Багит-аги, которые встретили здесь старых знакомых и проводили вечера в постоянных веселых пирах с мериссой и водкой, – на станцию ежедневно приходило еще много негров макарака. Помимо слоновой кости, которую они обязаны были сюда доставлять, они приносили много местных продуктов для обмена на ткани и водку. Они постоянно ходили по зерибе от тукля к туклю с большими или малень-

кими корзинами на головах и предлагали кунжут, лубию (*Dolichos nilotica* Dal),²⁴ красный перец и др. В обмен они чаще всего требовали «бонго» – ткани. Большинство этих негров говорило более или менее хорошо на судано-арабском наречии. Хартумские торговцы уже много лет содержали зеробы для торговли слоновой костью и рабами в их области, и некоторые негры, будучи у них в услужении, усвоили язык своих господ. Они и ко мне приходили ежедневно. В течение последующих недель я выменял у них маленькую коллекцию этнографических предметов, оружия, украшения и др. Для обмена я имел легкую, подкрашенную индиго хлопчатобумажную ткань, которая называется в Хартуме «тирка» и является во всем Судане и даже в отдаленных негритянских областях очень ходким товаром. Эта ткань обычно поступает в продажу в пакетах по два куска, каждый кусок около 35 см шириной и 14–15 локтей (дера) длиной. Один пакет, называемый «джас» (пара), стоил в Хартуме один талер, или около пяти франков, здесь же в Ладо он ценился вдвое дороже. Такой кусок тирки я разрывал на шестнадцать одинаковых частей, которые годились как поясные передники. Эти куски и составляли мою обменную монету. Солдаты и донколанцы, которые были одеты и в тканях не особенно нуждались, предпочитали водку; в отношении качества они не были особенно требовательны и довольствовались обыкновенным спиртом.

Закупленный мной в Хартуме бисер, правда низкосортный, успеха не имел. Макарака, толпами приходившие к нашим хижинам, сильно интересовались новыми для них вещами, которые они видели у меня. Особенный интерес проявляли женщины макарака, полагаю, что больше из любопытства. Сидя в группах между мужчинами перед низкой дверью в мой тукль, они указывали друг другу вещи, интересовавшие их. Однако надо сказать им в похвалу, что они ограничивались лишь осмотром *de visu*. Такого интереса я не нашел у негров бари, которые вообще более вялы и инертны; поэтому мне не удавалось получить у них что-либо для своих коллекций. Между часто посещавшими меня неграми макарака был также вождь, которому очень по вкусу пришелся арак, и он постоянно его требовал. Я наполнил бокал, и он обошел вкруговую моих посетителей, сидевших перед дверью. С видимым удовольствием они прихлебывали обжигающую жидкость, и их лица, расплывшись в довольные улыбки, короткое прищелкивание языком и убедительное «*taib!*» (хорошо! хорошо!) явно говорили о полном одобрении. Во время одной из таких бесед я показал им швейнфуртовскую книгу «*Artes africanae*», и они узнали большинство из нарисованных вещей. Это их сильно удивило и обрадовало; они изумленно восклицали, что замечательный белый человек запер в свою книгу узанные ими предметы. При следующем посещении вождь привел двух своих жен и, потребовав книгу, показывал и самоуверенно разъяснял им рисунки хижин, которые, конечно, были его хижинами, и т. п. Женщины, со своей стороны, узнавшие многие предметы, смотрели не только с большим удивлением, но даже и с некоторой боязнью, так как, конечно, такая книга не могла же быть совсем без колдовства.

Как из моих наблюдений, так и из наблюдений других путешественников, явствует, что некоторые племена негров, как, например, ньям-ньям (макарака являются их ответвлением), мангбатту, племена банту–ваниоро и баганда,²⁵ проявляют совершенно поразительное понижение плоскостного изображения пластических предметов на картинах; этой способности недостает арабам и арабизированным хамитам,²⁶ вероятно, вследствие непривычки видеть

²⁴ *Кунжут* (*Sesamum*) – растение из породы масличных. Масло, получаемое из кунжута, сладкое, имеет очень слабый запах, почти не уступает по качеству оливковому маслу.

²⁵ *Банту* – семья языков Африки, на которых говорит более 200 миллионов человек. На языках банту существует литература, периодическая печать. Слово «банту» буквально означает «люди».

²⁶ *Хамиты* – условное наименование народов Северной и Северо-Восточной Африки, говорящих на языках некоторых групп семито-хамитской лингвистической семьи. Термин «хамиты» был введен в науку буржуазными лингвистами и этнографами, последние пытались установить связь между расой, языком и культурой и выдвинули теорию о хамитах, азиатских пришельцах в Африку, антропологически далеких от негроидов. Термин «хамиты» приобрел специфический расистский оттенок; вся буржуазная этнография проникнута ложным утверждением, будто бы народы Африки обязаны своими

нарисованные изображения предметов. Так, Рионга, вождь ваниоро, взял в руки показанные ему фотографии людей совершенно правильно, головой вверх, и определил по ним племена негров шули или ланго. Я отмечаю это потому, что этим людям от природы присуща способность разбираться в изображениях и рисунках, в то время как часто даже для высокопоставленных арабов и египтян эти изображения были неразрешимой загадкой. Один египетский паша в Хартуме никак не мог понять, почему человеческое лицо, нарисованное в профиль, должно иметь лишь один глаз и одно ухо, а портрет сильно декольтированной парижской светской дамы он принял за портрет бородатого, загорелого американского морского офицера, который ему эту фотографию показал.

Мужчина макарака. Фотография

Племена бари и макарака сильно различаются не только по способностям и характеру, но и по своему внешнему облику. Цвет кожи макарака светлее и переходит в коричнево-красный оттенок; они ниже ростом, но пропорционально сложены. Вместо длинных и тощих конечностей бари, у макарака видна хорошо развитая мускулатура. Нередко среди них встречаются коренастые атлетические фигуры, и, в сравнении с бари, они своей эластичной походкой заставляют даже любоваться ими; то же относится и к женщинам. Много добавляет к этому их физическая чистоплотность. В то время как бари и днем покрыты пеплом, пылью и землей, в которых они валяются ночью, макарака держат свое тело в чистоте, в свободные часы приводят себя в порядок и даже, как я наблюдал, чистят ногти. Даже выражение лица у макарака приятнее, чем у бари, хотя сильно выдающиеся скулы и широкий нос часто придают им дикий вид. Рот у них небольшой, с не слишком толстыми губами; темные глаза, иногда очень большие, но окаймленные круглыми веками, с колючим взглядом. Лоб низкий; очень черные курчавые волосы, заплетенные в мелкие косички или в тщательно сделанные толстые косы, свисают от пробора по сторонам лица и сзади. У некоторых узкая коса уложена вокруг лба к затылку. Растительность на лице очень слабая, однако можно встретить и густые бороды; например, я запомнил одного негра, который пропустил свою бороду под подбородком сквозь железное колечко и придавал ей внизу острую форму. Много, сказанное мною о мужчинах, относится и к женщинам макарака. Добавлю еще, что они большей частью красиво и пропорционально сложены и из всех виденных мной негритянок производят наиболее приятное впечатление. Они могут долго, в упор рассматривать вас, непринуж-

культурными достижениями хамитам. Советскими лингвистами и этнографами установлено, что выделение особой хамитской языковой семьи неправомерно, между народами, говорящими на языках отдельных групп семито-хамитской семьи, не существует ни антропологического, ни историко-культурного единства.

денно вперив в вас свои большие глаза. Я заметил, что у них маленький рот и маленькие руки и ноги.

В то время как у бари мужчины ходят совершенно нагие, а женщины прикрываются разнообразными передниками, у западных племен – макарака, мунду, абукайя и др. – мы наблюдали обратное явление. У этих племен все мужчины, без исключения, носят передник, женщины же находят, что для них достаточно фигового листка, который, правда, заменен у них целой веткой свежей зелени, легко сменяемой при увядании. Сама природа заботится о новейших, красиво оформленных туалетах для этих красоток. Как завидна участь их мужей!

Однако было бы ошибочно назвать женщин макарака бесстыдными; по моим наблюдениям при посещении их, они застенчиво теребят свое листовое одеяние, растягивая его вверх и в ширину; я думаю, что их манера немедленно присаживаться в присутствии чужестранца также вызывается чувством стыдливости.

Вместе с караваном пришли не только макарака, но и представители соседних им племен. Ниже, когда я буду описывать мое путешествие и пребывание в области Макарака, я расскажу о внешности, особенностях и характере этих негров.

Для того чтоб понаблюдать за этими людьми в устроенном ими лагере при «фантазии»,²⁷ объявленной громкими звуками барабана «нокара», я решил совершить к ним прогулку. Звуки музыкальных инструментов показывали мне направление. Через 15 минут я дошел до лагеря. Легкие хижины из травы, рассчитанные на короткое пребывание, составляли жилища носильщиков каравана. Под красивой сикоморой было расчищено и утрамбовано место для «фантазии». Мудир Багит-ага, которого я посетил, пригласил меня сесть на диван, покрытый коврами – ангареб, и вместе с ним присутствовать на «фантазии». Какое это было зрелище! Невиданный мной новый мир! Как много интересного и замечательного открывается внимательному наблюдателю в веселых играх этих стоящих у колыбели культуры народов! Как это непохоже на поработивших их магометан, которые считают танец, это общепринятое выражение веселья, чем-то непристойным для мужчины, чему, вероятно, способствует и характер танцев их пляшущих за плату искусных танцовщиц. Как в Египте, так и в Судане, темнокожие балерины забавляют публику недвусмысленными изображениями любовной страсти, причем гибкость их тела, особенно живота, прямо-таки поразительна. Наши же негры находили удовольствие, лично участвуя в танцах. Хоть это довольно трудно, хочу попробовать описать это зрелище.

Макарака окружали большим хороводом, открытым с одной стороны, своих музыкантов. Обращенные к центру, слегка наклонившись вперед, вяло протягивая перед собой руки, в позе человека, что-то дающего другому, они двигали ногами в такт, то семеня, то переставляя их, причем все танцоры, во главе с упомянутым вождем, двигались очень медленно слева направо. При поднятых плечах руки равномерно двигались вверх и вниз, как если бы они хотели вылить обеими руками сосуд; при этом все одновременно качали головой из стороны в сторону в такт громкой музыке. Вначале темп был спокойный, затем танец делался живее, ведущий танцор указывал ритм. После многократного кругового движения танца все вдруг меняли положение движением вправо, так что танцоры теперь стояли не рядом, а один за другим, гуськом. В этом измененном положении они подпрыгивали, подгоняя друг друга. В поте лица своего эти негры зарабатывали свое удовольствие, в течение долгих часов они неутомимо подпрыгивали, семенили и скакали под звуки тыквенных рожков.

Кроме неизменного большого барабана «нокара», музыка состояла из нескольких бутылочных тыкв, которые, в соответствии с их длиной, издают низкий или высокий звук. Последовательно чередуя длину тыкв, макарака составляют таким образом целый духовой оркестр, музыка которого менее шумна и не так тяжела для слуха, как все другие виды

²⁷ «Фантазия» – празднество с танцами.

музыки, которую мне пришлось слышать в Судане. В тех случаях, когда бутылочная тыква недостаточна, помогает рука человека; я видел басовые рожки длиной около двух метров. Чем длиннее рог, тем ниже его тон.

С макарака пришли в Ладо и несколько негров бомбе. Они не принимали участия в танце. Чтобы доставить мне удовольствие, Багит-ага вызвал группу в пятнадцать человек; вооруженные щитами и копьями, они изобразили военную игру с пением. Запевала начал пение несколькими словами, частично спетыми, частично сказанными, в унисон повторенными всеми остальными участниками. Это подобие песни делалось все живее, под конец певцы накрылись щитами и изобразили сражение на копьях.

2 января 1877 г. неожиданно прибыло из Хартума судно «Сафия». На нем вернулся обратно д-р Эмин-эфенди, чтобы опять занять свою должность правительственного врача. Я был очень доволен его приездом; при его посредстве мне легче будет снестись со станционными чиновниками по поводу моего путешествия (я опасался затруднений, всегда возникающих при столкновении с египетскими и турецкими чиновниками); кроме того, у меня будет возможность вести беседу с образованным человеком.

В начале января вернулись многие макарака, отсутствовавшие в течение последних недель. Опять в зерибе стало оживленнее. Посланная за провиантом экспедиция, так называемая «газве»,²⁸ привезла из деревень бари большие количества дурры, ежедневно горами ссыпавшейся в склады. А там, где есть много дурры, появляется и много мериссы. «Газве» составляются как из негров макарака и солдат их округа, так и из гарнизона Ладо. Кроме полученных путем грабежа и распределенных порций дурры, многие сумели еще дополнительно раздобыть и ссыпать в свои жилища дурру Эти сверхзапасы употреблялись для варки, вернее сказать, для заквашивания мериссы, причем о последующих, быть может, голодных днях никто не заботился. Говорить о варке при приготовлении мериссы, собственно, нельзя. Размолотая в муку дурра поливается в сосуде водой, сосуд закрывается, и дурра подвергается брожению; получаемый холодным путем напиток фильтруется и в таком виде идет в употребление.

«Газве» обогатили и мои коллекции. Я употребляю для этих экспедиций название «газве», данное им людьми зерибы. В сущности это экспедиция для взимания податей скотом и зерном в селениях бари, находящихся под ведомством станции. Конечно, при этом неизбежно возникают споры, которые обычно заканчиваются ограблением всей деревни, так что солдаты в зерибе были правы, дав этим экспедициям то же название, что и разбойничьим и грабительским набегам в область враждебных и непокоренных негров. Все то, что я не мог получить у бари путем обмена (оружие, украшения, предметы обихода), я получил от вернувшихся солдат.

Еще три недели я должен был ожидать отъезда из Ладо. 12 января я, наконец, поверил, что долгожданный момент отбытия наступил, так как ко мне явился писец для выяснения вопроса о носильщиках. Требуемое мной число носильщиков – сорок пять человек – не только было мне обещано, но даже увеличено до пятидесяти. Я пополнил свой обменный запас покупкой разных мелочей, дал указание наполнить еще один сосуд спиртом для препарирования и для подарков в маленьких дозах и принял меры к возвращению в Хартум двух моих заболевших слуг, с которыми решил расстаться. Это были Эберле, немец, нанятый мною в Хартуме, и нубиец Абд-эль-Фадель. Морджан, маленький негр мору, оказался довольно проворным, и я надеялся, что в будущем из него выйдет хороший слуга. В Мака-

²⁸ *Газве* (арабск.) – в буквальном значении «военное нападение». В истории вторжения войск египетского хедива в Судан и Экваториальную Африку (в 70—80-х гг. XIX в.) газве представляли собой военные экспедиции в области туземного населения с целью взимания податей в возможно больших масштабах, сбора провианта для правительственных войск и одновременно для усмирения непокорных племен. Фактически являлись грабительскими, разбойничьими набегами.

рака он должен был получить еще двух товарищей. Я надеялся таким образом освободиться от хартумских слуг, которыми был недоволен.

После двухмесячной задержки в Ладо, 22 января 1877 г., наконец, наступил долгожданный отъезд, которого я так горячо желал. На рассвете к моей усадьбе собрались предназначенные для меня сорок пять носильщиков. Мы отправились в поход в 6 часов 40 минут.

Euphorbia

Некоторое время еще оставался виден Бахр-эль-Джебель. Затем мы вступили в заросли кустарников мимоз и акаций. В чаще вилась в юго-западном направлении узкая извилистая тропинка. Среди низких зарослей, кустарников, перемежающихся просеками, покрытыми редкой высокой травой, в настоящее время выжженной солнцем, поднимались отдельные могучие стволы широколиственных тенистых тамариндов, трекулии,²⁹ «шеджер-эль-филя» – слоновое дерево (*Kigelia abessinica*); великолепных *Butyrosperme* – куруленг, как их называют бари. Между деревьями росли кусты *Balanites* и *Dalbergia*. Тысячи птиц оживляли кусты и деревья и наполняли воздух пением и щебетаньем. Вдали на горизонте постепенно поднимавшегося вверх ландшафта показались горы страны Ниамбара, подернутые синей дымкой. Через час после выступления из Ладо мы прошли первое поселение негров бари, за которым последовал целый ряд деревушек, огороженных частоколом из подсвечников растения *Euphorbia*.³⁰

Благодаря ограде они имеют чистый и опрятный вид. Эти деревушки расположены в напоминающей парк местности, направо и налево от дороги. Круглые, покрытые соломой хижины конусообразной формы густо обсажены кустарниками молочая, как и скошенные в настоящее время поля дурры и табачные плантации. Последние, возделанные с особой заботливостью, защищены от солнца хворостом.

²⁹ *Трекулии* – род деревьев и кустарников семейства тутовых (*Mogaseae*) с плотными кожистыми листьями и крупными съедобными плодами. *Treculia africana* – африканское хлебное дерево, плоды которого по вкусу напоминают в известной степени хлеб.

³⁰ *Euphorbia* – молочай, травы, кустарники, иногда деревца семейства молочайных. В тканях содержится белый сок. Юнкер описывает так называемый канделябровый молочай (*Euphorbia antiquorum*.)

К востоку и югу от дороги глазам представляется широкая, далеко простирающаяся равнина. В 9 часов 50 минут мы пересекли русло маленькой глубокой речки шириной около десяти шагов. В 10 часов 25 минут мы разбили лагерь на расстоянии приблизительно 10 минут ходьбы от хора Лурит.³¹ Этот хор, вдоль которого мы на следующий день прошли некоторое расстояние, был высохшим, и русло, шириной в сто шагов, оказалось заполнено песчаными отложениями. Нубийцы называют его Хор-эр-Рамле, или «Песчаный хор». В углублениях оставались еще маленькие лужи. Если раскопать песок на глубину нескольких футов, начинает просачиваться вода. В дождливое время года хор Лурит вливается в Бахр-эль-Джебел; в июле месяце он представляет собой быстрый поток, глубиной в рост человека, по которому вверх по течению могут проходить небольшие суда.

Вид лагеря был очень пестрый, что обуславливалось большой численностью нашего каравана (Багит-ага определял его в 1200 человек) и присутствием представителей многочисленных племен и народностей, отличавшихся друг от друга ростом, цветом кожи, а также украшениями и тем, что здесь можно назвать одеждой. О величине и протяженности нашего каравана я получил правильное представление только здесь, в лагере. Наша экспедиция представляла собой смешение различных народностей. Тут были негры бари, ниамбара, мору, лигги, феджилу, мунду, абукайя, какуак, макарака и бомбе (ням-ням). Как уж было сказано, начальниками каравана были Багит-ага, мудир из зерибы Ванди, и Фадл'Алла, мудир из зерибы Кабаенди. Кроме того, в караване было много служащих, чиновников, донколанцев, более ста солдат нерегулярных войск, большая группа женщин-рабынь и детей. За караваном следовало множество рогатого скота, стада овец и коз, около дюжины ослов и много быков, низкорослой ниамбарской породы, приученных к верховой езде. Поддержание определенного порядка в столь большой экспедиции, несмотря на недостаточную дисциплинированность магометан нерегулярных войск, равно как и туземцев, можно было наладить благодаря наличию известных правил, базирующихся на многолетнем опыте; вскоре я имел возможность это наблюдать.

Отдельные подразделения маршировали гуськом, каждое со знаменем с изображением полумесяца. А там, где позволяла местность, шли многими колоннами, одна возле другой. После сигнала к подъему, данного звуками труб и барабана, караван выступил в поход на рассвете, в пять с половиной часов. В авангарде ехал Багит-ага с небольшим штабом донколанцев, которые должны были выполнять его распоряжения. За ним следовал ряд носильщиков с правительственными ценностями, продовольствием для зериб, ружьями, порохом, свинцом, железной утварью, тканями, предметами для обмена на слоновую кость и др. Фадл'Алла был в арьергарде, где находились и мы; он распоряжался отдельными надзирателями, которые должны были во время похода следить, чтобы никто не отставал.

Рогатый скот был для лучшего наблюдения разделен на небольшие группы; его гнали негры под наблюдением солдат, в стороне от дороги, через кусты. Скот часто падал, и на узком, гористом пути был тягостным бременем для колонны носильщиков и для нас.

Весь караван растянулся на час пути. Привал делали каждые два часа, чтобы дать отдохнуть передним группам, в то время как отставшие подтягивались, чтобы немного позже также расположиться на отдых. Вообще двигались быстро, делая 6 км в час, тогда как обычная скорость каравана 5 км в час. Экспедиция представляла при этом очень интересное, непрерывно изменяющееся зрелище, с перегоняющими друг друга или отдыхающими группами. Можно было видеть большей частью маленькие, но сильные, коренастые фигурки макарака, резко отличавшиеся от других носильщиков значительно более светлым цветом кожи и искусными, требовавшими большой затраты времени, прическами из косичек. Бари

³¹ Хор (множественное число *херан*) – дождевой поток, русло дождевого потока, высохшее русло, по которому в дождливый сезон сбегает вода.

и ниамбура представляли совсем иную картину. Высокие, худые, с длинными, тонкими ногами, бари выделялись пепельно-серым цветом своей покрытой грязью кожи и пренебрежением к любой одежде. Ниамбура же легко было узнать по характерной пунктирной татуировке лба и висков; мору выделялись татуировкой висков, похожей на рисунок гусиного хвоста.

Особый интерес представляла группа женщин, составленная частично по признаку народности, частично по принадлежности тому или иному владельцу. Они большей частью несли на голове корзины с кухонной посудой. Отдельные группы рабынь и жен служащих различались значительно между собой: их волосы лоснились от растительного масла и сала, на них были или грязные, когда-то белые платя, или накидки, или голубые передники, обвешанные нитями пестрых бус, железными и медными кольцами; более молодые опоясаны только суданским кожаным фартуком вокруг бедер. Одни из них селили с корзинами на голове, другие – ненагруженные, одна подле другой. Они, казалось, испытывали особый страх передо мной и моим ослом, так как при моем приближении эти африканские красавицы пугливо и почтительно сворачивали с дороги. В другом месте можно было наблюдать женщин племени бари, они резко выделялись своей гладко выбритой головой, двойным, спереди и сзади свисающим, кожаным передником и ярко-красной искусной окраской своего большей частью жирного тела. Далее шли женщины из племени ниамбура, часть из которых носили топорщащийся вокруг бедер кушак из похожей на лен травы. Эти кушаки, значительно менее элегантные, чем нубийский кожаный рахат, встречаются и у других негритянских племен, например бонго и других, и напоминают одежду западных негров; последние довольствуются древесными листьями, следуя библейскому примеру нашей общей прама-тери Евы. Все ниамбураские женщины были украшены небольшими кварцитовыми втулками конической формы, продетыми через верхнюю и нижнюю губу; эти втулки у женщин племени мору увеличиваются вдвое; они служат также украшением и женщин племени мунду.

Надвигавшийся дождь, первые капли которого уже упали, был разогнан порывистым ветром. Вечером небосклон прояснился. Нарастающий месяц осветил оживленную картину лагеря с сотней зажженных сторожевых костров, которые поддерживались всю ночь неграми, сидевшими на корточках у огня и гревшими свои окоченевшие на ночном холоде члены.

Когда я утром проснулся от звука труб и барабана, почти погасшие костры были заботливо разложены снова, так как на рассвете для голых негров холод весьма чувствителен. Вскоре мы выступили. Каждый носильщик поспешно направился к своей ноше, чтобы подготовить ее к пути. Он должен был развязать свой кожаный мешок, в котором хранился походный умеренный рацион дурры, приготовленный в Ладо для первых дней пути, затем еще что-либо, казавшееся ему нужным, или что он хотел бы иметь при себе: табак или мешочек соли, очень ценившейся в Макарака. В 5 часов 40 минут мы оставили свой лагерь, из которого я днем раньше мог видеть горы Ниеркани или Джебель Ладо, Джебель Белениан, Джебель Регаф, Джебель Кэрэк и Джебель Кунуфи.

Небольшое расстояние мы прошли в северо-западном направлении, а затем повернули на юго-запад и запад. Некоторое время путь наш пролегал недалеко от хора Лурит, который мы много раз пересекли. На берегу песчаного хора, превращающегося в дождливое время в болото и трясину, я находил часто содержащее млечный сок растение *Calotropis procera*, хорошо мне известное по более северным областям.

Путь, которым мы следовали, в дождливое время был непреодолим вследствие проступающей воды и заболоченности местности.

Гугу – зернохранилище бари

На нашем пути находилось много дереvушек и отдельных хуторов племени бари, но при нашем приближении они оставлялись обитателями. Постройки и их расположение на дворах соответствовали, как это совершенно естественно для племени, находящегося на низком уровне культуры, только непосредственным потребностям. Если вид строения и величина селения зависят от условий почвы и местоположения, то основной план усадьбы зависит от того, являются ли обитатели преимущественно пастухами или земледельцами. Так, мы видим здесь, в селениях бари, множество зернохранилищ в виде корзин, называемых гугу, которые окружают полукругом или кольцом жилища; мысли хозяев направлены на поддержание жизни и вызваны главным образом заботой о том, чтобы наполнить амбары на случай неурожая.

Между посевами красного проса и густой изгородью из *Euphorbia* проходит дорога в полтора метра шириной к площадке, которая представляет собой длинное овальное пространство посреди полей дурры, заботливо выравненное и замощенное глиной со смесью коровьего навоза и сглаженное так, как будто бы оно было залито асфальтом. Она является током для молотьбы хлеба. Против входа расположен жилой дом семьи, глиняный тукль, высотой в пять метров, с конической соломенной крышей, нависающей над стенами и дающей тень небольшому пространству вокруг хижины. Это место отдыха, весьма желанное во время дневной жары.

В стороне от главного жилища семьи мы нашли другую, несколько меньшую хижину в которой живет взрослый сын владельца. Сын не ведет своего хозяйства.

Полукругом перед домом стоят пять гугу – массивные, круглые корзины, внутри вымазанные глиной, диаметром от одного с четвертью до полутора метров и несколько большей высоты. Они приподняты над землей приблизительно на метр для защиты зерна от термитов и поставлены на фундамент из свай и каменных плит. Эти корзины покрыты соломенными насадками, подобно крышам тукулей, которые установлены так, что их можно снять. Наполнение и опораживание корзин производится сверху. Эти вместилща во время жатвы сначала наполняются початками дурры, а затем по окончании молотьбы – зерном.

Дурра

В зерибе для скота – круглой просторной площадке, более 20 м диаметром, заботливо огороженной кустами молочая, стоят два крытых хлева для молодого скота. Они отделены посредством ограды из деревянных кольев от остального стада. Около этой ограды стоит хижина, в которой ночуют пастухи.

Я часто видел отдельно стоящие усадьбы, на несколько тысяч шагов от своих соседей; затем они встречались большими группами, образуя целые поселения. Наши голодные люди обыскали гугу в поисках дурры. Я сам был свидетелем такого маленького грабежа. Дурра, висевшая еще в початках, была поспешно собрана во всевозможную посуду: горшки, пузыри, шкуры и мешки; спустя несколько минут караван продолжал свой поход.

Спустя два с половиной часа мы остановились у хора Лурит, чтобы подождать отставшие части нашего каравана. От Багит-аги за чашкой кофе я узнал при этом, что, начиная отсюда и далее на запад, бари еще не подчинились египетскому правительству, и часто вступали с ним даже в открытые военные столкновения. Так, еще два года тому назад, недалеко от того места, где мы расположились, были убиты 80 человек, ехавших из Макарака в Ладо с грузом слоновой кости.

Многие из покоренных вождей бари пришли в лагерь, одетые в красные длинные рубахи, подаренные им правительством, как знак отличия. Они приветствовали Багит-агу и остальных чиновников. Нечего было рассчитывать получить от них что-либо из продуктов, так как они уже снабдили провиантом предшествующие экспедиции, а все излишки передали в зерибу. Поэтому к ним не было предъявлено более никаких требований. Напротив, они получили даже подарок в виде нескольких голов скота из обширного стада,двигающегося вместе с караваном. Еще вечером выяснилось, что необходимо добыть для нашего каравана дурры на 1000 человек, так как на дальнейшем пути до области Ниамбара не представлялось для этого никакой возможности. Не оставалось другого выхода, как взять дурру силой у враждебных бари.

В 10 часов мы снова расположились лагерем, на этот раз в тени великолепных сикомор у разбросанных деревушек еще не покоренных бари.

Для осуществления набега «газве» местность была очень удобна, так как во всех направлениях на коротком расстоянии друг от друга стояли хижины негров, убежавших при нашем появлении.

После того как груз был опущен на землю и каждое подразделение построено в боевом порядке, были отправлены люди со знаменами в сопровождении небольшого отряда солдат. Вдали на расстоянии ружейного выстрела были еще видны негры, которые, однако, исчезли, как только Багит-ага произвел несколько холостых залпов. Меньше чем через два часа люди возвратились обратно. Каждый сам о себе позаботился. Часть пришла с наполненными дуррой мехами и разными сосудами, взятыми ими с собой в дорогу. Большой же частью это были горшки ограбленных туземцев, служившие им для варки дурры.

Так как люди были очень голодны, то они тотчас же приступили к приготовлению пищи. С легко доставшейся добычей обошлись, однако, далеко не по-хозяйски. То, что не смог вместить желудок, что не могло быть взято с собой, осталось либо стоять в корзинах, либо лежать на земле. Когда мы через несколько часов оставляли место, сотни горшков, частью разбитых, частью опрокинутых, оставшихся у еще тлеющих костров, с рассыпанным между горшками зерном, представляли картину грабежа и опустошения.

Хор Лурит отделял миролюбиво настроенных к правительству негров бари от их независимых собратьев по племени. Как только мы оставили место, появились обрадованные вожди бари с другого берега со своими людьми. Они захватили из оставшегося зерна сколько смогли унести и поспешно убрались восвояси.

Двигаясь все время на запад, мы оставляли позади ограбленные хижины бари, владельцы которых возвратились к ним, как только стало возможно, чтобы подсчитать свои потери.

Один из наших людей стал жертвой мести бари. Больной и слабый (он исхудал и стал как скелет), носильщик из племени мору, переутомившись, лег в одной из хижин и проспал наш уход. Поздно вечером с трудом притащился он в лагерь с колотой раной в области живота. Рана, нанесенная широким оружием, зияла страшно. Внутренности вывалились наружу. Один из земляков потерпевшего пытался ввести обратно внутренности, наложив листья на рану и надавливая пальцами. Несмотря на ужасную рану, несчастный смог в ближайшие же дни продолжать с нами путь. К моему немалому удивлению, вскоре после случившегося, я увидел его почти здоровым. Удивительная сила выдержки и выносливость этого африканца показались мне почти невероятными.

После грабежа и варки пищи мы двинулись дальше, и через три четверти часа похода разбили свой ночной лагерь.

В это время года цель дневного путешествия направлена к тому, чтобы отыскать место, где есть вода. Дневные путешествия поэтому бывают различной продолжительности.

Мы расположились лагерем на плато, покрытом редким лесом, в виду Джебель Кунуфи, поднимавшегося на востоке на расстоянии получаса пути от нас.

На последнем отрезке пути, когда после отдыха пустились в дорогу, мы натолкнулись на скалы – обнажившиеся отроги Джебель Кунуфи. Все сделанное сегодня путешествие доставило мне редкое удовольствие. Окружающий ландшафт напоминал собой английский парк: поднимающаяся вверх несколько волнистая местность, красная почва, составлявшая приятную противоположность роскошной зелени очень высоких тенистых деревьев, под защитной кроной которых может спрятаться целое село. Вид на горы Ниамбура, мягкими контурами окаймляющие горизонт, оставался открытым.

В этой чарующей картине, созданной рукой великого художника– природы, глаз останавливался на печально выглядящих деревушках бари, сливавшихся в одно целое со свежей

зеленую изгородей из зарослей *Euphorbia*. Эти изгороди скрывали грязь и беспорядок, свойственные большинству негритянских сел. С другой стороны, радуя взор путешественника, из-за изгородей выглядывала нежная зелень табачных плантаций. Тем охотнее я предавался очарованию впечатлений природы, так как до настоящей поездки скучал от однообразия растительности Судана.

24 января 1877 г. наш караван поспешно двинулся на рассвете в путь. В то время как мы еще были заняты седланием своих ослов, Багит-ага отошел со своей колонной. Длинными рядами следовали за ним носильщики, проходившие быстрым шагом мимо нас. Поскольку солнце было еще низко и температура умеренная, было благоразумно передвигаться с наибольшей скоростью, так как дневная жара невыносимо изматывает даже самого сильного человека.

Красивый парковый ландшафт сменился кустарником, в котором лишь изредка встречались высокие деревья. После трех часов похода мы вступили в область негров ниамбара, однообразную и монотонную. Взгляд задерживался только на некоторых скалистых горах, из которых был виден Гирмог и северо-западнее – Лагухм.

Вечером предполагалось продолжать поход. Однако это распоряжение было отменено, и принято решение заночевать здесь. Тотчас началась оживленная деятельность во всех группах нашего каравана, и мне представилась картина, еще никогда не виданная. «Здесь прекрасно! Раскинем здесь палатки!» – казалось, так думал каждый.

Сотни хижин быстро и равномерно выросли из земли на открытом месте у Бахр-эль-Джебеля.

Быстрота постройки и искусство возведения этих жилищ большей частью на одну только ночь, во всяком случае интересны. Об их сооружении должны были заботиться носильщики, которых подгоняли солдаты, приставленные к ним для наблюдения и ускорения работы.

Каждая колонна носильщиков заботилась о владельце груза, который она несла. Так, например, мои сорок пять носильщиков соорудили для меня убежище. На сей раз я оказался счастливым владельцем трех просторных жилищ благодаря прилежанию моих людей.

Одно из них было предназначено для багажа и для слуг, другое – для ночевки, в то время как просторная рекуба – открытый навес на столбах – представляла тенистое убежище, пригодное для работы.

Для постройки такой рекубы были свалены деревья толщиной в руку. В то время как одни негры делали в земле своими копьями углубления для установки столбов, разветвлявшихся на другом конце в виде вилки, другие носили строительный лес, необходимые деревянные связи, сучья и ветви для крыши, а также большие пучки высокой травы и длинные полосы лыка, которыми эти столбы связывались вместе.

Азанде

Для другого вида жилищ куполообразной формы, которые сооружались любых размеров, часто большие, чем самая большая военная палатка, носильщики доставали гибкие, длинные, молодые деревья. Последние, будучи поставлены в круг, наклонялись и укреплялись вокруг крепкого столба, стоявшего посередине. Длинные ветви или подходящие стебли растений (например, вьющиеся растения) связывались горизонтально, а все снизу доверху было покрыто травой для стока воды. На верхушку построенного таким образом шалаша ставится сноп, верхняя часть которого распушивается и отгибается в разные стороны.

Люди строили жилища не только для высшего начальства и начальников экспедиции, но и каждый простой солдат-донколанец предъявлял претензии на хижину при первой возможности. И все же даже после долгой работы люди находили время и желание построить для самих себя шалаш из ветвей богатых листвою кустов и деревьев, чтобы защитить свое тело от неприятного дождя.

Как только запылали бесчисленные костры, повторились уже описанные выше лагерные сцены. Сидя часами на корточках вокруг костров, негры рассказывали друг другу истории, материалом для которых служили переживания дня и наблюдения над чужеземцами. Громкий живой рассказ и бурное реагирование на него составляют своеобразную манеру негров обмениваться впечатлениями. Хотя они только рассказывали друг другу разные истории, мне вначале казалось, что они горячо спорят между собой. Внимательно слушают негры рассказчика, активно комментируют его слова и сердечно смеются. В каждом сюжете негр находит комическую сторону и заливается по этому поводу раскатистым смехом.

Веселое, жизнерадостное настроение негров не может быть испорчено какими-либо мелкими неприятностями, которые привели бы европейца тотчас в самое дурное расположение духа. В последующих поездках мне приходилось часто наблюдать, как негры выполняли без всякого проявления недовольства требуемую работу, даже когда она производилась под холодным проливным дождем, к чему голые тела негров, конечно, очень чувствительны. Шутками и смехом старались они отвлечься от неприятного положения. Если дождь застигает негра внезапно у лагерного костра, а он не успел себе построить никакого шалаша, то он пытается уберечься от дождя, покрывая свою голову ветками с листвою. Такие покрытые листвою голые фигуры негров казались в тусклом освещении порывами вспыхивающего пламени, потрескивающего сквозь дождь и ветер, фантастическими привидениями с картин Брегеля, изображающих ад.

На следующий день мы расположились на отдых у хора Кадоби. Так как в минувшую ночь хижины многих оказались неудовлетворительными, были построены новые. Я также обрел новый тукль из травы. Носильщики получили больше времени и досуга, чтоб позаботиться о себе. Они работали прилежно, свободно и ловко. Наш лагерь, если смотреть со стороны, имел теперь вид большого стационарного поселка. Никаких признаков местных обитателей страны Ниамбара не было видно.

Как обычно, на рассвете наступившего дня мы приготовились к продолжению похода. Однако, прежде чем последние отряды оставили лагерь, снова начался хотя и не сильный, но непрерывный дождь, ливший три часа. Подразделение, которое вел сам Багит-ага, отстало и разбило палатки для защиты пороха и продовольствия, которые они несли. Большая часть носильщиков продолжала путь. Позже нас обогнали сильные, приземистые макарака. Они прошли мимо нас быстрым шагом со своим знаменем. Для носильщика, при тяжелом весе ноши, быстрый шаг является облегчением, так как он раньше приводит к цели. Я удивлялся силе и выдержке этих людей. Даже если ноша весила от 30 до 50 фунтов, то ведь они несли на себе, кроме того, и свое собственное имущество, состоявшее из многодневного запаса продовольствия, который значительно увеличился после разбойничьего набега на деревню бари. Таким образом, каждый негр имел в среднем поклажу в 60–75 фунтов.

Этот груз они несли на голове часами с одной или двумя остановками на отдых. Чтобы смягчить давление, негры сплетали подушки из листьев и травы наподобие венка, диаметром около 15 см, которые они подкладывали под ношу на голову. При укладке груза один помогал другому. Груз устанавливали так, чтобы он был в равновесии, и легкая поддержка одной руки была достаточна, чтобы удержать ношу на голове. В другой руке они несли копье или иное оружие, а утром, в холодном, еще не согретом солнцем воздухе, или после дождя, несли еще тлеющую головню, которой можно так или иначе согреться. Если картина идущих вперед здоровых и сильных людей могла произвести хорошее впечатление, то зато при прохождении всего каравана не было недостатка в печальных впечатлениях, которые вызывали больные, раненые, хромые, маленькие дети и грудные младенцы. Некоторые, исхудавшие как скелет, еле тащились, опираясь на палку; и близ идущие понуждали их розгами к дальнейшему пути. Иные пользовались случаем, чтобы потребовать для себя носилки, тогда как часто дети шести—десяти лет несли свою корзину или солдатское ружье. Так, ленивый озорной солдат сумел сделаться своеобразным властителем мальчика-раба (ниеркука, как их называют в этих местах) и требовал от бедного карапуза, чтобы тот нес его оружие во время похода, который – помните! – проходил в темпе 6 км в час. Грудные младенцы лежали в четырехугольных плетенках, ремни от которых скрещивались на груди матери и были прочно завязаны на ее плечах, а голова младенца слабо свисала вниз, часто выставленная на палящее солнце. Некоторые матери сумели, однако, защитить своих детей от этих мучений, натягивая над ними шкуры животных.

Мы продолжали путь на запад, несколько уклоняясь на юг, через низкий кустарник, по очень извилистой дороге, ставшей из-за дождя скользкой и местами совсем раскисшей. Мы прошли мимо нескольких негритянских сел и к обеду 27 января пришли в зерību Ниамбара.

Эта зерība, начальник которой Абд'Алла пришел с нашей экспедицией из Ладо, была выстроена полтора года назад. Она находилась, примерно, на половине пути между Ладо и провинцией Макарака и являлась местом отдыха для проходящих караванов со слоновой костью. Последние могли быть обеспечены здесь дуррой и мясом, а также могли найти действительную защиту от нападений во враждебной области Ниамбара в лице сводного гарнизона из нерегулярных войск донколанцев.

Отношение к соседнему населению было вообще недружелюбным. Большая часть племени ниамбара упорно отказывалась вступать в какие-либо сношения с правительственными органами. Попытки склонить их посредством подарков, например, мелот (маленьких

железных лопаток, монеты, общепринятой в этой стране) или бус, тканей и т. п., отвергались большей частью негров ниамбара. Они уходили со своими стадами в труднодоступные скалистые убежища гор Мире и Рего. Однако некоторые из вождей подчинились правительству и спустились со своими подчиненными в деревушки вокруг зерибы. Однако они не могли удовлетворить потребность гарнизона в зерне, не говоря уже о том, что должны были быть созданы запасы для проходящих караванов.

Зериба Ниамбара

Египтяне не нашли другого выхода, кроме разбойничьих захватов и карательных действий в отношении враждебных или, правильнее сказать, отстаивавших свою независимость негров, отбирая у них скот и зерно. Вследствие голода бедняги были вынуждены в конце концов являться в зерибу, чтобы подчиниться правительству. В той мере и до тех пор, пока они проявляли себя миролюбивыми и послушными, о них в известной степени заботились.

Внезапно выяснилось, что с запасами у нас сейчас дело обстоит плохо, и, чтобы прокормить нашу экспедицию, – более 1000 человек, – было решено в ближайшие дни прибегнуть к набегу «газве».

Напрашивается мысль, что в имени ниамбара следует искать связь с бари, наименованием соседней восточной народности. Однако моя беседа по этому поводу с переводчиком привела к другому выводу. Слова «ниам» и «нианг» были ему вообще неизвестны. Поэтому пришлось считать случайным созвучие ниамбара и бари. Однако несомненно, что ниамбара находились в ближайшем родственном отношении к бари, о чем говорит уже внешний их вид, сходные нравы и обычаи и еще больше речь.

Ниамбара (обе последние гласные произносятся коротко «бра» вместо «бара») – пастухи, занимавшиеся также земледелием, жили в низинах, где они возделывали свои поля дурры, и на склонах гор, служивших им пастбищем для скота и местом укрытия от врагов. Туда они сносили большую часть своего хлеба и сохраняли его в труднодоступных ущельях.

Подвергшись нападению, они обстреливали вторгшихся врагов из засады отравленными стрелами и старались их испугать, бросая с высоты камни.

Бари и ниамбара настолько близки по телосложению, что их трудно различить. Однако у ниамбара наблюдается много признаков, переходных к признакам народностей, живущих на западе. В сравнении с высокими, худыми, тонкими, нильскими неграми, к которым принадлежат и бари, ниамбара образуют в целом переходный тип к западным народностям, в среднем меньшего роста, мускулистым и коренастым. Я не берусь установить различие в цвете кожи, форме черепа и чертах лица у негров бари и ниамбара. Эти различия могут быть установлены при более подробном и длительном изучении. У ниамбара вьющиеся, курчавые волосы. Они длиннее, чем у бари, удовлетворяющихся обычно большим пучком

волос шириной в ладонь на том месте, где монахи выбривают свою тонзуру. В то время как женщины бари наголо бреют свой череп, что я, впрочем, наблюдал и у некоторых старых мужчин, женщины ниамбара выбривали кругом только нижнюю окружность головы, чем они выгодно отличались от бари, так как форма черепа у них оказывается скрыта. У женщин бари бритая голова производит исключительно безобразное впечатление. В отношении одежды женщины ниамбара приближаются к макарака. Часто можно встретить передники из железных цепочек, но наиболее распространен пояс из травы вокруг бедер, свисающий спереди и сзади клинообразным фартуком. Или же обвязываются кушаком, сплетенным из растительных волокон или шнуров. Кушак этот топорщится вокруг бедер, и пучки волокон свисают до колен, как хвосты. Кроме того, следуя кокетству, живущему в женщине любого климата, они втыкают в пояс свежие зеленые ветки. Но этим их туалет еще не ограничивается. Вокруг тела они обертывают от четырех до восьми раз очень длинные шнуры, нанизанные выточенными из скорлупок раковин конхилия (*Konchilia*) кружочками в полсантиметра длиной; железные обручи и ожерелья из ракушек каури и разноцветных стеклянных бус обвивают их шею и грудь; руки и ноги украшены блестящими железными браслетами, а также запястьями из латуни и меди.

У женщин ниамбара бросается в глаза обычай, отличающий их от женщин бари. Это обычай носить гладко отполированные конические втулки из кварцита, 3–5 см длиной, в просверленных верхней и нижней губах. При закрытом рте концы конусов установлены так, что они сходятся и создается впечатление, как если бы губы были крепко замкнуты толстой кварцитовой иглой. Этот обезображивающий обычай принадлежит также западным племенам, как то: мору, абака и др.

Украшения мужчин ниамбара ограничиваются браслетами на руках и ногах. Зато татуируют они себя сплошь. От шести до восьми рядов пунктирных шрамов тянется от виска до средней линии лба и переносицы. Подобный же рисунок наносят на груди и животе.

Ниамбара вооружены копьями и луками со стрелами. Концы последних отравлены растительным ядом. Яд для стрел, кусок которого, величиной с двойной грецкой орех, мне принесли, получается из сока двух кустарников, которые они называли *Vado* и *Pinkuan*. По словам негров, этих кустарников нет вблизи зеробы. Я не смог получить ни листьев, ни других частей растения, по которым их можно было бы определить. Весьма вероятно, что для этой цели применяют один из видов молочая. Следует также упомянуть о производстве плетеных корзин, подобных тем, что я видел у бари.

Раздробленность племен – настоящий смертельный враг всех негров – находит свое выражение в целом ряде племенных подразделений, из которых мы называли: абреху, абукку, абита, ламода. Чувство общности присуще только принадлежащим к одному разветвлению или подразделению племени; однако они же по ничтожному поводу, – например, из-за заблудившегося скота, – вступают в ссору. Когда же наступает общий враг, они бывают вынуждены в конце концов ему покориться, хотя могли бы успешно противостоять, будучи вместе, особенно если, подобно вторгшимся нубийцам, враг сумеет натравить одно племя на другое и оставляет самим неграм заботу о взаимном их уничтожении.

Ниамбара, однако, за исключением осевших в окрестности зеробы вождей – приблизительно четырнадцати-пятнадцати шейхов, кажется, единодушны в своем сопротивлении египтянам и использовали всякую представлявшуюся им возможность, чтобы причинить возможно больше вреда смертельно ненавидимым ими «туркам».

Гарнизон зеробы Ниамбара достаточно страдал из-за этого. Затруднения, связанные с доставкой зерна и продовольствия, настолько велики, что еще недавно десять человек из донколанцев, расквартированных здесь, предпочли голодному существованию опасность побега и прорыва на станцию Юсуф на реке Роль. Багит-ага велел привести их обратно в ярме, – шебба, как его здесь называют. Нужны были какие-то исключительные мероприятия,

чтобы удержать зерību. Это было необходимо для того, чтобы сделать вполне безопасной дорогу Макарака – Ладо.

По сообщению Багит-аги, мудир Ванди, Ахмет-ага, находился на дороге, чтобы оттуда предпринимать карательные экспедиции против негров, живущих далеко от дороги, и обеспечить на некоторое время провиантом зерību. Остро ощущавшийся в описываемый момент недостаток продовольствия снова поставил вопрос о «газве» – набеге, который было намерено провести в ближайшее время под командой Фадл'Аллы, мудира из названной его именем зерібы страны Макарака.

В ночь на 29 января я был разбужен шумом, который производили отряды, отправлявшиеся к отрогам гор Мире, чтобы пригнать скот и добыть зерно. В зерібе осталось лишь немного людей, стало тихо после шума первых дней. Я не в состоянии был отделаться от мысли, что при небольшом числе оставшихся и при открытой враждебности негров ниамбара наше положение было далеко не безопасно.

Танец макарака. Фотография

Одиннадцатого февраля до обеда наш караван, существенно усиленный отрядами Атруш-аги и насчитывавший уже около 3000 человек, пришел в движение.

Выход, вначале намеченный в направлении Азра, произошел уже в 9 часов утра и так неожиданно для меня, что я не закончил еще упаковки своих вещей в сундуки, когда первые колонны вышли из зерібы. Даже горячее жаркое из баранины пришлось взять с собой в кастрюле и только в лагере использовать его по назначению.

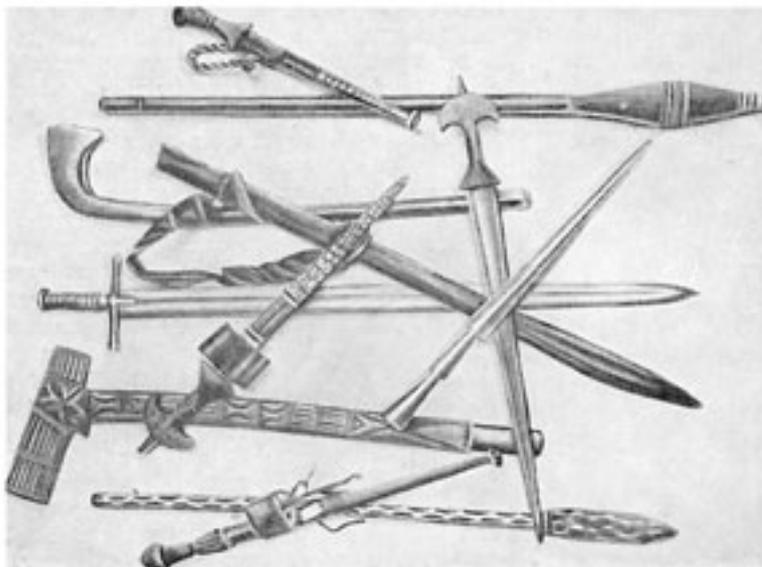
Мои носильщики оставили меня со слугами. Последними из каравана вышли мы. Мне удалось догнать Атруш-агу, чьи люди сопровождали многочисленные стада, забранные у негров.

Двигаясь на запад по извилистому пути, мы вошли в низкий кустарник и очутились у подножия скалистой горы. Низвергавшаяся с нее речка, шириной в четыре шага, пересекала нам дорогу. До сих пор нас сопровождали Абд'Алла, начальник зерібы Ниамбара, и его солдаты. Теперь они прощались со своими многочисленными знакомыми.

Караван носильщиков на пути в Макарака. Фотография

Мы продолжали путь преимущественно в западном направлении до хора Кении, с левого берега которого нам были видны шалаши колонны Багит-аги. Холмистая местность, по которой мы шли, высотой 617 м над уровнем моря у зерибы Ниамбара, снижается здесь до 591 м. Она покрыта низким кустарником, в котором многие кустики напоминали мне некоторые растения наших оранжерей, выращиваемые в кадках. Стали часто попадаться выходы кристаллических пород.

Мечи, кинжалы и палицы из Восточного Судана. Фотография

Горные цепи Мире на юго-востоке и так называемые горы Рего на юго-западе украшали пейзаж. В хоре Кении, у которого мы расположились лагерем, были видны только отдельные лужицы. Но в дождливый период, когда его русло, глубиной 20–25 футов, наполняется водой, он является серьезным препятствием на пути. Часто путешественникам приходилось днями стоять лагерем перед хором и ожидать спада высоко поднявшихся после непрерывных дождей горных вод.

Близ нашего лагеря была расположена деревушка вождя негров ниямбара Битте. Будучи хорошо знаком с местностью, он мне сообщил названия горных вершин, определенных мною по компасу.

Мы переночевали в заново сооруженных хижинах из травы. В первые часы похода следующего дня путь проходил через густой кустарник. Терновник, теснившийся на узкой тропинке, делал путь крайне неудобным. Об этом свидетельствовали оставшиеся на кустах обрывки одежды и дыры в нашем платье.

У хора Булак, глубоко прорытой речки в десять шагов шириной, нашим взорам представилась вся цепь гор Рего, хотя мы находились только против ее северных отрогов.

Несколько севернее, по ту сторону хора, мы разбили наш сегодняшний лагерь, в десяти минутах ходьбы от гор, поблизости от некоторых деревушек дружественного вождя негров Абу Кука.

Весьма живописный вид имела цепь гор с причудливыми контурами, с поднимавшимися остро вырезанными зубцами скал, беспорядочно набросанных одна на другую. На них буйно разрослись кусты и деревья, среди которых особенно часто встречалась азалия.

Еще раньше я узнал, что поблизости должен быть горячий источник. Я отправился туда с несколькими опытными людьми в качестве проводников. Меня сопровождали Фадл'Алла и Атруш с пятьюдесятью солдатами. Отряд замыкали многие сотни копьеносцев в надежде чем-нибудь пожить по дороге. После очень быстрого перехода в течение часа в северном направлении мы добрались до горячих источников Филлек. На пути, проходившем мимо нагромождения скал отрогов Рего, чередовались высокая, выгоревшая на солнце трава и густой кустарник. В полчасе ходьбы от источников тянется с севера на юг низкая цепь куполообразных гор Джебель Кибби.

Многие тропинки, ведущие к горам, оказались вполне доступными, так как местность служила убежищем для многочисленных вождей ниямбара. Пробивающиеся в различных местах из-под земли источники питают мелкий водоем правильной формы, имеющий около двадцати пяти шагов в длину. Температура воды, измеренная в различных местах, составляла 50 °С. Вблизи источника нет выступающих из земли скал. Хотя наши люди осмотрели окружающую местность во всех направлениях, они не смогли обнаружить никаких следов жилья.

Некоторые женщины, которых мы застали у источников, на вопрос, где находятся их хижины, отвечали лу-лу-лу-лу (далеко, далеко, очень далеко). После короткой остановки мы возвратились в свой лагерь. На обратном пути я был свидетелем охоты макарака. Они догнали куницу на бегу и пронзили ее копьем, после чего перебрали ее мне.

Множество цветущих кустов и травянистых растений наполняли воздух ароматом. Когда мы прибыли в лагерь, погода испортилась. Тяжелые тучи собирались на горизонте. Раздавались глухие раскаты грома, и мы вынуждены были зайти в хижины. Но скоро прояснилось, и ласковый вечер позволил нам насладиться прохладным воздухом под чистым небом.

До сих пор погода нам благоприятствовала: небо было часто покрыто облаками, благодаря чему смягчался зной солнечных лучей, нагревавших днем воздух до 35–38 °С в тени.

На следующий день, 13 февраля, мы отправились в путь в сторону горячих источников. Мы миновали на рассвете группу скал причудливой конфигурации и свернули под острым углом на запад.

После весьма утомительного перехода через горы Рего мы сделали привал. В дороге я наблюдал резко пересеченную горную местность— цепи гор, группы скал, долины, узкие проходы и горные ущелья; горную страну, шириной в 25 км, в которой видны всегда только ближайшие высоты. Мы двигались каменистым проходом, над которым высились обросшие лесом вершины, затем пересекли плато, поросшее кустами и высокоствольным лесом. Горы

Рего остались позади. Через некоторое время мы увидели слева от нас широкую долину, ограниченную предгорьями большого скалистого кряжа, и нам пришлось пройти еще через один горный проход, прежде чем опуститься в юго-западном направлении к месту предполагаемого привала. Восточные отроги горной цепи обрываются круто без предгорий, в то же время западная часть представляет альпийскую страну. Она имеет ширину, равную нескольким часам марша, и постепенно снижается через предгорья в долину.

На следующий день, 14 февраля, нам предстоял форсированный переход. Быстрым шагом мы продвигались вперед. Извилистая тропинка вела через западную границу страны Ниямбара, в область негров мору и лигги. Тропинка проходила частью через густой лес, в котором красовались в полном зеленом наряде высокоствольные деревья, с кожистыми листьями, частью через большой редкий лес или просеки в траве. На этом пути мы видели многочисленные постройки термитов – *Termes mordex*, – напоминающие серые грибы.

Страна издали казалась ровной, только на самом горизонте были видны на западе отдаленные горные гребни. В действительности, до реки Еи она пересекается возвышенностями и долинами и имеет характерный волнистый рельеф. Область, лежащая в западной части, даже в сухое время года богаче водоносными речками (херанами), чем область Ниямбара. Хераны стекают частью в хор Бибе, частью в Еи.

В изобилии встречаются кристаллические породы, выходящие здесь на поверхность, и большие скалистые площадки.

В этот день мы пересекли много ручьев, некоторые из которых нубийцы называют «силекс», по имени растущей здесь породы дерева. Стройный, высоко поднимающийся ствол несет на себе крону с листьями очень изящной формы. Крона эта отличается большими кожистыми листьями. Высокие, почти на манер наших елей, прямо растущие стволы силекса являются весьма ценным материалом для стропил тукулей.

В песчаном и скалистом русле хора Бибе, имеющего здесь около двадцати шагов в ширину и пять-шесть метров глубины, в это время года находят воду. Высокие стволы деревьев окаймляют русло хора Бибе, текущего к Еи: тянутся вверх крепкие, как веревки, усики вьющихся растений, называемых у макарака линди (*Carpondinus acidus*). Окрашенное в интенсивно-желтый цвет мясо плодов, величиной с лимон, имеет вяжущий кислый вкус. Плоды эти могут быть применены для изготовления напитка, подобного лимонаду. Среди множества птиц, кружащихся вблизи воды, можно заметить охотящихся пчелоедов.

У хора Бибе, где мы сделали короткий привал, к Багит-аге пришли некоторые вожди мору со своими людьми из деревушек, расположенных севернее хора. Они были совершенно обнажены, носили колчаны с отравленными стрелами и отличались татуировкой висков, похожей на стрельчатый знак. Нижняя губа жены вождя была украшена большой длинной кварцовой втулкой, вдвое большей, чем у женщин ниямбара.

16 февраля 1877 г. мы должны были прийти в зерибу Ванди. Выступили мы, как обычно, вовремя. Направление нашего сегодняшнего пути не было строго западным. Компас постоянно показывал юго-запад, некоторое время даже юг. Множество херанов (я насчитал их одиннадцать от нашего лагеря до зерибы Ванди) придавали местности характерный вид обилием широких и плоских впадин. Подойдя к реке Еи, мы в течение 15 минут шли по ее восточному берегу до брода, чтобы перейти ее. Берега падали круто к песчаному скалистому руслу около пятидесяти шагов шириной, в настоящее время полному быстро текущей водой. Глубина воды была один метр. Прибрежная растительность была роскошной и напоминала мне леса на Голубом Ниле.

Переход через Еи при большом числе людей в нашем караване был совершен не без инцидентов. Я сам переехал реку на своем осле, высоко подняв прижатые к его бокам ноги. Это, однако, не спасло меня от проникновения воды в свешивающуюся седельную сумку, в которой были патроны и инструмент, к счастью хорошо упакованные. То один, то другой

член нашего каравана, соскользнув со своего верхового животного, принимал принудительную ванну. Маленький мальчик шести—десяти лет, с трудом тащивший тяжелое солдатское ружье своего господина, не мог удержать его при переправе, так как вода грозила поглотить его самого. Едва вынырнув, он получил звонкую пощечину от своего повелителя. Среди толкотни переходящих брод нубийцев, негров и женщин искал свой путь и скот, вызывая все новые задержки. Наконец мы оказались на западном берегу. Колонны собрались вместе. Знамена были развернуты, и, спустя 20 минут, мы вступили в зерибу. Последние носильщики пришли только через несколько часов.

Глава III

Пребывание в провинции Макарака

Шестнадцатого февраля в полдень я въехал в главную зерибу Макарака Ванди, старейшую из существующих здесь станций. Округ Макарака, расположенный к западу от области Ниамбара, находится между 5° северной широты и 30° восточной долготы. Границы его можно наметить только приблизительно. Эти границы, как и везде в странах негров, кончаются там, где туземцы, с одной стороны, вследствие тяжелых природных условий, а с другой – вследствие отдаленности, перестают подчиняться предписаниям правительственных чиновников. Протяженность всего округа в обоих направлениях, с востока на запад, как и с юга на север, составляет около 110 км. На востоке границей может считаться хор Бибе, на западе – река Иссу, на юге – зериба Гоца, которая относится к мудии Роль.

Округ Макарака только в незначительной мере населен народностью, по имени которой он назван. Целый ряд племен, различающихся языком, нравами и обычаями, вероятно, бывших раньше большими народами, но теперь численно сократившихся, живут здесь разрозненно по области и дольше, чем макарака. Таковы лигги, феджилу, абукайя, абака, мунду, мору и какуак. Бомбе и макарака, или, как они себя называют, идио, племена азанде (ньям-ньям) не так давно, всего лишь около сорока лет тому назад, переселились на восток с далекого запада, из области Кифа, что севернее реки Уэле, вследствие внутренних смут и постоянных столкновений в их стране. Теперь они, после долгих войн и грабительских набегов, которые они предпринимали в область Ниамбара и южнее, в страну какуак, мирно живут среди своих соседей. Такую чересполосицу племен различных народностей на относительно ограниченном пространстве вряд ли можно найти еще где-нибудь в исследованных частях африканского материка. Вследствие междуусобиц и распрей этих народов, вторгшимся магометанам оказалось легко стать здесь крепкой ногой и подчинить себе негров.

Утрамбовка травы

Основание зериб хартумских торговцев рабами и слоновой костью способствовало тому, что, после установившихся с течением времени более мирных отношений между народностями, их раньше резче обозначавшиеся границы постепенно нарушались, и теперь они живут рассеянно по всей стране рядом друг с другом. Хотя каждое племя населяет определенный округ, но вблизи правительственной станции образовались островные поселения почти всех имеющихся здесь племен. Здесь живут даже бари и ниамбара, которые, то ли во время голодовок в их собственной стране, то ли из-за других причин, присоединялись к возвращавшимся из Ладо или Ниамбары колоннам носильщиков или были взяты с собой правительственными служащими для заселения станции в Макарака.

Восточную часть провинции, местность между реками Еи и Бибе, занимают лигги; с севера и северо-запада к ним примыкают мунду, которые населяют берега среднего течения реки Еи. Их область простирается еще дальше указанной границы к северу, но их северные соплеменники не были подчинены египтянам; к югу от лигги живут феджилу, за ними дальше к реке Еи следуют какуак. Из последних только северные, живущие ближе к станции вожди со своими общинами подчинены правительству К западу от реки Еи и феджилу расселены абукайя, которые здесь разделяются на абукайя ойгига и абукайя ойзила. Последние населяют область на севере провинции, западнее мунду К абукайя ойгига с запада и севера примыкают мунду, островные поселения которых также имеются в северных округах области на речке Бабалла, в окрестностях прежней зерибы Фадл'Аллы; кроме того, под началом одного из своих вождей, Кудурмы, они живут также на речках Аире или Ире. Их поселения достигают крайних юго-западных границ провинции, а многие деревушки находятся даже по ту сторону большого водораздела, который отделяет бассейн Нила от системы Уэле, а именно – у речек Акка и Гарамба, которые посылают свои воды к югу в Кибали. На севере к мунду примыкают абака, наиболее западные деревни которых лежат на притоках реки Иссу.

Окруженные всеми этими племенами, живут на относительно ограниченном пространстве в середине провинции макарака и бомбе. Первые обитают главным образом на притоках речки Торре; деревни бомбе расположены в долине речки Мензе. Только незначительная часть бомбе подчинена управлению провинции Макарака. Многие селения их соплеменников лежат на притоках Уэле, юго-западнее мунду и абукайя ойгига. Караваны, везущие слоновую кость из страны Мангбатту, которые идут вдоль по реке Роль в зерибу Дефа'Аллы, пересекают их область и поддерживают с ними сравнительно доброжелательные отношения.

В этой области, мозаичной в этнографически-антропологическом смысле, в которой происходят бесконечные переселения ее обитателей, нубийские и арабские купцы, продвигнувшиеся от верховий Нила, крепко обосновались, построив здесь свои зерибы. Последние служили опорными пунктами для захвата рабов и слоновой кости.

Когда торговля слоновой костью стала в 1874 г. правительственной монополией, все находящиеся в области Макарака поселения перешли в руки египетского правительства. Ко времени моего пребывания в стране здесь имелись следующие станции или зерибы:

1. Главная станция Ванди (высота над уровнем моря 754 м; Ладо – 465 м) – резиденция мудира Багит-аги и его управляющего (векиля) Ахмет-Атруша. Станция лежала при впадении притока Торре в реку Еи. В непосредственной близости от нее обитают мунду и лигги.

2. Станция Макарака Сугхаир, или Малая Макарака (755 м), или называемая именем своего управителя зериба Ахмет-аги Ахуан, на 20 км на запад от зерибы Ванди к южному берегу реки Торре. Она находится в области заселения негров макарака.

3. Станция Кабаенди, или Акбаенди (830 м), называемая также Макарака Кебир (Большая Макарака) или именем умершего управителя Фадл'Аллы. Она лежит на северном берегу хора Мензе, также в области обитания самих макарака.

4. Станция Римо (855 м) на реке Джели, 45 км южнее от Ванди.

5. Станция Мдирфи (906 м), 26 км западнее Римо.

Каждой из этих станций было подвластно известное число негрских вождей, которые обязаны были выполнять приказания управителя и его гонцов.

Каждой из пяти станций в мудирии Макарака было придано от пятидесяти до семидесяти пяти солдат-донколанцев из нерегулярных отрядов, так называемых хотерие, и столько же драгоманов. В мое время на трех первых станциях, кроме того, имелось по тридцати египетских солдат регулярной армии, джехадие, вооруженных ремингтоновскими ружьями; позже они были отозваны. После снятия урожая драгоманов рассылали по деревням собирать подать зерном, для чего они, в случае надобности, применяли силу.

Так как я поставил перед собой задачу установить преимущество с путешествием д-ра Георга Швейнфурта, т. е. проникнуть в глубь страны до горы Багинзе или по меньшей мере получить координаты последней, я сократил срок пребывания в Ванди, чтобы по возможности еще до наступления дождливого времени добраться до цели. Этому помогло еще благоприятное стечение обстоятельств – мои носильщики были под рукой.

Зериба Ванди представляет контраст со станциями на востоке. Она выглядит очень уютно и благоустроено. Расположение отдельных обширных усадеб среди плантаций, их свободное размещение придает ей живописную привлекательность, которой нет в узких изгородях и заборах, скученных на небольшом пространстве станций на Ниле. Тотчас видишь, что находишься в мирной стране среди миролюбивого населения. Усадьбы, часто расположенные далеко друг от друга и разделенные кустарниками или полями, огорожены легкой изгородью, могущей скорее служить препятствием для ухода скота или против ночных набегов гиен, чем защитой от враждебных нападений.

Ежевечерне негры устраивали танцы. Радость по случаю возвращения после долгого отсутствия была отпразднована в каждой хижине. Звуки рога и барабана наполняли воздух и стали, наконец, утомительными.

Голые фигуры негров, исполняющие танец фарандолу, в отблесках огромного костра из соломы дурры, на фоне ночи казались фантастическими.

Я ежедневно часами беседовал с Ахмет-Атрушем. Он рассказывал мне о странах, лежащих на юге. И я получил от него кое-какие сведения, которые, хотя и были им чаще всего переданы весьма неточно, оказались при последующих поездках правильными. Он рассказывал мне о стране Калика, о реке Кибби (он, однако, не знал, что это – Уэле³²); о вожде Луггаре, живущем в семи часах ходьбы от Кибби, откуда на юг до людей Камразиса пять дней пути. Дружественные отношения между мной и Атрушем поддерживались в течение многих лет, и позже, во время второго моего путешествия, длившегося семь лет, я смог еще оказать ему услугу, которая доставила перед смертью последнюю радость человеку, поверженному в прах болезнью и несчастиями.

22 февраля 1877 г. мы оставили зерибу Ванди и продолжали свой путь на запад. Дорога шла параллельно хору Торре сначала через густые массивы трав, из которых лишь кое-где поднимались деревья. Примерно через час мы достигли зарослей кустарника, сменяющегося высокоствольным лесом у ручьев, текущих по лощинам к Торре.

Роскошно расцветает здесь растение, называемое «абу хамира», освежающие плоды которого быстро созревают на богатой перегнойной почве. Стержни листьев в длину достигают 160 см.

Весь следующий день мы продолжали путь. Мой черный исхудавший осел из Суакина, с трудом дотащившийся до лагеря, перед нашим выходом окошел. Это бедное животное не смогло вынести здешнего климата.

Я ехал впереди, сопровождаемый только моим маленьким Морджаном, и скоро обогнал спешивших вперед носильщиков. Вскоре после выхода из зерибы мы снова приблизились к Торре, тянувшемуся налево от нас по низменности, и пересекли его в лодке, выдолбленной из колоссального ствола дерева. Мы шли через холмистую местность, как и вчера, как и много дней до того. Вскоре мы оставили позади многочисленные деревушки макарака – местность, богатую зерном, и сделали длительный привал у хижины вождя Барафио, чтобы завербовать новых носильщиков и подождать отставших Фадл'Аллу и Коппа.

³² Вопрос о принадлежности реки Уэле к бассейну реки Конго или к бассейну озера Чад ко времени путешествий Юнкера еще не был разрешен. Дело осложнялось тем, что река Уэле на разных участках своего течения имела различные местные наименования: Кибби, Кибали, Майо, Уэле, Макуа, Убанги. Юнкеру путем логических рассуждений удалось установить, что река Уэле является притоком Конго, и впоследствии его предположения полностью подтвердились.

Здесь я впервые имел возможность видеть большое число негров макарака. Не вдаваясь в описание последних, следует отметить, что они отличаются от всех до сих пор мною виденных негритянских племен исключительным пристрастием к железным украшениям. Они носят дюжинами массивные железные обручи на руках и на шее. Во всех домах я видел запасы дурры, висевшей в початках в том виде, как ее сняли.

Кигелия

Мы ехали вперед много часов среди скошенных полей дурры. Поля часто располагались в зарослях кустарника, на открытых местах.

В этих зарослях часто попадалась *Kigelia*, отягощенная длинными, тяжелыми плодами.

Отсюда уже виднелась на юго-западе, на расстоянии нескольких часов пути, группа гор круглой формы, возвышающихся над равниной. Это Гурмани, на которых живут некоторые вожди макарака; много раз я посещал наиболее уважаемого из них, Дали. Вскоре мы подошли к деревушке шейха Бензико, миновали живописную рощу и, наконец, добрались до зеробы Кабаенди.

Зериба Фадл'Аллы, Кабаенди, состоит из большого числа отдельных дворов, большинство которых расположено по берегу хора Мензе. Общее впечатление менее благоприятное, чем от Ванди и Макарака.

Я и мои люди нашли приют в большой рекубе. Несколько тукулей было отведено для людей и багажа.

Первые дни прошли в обоюдных визитах. Все донколанцы зеробы пришли передать свой салам и приветствовать меня, рассчитывая одновременно выпросить какие-либо подарки. В этом отношении негры производят более выгодное впечатление. Если они преодолели легко понятный страх, который держит их вначале в отдалении от белого человека, то охотно приходят снова, чтобы удовлетворить свое любопытство. Когда стало известно о возвращении Фадл'Аллы, приходили живущие далеко макарака, чтобы приветствовать управляющего зеробой. Многие из вождей привели с собой жен. У некоторых из них были довольно красивые лица, как, например, у жены Бензико.

Полное лунное затмение, наступившее 28 февраля после 7 часов вечера, привело магометанское население Кабаенди в плохое настроение. Они считали, что луне угрожает злой дух, дьявол Африт, и поэтому старались молитвами и оглушительным шумом, который создавался всеми имевшимися у них предметами, прогнать его.

Получив сведения о местностях, находящихся на севере и на западе от зеробы, я решил совершить поездку в горную местность, на север. Проводником был прикомандирован знающий местность донколанец Гассан. Прислуга была пополнена неграми. Утром, в день отъезда, появились две девушки, одетые в новые фартуки. Они должны были на зернотерке

молоть для меня белую дурру (Feterita) и на круглых жестяных листах печь распространенный здесь хлеб кисра – тонкие лепешки, которые подавали почти ко всем блюдам.

Несмотря на то что для предстоящей поездки я решил взять не более десяти носильщиков (я брал с собой только самые необходимые вещи), процессия получилась довольно длинная, так как она составила из отдельных носильщиков с горшками приготовленного теста на голове, из мальчика, ведшего козу, женщин и рабынь, Гассана и др. В качестве обменных вещей я взял передники, стеклянные бусы, немного меди и спирта.

В воскресенье, 4 марта 1877 г., мы вместе с Коппом предприняли свою первую поездку по округу Макарака. Гостеприимные хозяева устроили нам скромные проводы. Первый день пути вел к старой зерибе Фадл'Аллы. Это станция, находящаяся у хора Нембе.

От старой зерибы Фадл'Аллы я хотел направиться к маленькому селению, начальником которого был Ибрагим Гургуру, а затем посетить в горах отдельных вождей.

Мы шли в северном и северо-восточном направлении среди полей дурры мимо многочисленных деревушек негров макарака, пересекли хор Бабарра и хор Икана. Последний является границей области племени макарака. Далее начинается область племени мунду. Однако строгой границы не было. При мирном сожительстве отдельных народностей, живущих в области, часто группы деревушек одного племени перемешаны с деревушками другого.

Небольшое стадо из пяти-шести антилоп промчалось так быстро, что пули, посланные вдогонку, не попали в цель.

При спуске в обширную низменность перед нами вырисовывались горы, называемые неграми мунду Пенеис. После пятичасового перехода мы пришли в старую зерибу Фадл'Аллы, имевшую заброшенный вид. Большой тукль, в котором разводили голубей, был наибольшей достопримечательностью места.

Мы разбили лагерь под открытым небом, однако он все же выглядел благоустроеннее, чем голубятня. Ночь оказалась испорченной из-за москитов.

На следующий день меня посетили вожди мунду, жившие на расстоянии около двух часов ходьбы от лагеря. Пришел также Ибрагим из соседней зерибы и просидел у меня целый час. Много ездивший, он мне казался хорошо осведомленным о странах и людях. Он знал Джебель Багинзе, о котором у меня не было никаких сведений. Я побеседовал с ним по живоинтересующему меня вопросу о Еи. Он рассказал мне о своих поездках в Калика.

Внезапно вспыхнувший огонь испугал нас. Горела одна из соломенных хижин. С треском вылетали искры. В ночное небо поднимались языки пламени. Прежде чем мы успели спасти свои вещи, некоторые хижины сгорели и превратились в кучу золы. На наше счастье, погода была тихая и не способствовала распространению огня.

Ночь была холодная и сырая. Поэтому я велел до утра поддерживать огонь. Сон снова был нарушен из-за докучливых москитов.

Весь следующий день мы провели в старой зерибе, так как я хотел познакомиться с большим количеством негритянских вождей. Кроме того, мой маленький Морджан жаловался на сильную боль в ноге.

Я добыл для своей коллекции рога (*Acronotus Saama*), «тетель» арабов, лобба мунду, а также водяного козла (*Cobus ellipsiprymnus*).

В течение дня я составил маленький словарь наречия мунду. Я смог считать до 110, дальнейшие объяснения негров в счете стали запутанными и непонятными.

7 марта мы выступили и шли на север мимо лежащих справа вершин Джебель Ингитерры, состоящей из пяти связанных возвышенностей, и мимо села вождя того же имени. Вскоре мы оставили позади область Мунду и вступили в страну негров абукайя ойзила.

Над дорогой круто возвышались скалистые горы Амбе, имеющие относительную высоту около 65 м.

Мы вошли в красивый высокоствольный лес. После пятичасового перехода впереди показались хижины шейха Лофоке, отделенные двадцатью километрами от старой зеробы Фадл'Аллы.

Мы находились у подножия горной страны. С вершины Джебель Лофоке, подняться на которую не составляло большого труда (села и горы носят имя соответствующего вождя), я увидел красивую панораму альпийских лугов, расстилающуюся передо мной с запада на восток. Я видел целый ряд отдаленных горных вершин, поднимающихся над равниной, массивные скалы и много маленьких конусообразных гор (Логода, Курра или Ауа, Ингитерра, Амбе, Малага и др.). С востока на север местность свободна от гор. Видны только отдаленные горные цепи. На далеком западе над горизонтом поднимаются горы Генгара и Лабиго.

После того как я запеленговал вершины гор и отметил их названия, я снова спустился к Лофоке, и началась утомительная и скучная торговля с абукайя, от которых я хотел получить различные предметы этнографического характера.

Абукайя разделяются на две ветви: живущих на севере – абукайя ойзила и живущих южнее макарака – абукайя ойгига. Они мало отличались по внешнему виду от своих соседей мунду. Они различаются по языку и этнографическим особенностям: ведь мунду – народ, пришедший с далекого юго-запада, в то время как абукайя принадлежат к группе негров, обозначаемых общим именем мади. Тем не менее трудно найти определенные, твердо установленные признаки в форме черепа, телосложении, цвете кожи, отличающие мунду от абукайя. По цвету кожи я поставил бы абукайя и мунду между темно-коричневыми какуак и абака и светлокожими макарака и бомбе, у которых окраска кожи напоминает цвет сырой печени. Мунду следует считать несколько светлее, но это индивидуальная особенность зависит от состояния здоровья, чистоты, подкожного слоя жира и др. В сравнении с восточными племенами негров бари, мунду и абукайя можно назвать маленькими. Их череп умеренно долихоцефальной формы покрыт короткими, черными, курчавыми волосами, не подвергающимися укладке в искусные прически.

У абукайя я наблюдал своеобразный головной убор: шесть-семь жестяных дисков 5 см диаметром размещены на голове и закреплены в волосах. Татуировка лица, как, например, у мору, не имеет места. С другой стороны, представители обоих племен удаляют четыре нижних резца. Абукайя носят на лбу как украшение маленькие рога антилопы. Особое украшение состоит из возможно большего числа обручей, которые носят вокруг шеи, а также на ногах и руках. Женщины мунду уродуют посредством кварцитовых втулок нижнюю губу. Женщины же абукайя прокалывают верхнюю губу и протягивают через нее, как и женщины мору, латунные, медные или железные кольца.

Ремесло мунду состоит главным образом в обработке железа: в изготовлении копий, стрел, цепей, ножей и др. Однако они не достигают производительности макарака.

Во время краткого пребывания мне не представилось случая сделать подробные наблюдения относительно нравов и обычаев этого племени негров. Однако я хочу остановить внимание на своеобразном обычае, имеющем место при похоронах великих вождей мунду, абукайя и абака, относительно которого я получил достоверные сведения; сообщения были подтверждены с разных сторон. Пять, десять и даже пятнадцать рабынь умершего ложатся живыми в могилу, и, что всего удивительнее, они делают это добровольно в предположении, что умерший будет их в награду кормить и содержать! Такой случай имел место еще год тому назад. Египетский офицер, рассказывавший мне об этом, добавил, что в будущем, как говорят, выполнение этого человекоубийственного суеверия будет воспрещено.

Когда у макарака умирает вождь, труп его, положенный на ангареб, в течение года подвергается копчению на постоянно поддерживаемом медленном огне. Перед ним ставят яства и горшки с мериссой. Его закапывают только по истечении указанного времени.

Короткий переход, продолжавшийся около двух часов, привел нас 9 марта в зерību Ибрагима Гургуру. Позади нас остались многие деревушки абукайя ойзила. Между кустарниковой зарослью появились большие кристаллические плиты, которые нам пришлось преодолеть, прежде чем мы достигли хижин небольшого поселка. Я нашел приют в большой просторной рекубе.

Вскоре меня посетил живущий поблизости шейх абукайя. Из них самый влиятельный Кирра, именем которого названы близлежащие горы.

Вечером перед моей рекубой собрались негры для «фантазии» и принесли с собой большие горшки с мериссой. Они горячие поклонники поговорки: «Кто не любит вина, женщин и песен...» Вместо вина было пиво или водка. Люди получают ее перегонкой дурры. Я попробовал немного и нашел, что по запаху и вкусу она напоминает нашу водку.

Вследствие нездоровья и слабости я пробыл у Ибрагима пару дней. Копп беспрестанно жаловался на желудок. У него обнаружилась дизентерия. Но ему удалось справиться с болезнью, придерживаясь строгой диеты.

В этот день мы пережили бурю, разразившуюся с невиданной силой. Внезапно крыша нашего дома была сорвана, поднята вверх и унесена. За ней полетели одеяла, циновки и все, что было из легких вещей в хижине. Это был форменный смерч.

12 марта я поднялся на гору Лири и пополнил свои дорожные записи.

На дальнейшем пути к шейху Азиго, начавшемся утром 13 марта, мы шли по неровной местности, где я впервые встретил высокие заросли бамбука, растущие в низинах. Его гибкий ствол создает частые препятствия для движения вперед. И высокорастущую траву, и тростник одинаково трудно преодолевать.

Мы остановились в деревушке шейха Коха. С юга и запада ряды холмов ограничивали поле зрения, тогда как к северу открывался вид на горную страну. При нашем прибытии в северном направлении от нас к небу стали подниматься клубы дыма. Я оказался свидетелем игры природы, вызывающей содрогание и страх – пожара травы и леса, если можно назвать непроходимую бамбуковую чашу лесом. Ущелья, долины и высоты холмистой местности покрыты травой в рост человека и зарослями камыша, которые, будучи высушены под отвесными лучами тропического солнца, являются богатой пищей для всепожирающего огня. На далеком расстоянии был слышен своеобразный шум бушевавшего пламени и треск высоко взметавшихся снопов огня, со страшной быстротой приближавшегося к нашим хижинам.

Негры, живущие в северных местах, потеряли во время уборки урожая только что снятую дурру, много людей стали жертвами удушья и пламени.

Когда у нас возникла близкая опасность быть окруженными огнем, вовремя была сожжена трава в непосредственной близости от наших хижин, так что образовался сплошной пояс, державший от нас огонь в отдалении. До вечера все вокруг обгорело. Ночью сверкающее море огня осветило вдали отроги гор, низменности и ущелья.

Непрерывный мелкий дождь, начавшийся с ночи, удержал нас на следующее утро до 10 часов у шейха Коха.

С трудом взбираясь по западной седловине горы Итри (250 м) на очень крутом пути через обугленные пни бамбука, мы достигли, наконец, по ту сторону горы в закрытой долине деревушки Азиго. Тяжелый переход длился свыше часа.

В глубоком овраге протекал хор Урдуа, принадлежащий к системе Джало. Подобно всем этим маленьким водным образованиям, он был окружен поясом густой растительности. Я обрадовался при виде цветущей растительности. Для ботаника здесь нашлось бы много интересного.

На приближение дождливого времени указывал часто раздававшийся гром и покрытое тучами небо. При очень влажном воздухе тут и там выпадал мелкий дождик.

Деревушка Азиго была расположена в котловине, открытой только на юго-запад. На расстоянии получаса ходьбы круто поднимались суженные вверх горы. Большие поля дурры покрывали всю долину.

Дорога из Азиго к Кудурме ведет из области абукайя ойзила опять в область мунду.

Вдали показались горы Лабиго и Генгара, которые мы уже раньше видели из Лофоке. Путь вел круто к северному отрогу первых. Галька и каменистый грунт характеризовали поверхность области.

Воин мунду. Фотография

Вид вдаль на восток нарушался только маленькой горной цепью; южнее простирались цепи горных хребтов, с другой стороны – скалистые горы Лабиго и Генгара.

Путь через бамбуковые джунгли, до сих пор тяжелый и утомительный, стал легче, снова появились леса и кустарники, но хераны и болота мы преодолевали с трудом. По южному склону горы Моку мы добрались до первых сел мунду и шестью километрами дальше разбили свой ночной лагерь у жилища векиля Абд'Аллы.

На следующий день, 16 марта, мы добрались к шейху Кудурме, чье селение находится около реки Агоре, верхнего притока Роля, на полуострове, называемом на арабском наречии «джезире» (остров), который ограничен речками Асса и Айре. На один день нас основательно задержал дождь, позволивший только 18 марта продолжить путь.

Вскоре мы повернули на юго-восток и юг, довольно быстро продвигаясь через множество текущих на запад ручьев, через болота, заросшие папирусом, кустарниковые заросли и котловины к деревушкам вождя макарака Амузеи, находящимся в 25 км от Кудурмы.

В последние четверть часа до нашего прибытия мы попали под проливной дождь и промокли до нитки. Под дождем я должен был ожидать сооружения хижины, вновь построенной для меня, так как под маленькой рекубой, предоставленной мне шейхом, было хуже, чем под открытым небом.

Пришли жены Амузеи нанести визит и получить маленькие подарки: бусы, фартуки-тирка, медные бляхи и др.

Они были в туалетах, заставляющих вспомнить парадное платье нашей блаженной памяти прародительницы в раю, когда она встретила со змеем-соблазнителем. Но в то же время какой груз железных браслетов, каждый толщиной в палец! Я насчитал их у одной женщины на руках и лодыжках ног более 60 штук. К этому следует добавить еще шесть-

восемь тяжелых железных обручей вокруг шеи, которые, подобно брыжам³³ испанского придворного костюма XVI в., удерживали голову в одном положении. Тонкие железные кольца покрывали все пальцы до первых суставов.

Этого казалось бы достаточно, но, нет, сквозь нижнюю губу были продеты железные трубочки 5–7 мм длиной, чтобы удовлетворить тщеславие жен Амузеи. Я не перечислил еще всего арсенала, так как на левом плече виднелась железная или медная, имевшая форму тарелки, рукоятка кинжала, остро отточенный клинок которого был продет между тяжелыми железными кольцами.

После шестнадцатидневного отсутствия мы прибыли 20 марта обратно в Кабаенди, и этим закончился мой первый объезд провинции Макарака.

Общая длина пройденного пути составила 160 км. Мы снова устроились в нашей уютной и просторной рекубе и опять пользовались внимательным уходом хозяев. Вскоре после моего возвращения управитель зеробы Фадл'Алла отправился в Ладо с караваном слоновой кости. Помимо других, караван сопровождали пятьдесят вооруженных копьями и щитами негров бомбе. Это были крепкие, сильные люди, которых брали как охрану от негров ниямбара; в качестве носильщиков они никогда не использовались. Бомбе, настоящие негры азанде, считают себя аристократами и сопровождают правительственные караваны только как свободные воины.

Воин бомбе. Фотография

По интересовавшему меня вопросу о сборе слоновой кости я узнал от правительственных чиновников, а также от вождей негров следующее: до проникновения хартумских купцов за слонами охотились только ради мяса и жира; негры яростно их преследовали, устраивали для слонов западни, ловили и там убивали. Редко кто из негров охотился на слонов прямо с копьем. Однако и такие случаи имели место, что подтверждает моя встреча с негром в уединенной лесной глуши.

Негр, сопровождаемый только мальчиком и вооруженный большим копьем 10–12 см шириной, шел по слоновым следам. Копье, прекрасно отшлифованное, было обтянуто для защиты крепким кожаным чехлом, — мера предосторожности, которую я нигде ранее не видел.

В своих позднейших поездках я встречался с применением таких чехлов в Буниоро и Буганде.

³³ *Брыжи* — гофрированный воротник. В XVI столетии брыжи представляли собой туго накрахмаленные, натянутые на медную проволоку, обшитые кружевами воротники, которые носили и мужчины, и женщины.

Как только зверя убивали, клыки извлекали и относили вождю, у которого их выторговывали начальники зериб. При тогдашнем положении вещей торговля эта редко была выгодна для негров, зато всегда приносила большой барыш нубийцам.

До последнего времени редко торговали отдельными клыками. Каждый негритянский шейх, после успешной облавы, приносил всю собранную кость и получал от мудира по его произволу некоторое количество скота в виде вознаграждения. Кроме того, зеробы имели своих охотников за слонами (так называемые берберины или шайки). Они отправлялись на охоту группами в три-пять человек. Проводниками им служили негры, знающие местность и наводившие их на свежие следы слонов.

Усадьба бомбе. Вождь Рингио с женами

В прежние годы макарака добывали наибольшее количество слоновой кости. Однако некогда многочисленные стада слонов сильно уменьшились, и в мое время большая часть слоновой кости, доставлявшаяся правительству из мудирий, получалась из областей калика и ньям-ньяма.

За один клык там платили в среднем две мелоты (железные лопатки, величиной с руку), до десяти медных браслетов и пару пригоршней стеклянных бус.

Слоновые клыки делятся по величине на несколько сортов. Это деление принимает во внимание не столько качество, сколько вес, и лежит в основе цен хартумского рынка.

Различают шесть сортов:

1. Дамир – это наибольшие клыки, до 10 футов длиной; для их транспортировки необходимо попеременно от четырех до шести носильщиков.

2. Бринджи ахль – очень чистые клыки, для переноса клыка необходим очень сильный носильщик.

3. Дахар бринджи – клыки хорошего качества, но мелкие, весом около пятнадцати ротлей (сто ротлей равны 44,5 кг).

4. Бахр – клыки весом от пяти до десяти ротлей; два-три таких клыка составляют ношу одного носильщика.

5. Клиндже – самые маленькие клыки: семь-десять клыков, связанных вместе, составляют ношу.

6. Машмуш – слоновая кость низкого качества, побывавшая в земле или воде и испорченная дождем или солнцем. Она большей частью обжигалась и дробилась. Предметом торговли она не служила, как ничего не стоящая.

Какое опустошение среди умных толстокожих вызывает потребность цивилизованного мира в слоновой кости, показывает следующий расчет: за двадцать лет, с 1857 по 1876 год, из

Африки ежегодно в среднем вывозилось в Европу около 614 000 кг слоновой кости. Кроме того, еще круглым счетом 100 000 кг вывозилось в Индию и около 60 000 кг ежегодно в Америку. Соответственно этому количеству слоновой кости число убиваемых ежегодно слонов должно равняться по меньшей мере 51 000 голов.

Как долго еще будут истреблять этих животных ради таких «важных» вещей, как билиардные шары, ручки зонтиков, фортепианные клавиши и др.? И какую страшную нищету принесла торговля слоновой костью бедным неграм! О, если бы можно было собрать вместе все жалобы, крики боли и вздохи, которые причинил один кусок слоновой кости, странствующий тысячи миль, прежде чем попал под руки нашей играющей на рояле молодежи! Какой это был бы ужас для осужденного видеть и слышать даже только часть этих человеческих страданий!

Во время моего первого пребывания в Кабаенди Рингио, брата князя племени азанде, Индиммы, о котором д-р Швейнфурт упоминает в своем труде, не было: он собирал у своих соплеменников бомбе слоновую кость для правительства. На этот раз я его застал и нанес ему визит. Усадьба его лежала по ту сторону хора Мензе. Туда вела довольно грязная дорожка через бревенчатый мостик.

Вначале приходишь в очень просторную и чистую рекубу, вроде дивана или селямлика, предназначенную для приема гостей. Большая покатая крыша типичного для этих мест здания поддерживается бамбуковыми стволами. Перед рекубой открывается красивый вид на находящийся в овраге хор и лежащие напротив дворы и хижины донколанцев. Из хижин Рингио, расположенных кругом, меня поразили спальня жен, катта, круглый, красивый, на глиняном фундаменте с изящным выступом и приподнятым, округленным дверным входом.

Мне навстречу вышел сам Рингио, интеллигентного вида коренастый, сильный негр, около 40 лет, и приветствовал меня в хорошем хартумском стиле.

Хотя он княжеского рода азанде, брат могущественного Индиммы и сам является вождем бомбе, длительное общение с нубийцами сделало его ренегатом.

В прежние годы Рингио был в услужении у английского консула Джона Петерика, долгое время жил в зерибе последнего в области Еи. Затем он со своим хозяином переехал в Хартум. Здесь он выучился арабскому языку и довольно бегло говорил на суданском наречии этого языка, хотя и с своеобразным акцентом. С тех пор он остался в услужении владельца зерибы в качестве так называемого драгомана. Благодаря основательному знанию нубийцев и негров он занял среди своих земляков влиятельное положение. Сбор зерна, доставка слоновой кости, поскольку это происходило во вверенной ему области, равно как и все отношения с египетскими чиновниками, заступившими вместо прежних купцов, – все это находилось исключительно в его руках.

Я пытался узнать у Рингио, можно ли добраться до Джебель Багинзе, страстно желаемой цели моего путешествия. Он, как и его бомбе, собравшиеся вокруг нас, знали Багинзе. Но ответ, полученный мною, был далеко не ободряющий.

Со времени смерти Абд-эс-Самада, некогда бывшего проводником д-ра Швейнфурта в страну Мангбатту к королю Мунзе,³⁴ племени азанде области Багинзе находились во враждебных отношениях с зерибами. Рингио считал, что до Багинзе пять дней пути: три дня до шейха Анзеа и еще два от него до Багинзе. Для поездки в Багинзе Рингио считал необходимым прикрытие из пятидесяти солдат и некоторое число здешних бомбе.

Так как из беседы с Рингио я заключил, что путь на север проходим, то надеялся еще достичь своей цели. Но если бы мне не удалось получить от Анзеа, вождя племени абака,

³⁴ Мунза – верховный военачальник, военный вождь (не король), был замечательным руководителем своего народа. Он стоял во главе конфедерации племен мангбатту.

никаких удовлетворительных сведений, то я в этом случае ограничился бы пеленгованием Джебель Зилеи.

В руках одного из слуг Рингио я увидел толстый, блестящий клинок красиво отделанного большого ножа, по форме напоминающего нож, который король Мунза на портрете Швейнфурта держит в руке. Тотчас же во мне пробудилась страсть, свойственная каждому коллекционеру, и я вспомнил, что мне говорили о том, что в одной из своих хижин Рингио хранит настоящий музей «Антика».

«Антика» и у египтян, и у нубийцев, а за ними и у негров называют все то, что собирается путешественниками: чучело птицы, череп, заспиртованный жук – так же «антика», как древняя египетская мумия или старая дощечка для письма.

Будучи любопытным, я очень хотел бы посмотреть эти вещи. Но на мои вопросы об этом предмете Рингио дал весьма уклончивые ответы. Я больше не настаивал. И для меня остались скрытыми чудеса мангбатту, азанде, бомбе и др. Я был вознагражден подарком красивой шкуры леопарда, нового щита бомбе и плаща из лыковой ткани мангбатту.

Чтобы достичь главного объекта своей экскурсии в область Макарака, я хотел начать возможно скорее новую поездку, которая должна была меня привести к Джебель Багинзе. Предстоящее дождливое время заставляло торопиться.

Поскольку я узнал, однако, что майор Пррут, губернатор Ладо, отправил в здешние места на разведку египетского офицера для съемки пути и инспекции зериб и что он уже должен быть в Ванди, я решил подождать его прибытия в Кабаенди. Пока что я переписал начисто описание своей первой круговой поездки, произвел некоторые расчеты и занялся составлением карты.

Моя работа была прервана повторяющимися приступами лихорадки, удержавшей меня на ангаребе пленником в хижине.

Весьма однообразная жизнь в эти дни несколько скрашивалась посещением квартировавшего здесь офицера регулярных войск, старого турка, живущего уже пять лет в Судане. Благодаря общению с ним я с каждым днем стал все более бегло разговаривать на нубийском языке.

Его личное домашнее хозяйство было одним из лучших в этой местности. Кухня была превосходна. Только у Ахмет-Атруша в Ванди был такой же хороший стол. Его сад был прекрасно возделан. Я дал ему часть моих семян и вскоре имел удовольствие видеть, как они принялись и дали прекрасные всходы. Кочанный салат и цветная капуста были исключительно большие. До моей первой поездки высеянные семена дали спустя двадцать дней красную редиску величиной с грецкий орех. Она мне казалась очень вкусной.

Офицер рассказал мне многое о все еще практикующейся торговле рабами, которую мудир Багит-ага не только терпел, но и ревностно поддерживал. Так, во время последней поездки в Ладо он взял с собой сорок юношей-негров и трех красивых рабынь, которые там же были проданы за наличный расчет. К нам, европейцам, он старался подлаживаться, и так как ему было известно, что мы находимся в прямой связи со страшным пашой, бесстыдно лицемерил.

Для пополнения своей прислуги я нуждался еще в нескольких негритянских юношах, которые были мне необходимы в пути для выполнения разных небольших поручений. С другой стороны, я большее число слуг оставил Коппу, который меня больше не должен был сопровождать в моих поездках.

Копп, задачей которого был сбор зоологических коллекций, мог работать только при более длительном пребывании на одном месте. На переходах и на однодневных большей частью остановках у негритянских вождей он был для меня бесполезным и только отягощал дальнейшее движение, так как часто страдал от лихорадки, а в последнее время также

и дизентерией. Поэтому он должен был остаться в Кабаенди, охотиться в окрестностях и заниматься сбором коллекции.

Моя прислуга насчитывала четырех человек. Со времени увольнения повара Мухаммеда во главе слуг стал нубиец Ахмет. Нужных мне еще двух слуг я мог получить, либо купив их, либо, что в известной степени равносильно, получив их в виде подарка. И в том, и в другом случае это были рабы, переходившие в мое владение. О найме за плату в здешних условиях нечего было и думать. Я поговорил об этом с Багит-агой и сообщил ему о своем пожелании, но опасение, что из-за меня может быть обращено внимание правительства на официально запрещенную торговлю рабами в его мудирии, заставило его отнестись отрицательно к моей просьбе. Этим он думал показать мне, что у него руки чисты. Но он неправильно рассчитал. Скоро я убедился, что Багит, если не хуже, то, во всяком случае, не лучше в этом отношении, чем его коллеги офицеры и чиновники.

Когда через несколько дней присланный сюда из Ладо офицер Магомед-эфенди Магир после короткой остановки поехал из Кабаенди дальше для инспекции мудирии Макарака, я также ускорил свои приготовления к новой экскурсии по зеридам Роля.

С 8 по 28 апреля 1877 г. я совершил вторую поездку – к бомбе и абака. Мой караван состоял из десяти носильщиков, о которых позаботился исполняющий обязанности управляющего Риган-ага, и из моих слуг Джадейна, Абу Гомара и другого юноши, которого так же, как и двух рабынь, готовивших лепешки кисра в доме отсутствующего Фадл'Аллы, я взял временно. Копп остался с Ахметом и маленьким Морджаном.

Я хотел проехать через область Бомбе к шейху Анзеа и оттуда к Багинзе и другим путем затем назад в Кабаенди.

Вначале мы следовали изгибами хора Мензе, затем пересекли низкую и редкую кустарниковую заросль и поросшее папирусом болото Минди, после чего вскоре пришли к первым деревушкам бомбе. Деревушки были расположены на небольшом расстоянии одна от другой.

Мы сделали привал у шейха Гундо и остались на ночлег. Шейха не было. Однако для меня построили рекубу, в которой я мог после обеда работать. К вечеру надвинулась гроза и заставила меня перейти в убежище, в более прочный тукль. В него я приказал перенести также мои вещи.

В то время как снаружи гремел гром, сверкала молния и дождь лил ручьями, я поддерживал в хижине огонь и писал свой дневник при свете фонаря. Я чувствовал бы себя уютно, если бы бесчисленные крысы не нарушали тишину самым бесстыдным образом.

Я не взял с собой повара и поэтому должен был сам заботиться о приготовлении пищи. Макароны, рис и белые бобы вместе с полученными у негров курами составляли меню в период всей поездки. Мы получили много кур у шейха Гундо и в каждой деревушке доставали по одной-две штуки. Таким образом, запас птицы в конце концов стал весьма значительным.

Бомбе жили здесь скученно. Мы видели их деревушки на всем протяжении пути. Они состояли из немногих хижин, часто похожих на хижины азанде. На их постройку было затрачено больше труда, чем у других восточных негритянских племен.

В качестве фундамента для своих тукулей бомбе и макарака используют твердые, как камень, постройки термитов. Из материала последних они делают довольно большие, правильной формы кирпичи, которые, будучи уложены слоями на фут один от другого, образуют фундамент для стен хижины и ограждают от дождя. Потребность бомбе в украшении жилищ видна из того, что они орнаментируют внутренние стены искусной штриховкой.

Я наблюдал у мужчин бомбе исключительное пристрастие к красному цвету. Лицо и грудь были многократно окрашены красной краской. Свои красиво сплетенные щиты и копья они всегда носили в руках или вместо них так называемые пинга, диковинной формы

метательные ножи. Они имели воинственный вид. Искусные прически, которые мне приходилось видеть у людей Рингио, в Кабаенди, здесь мне не встречались. Бомбе носят длинные волосы, разделенные на красиво свешивающиеся пряди с пробором.

Мужчины одеты в грубые ткани, изготовленные из лыка растения *Urostigma*, женщины же носят только передники из листвы. Они обвешаны по возможности большим количеством железных колец и другими украшениями. Как женщины, так и мужчины носят большие голубые стеклянные бусы. Мужчины носят шкуру *Antilope scripta*, а также обезьяны колобус в качестве охотничьих трофеев. Первая свешивается с плеч, а красивая шкурка обезьяны завязана вокруг бедер.

Заслуживает внимания украшение, состоящее из рогов антилопы мадоква, привязанных ко лбу полоской кожи. Это украшение придает странный вид его владельцу. Деревни бомбе охвачены поясом вскопанных гряд, шириной в метр, которые прерываются только тропинками, ведущими к хижинам. На грядах выращивают табак, маис, тыквы и различные овощи.

10 апреля мы пересекли небольшой хор Эндубили и поднялись на возвышенность, покрытую кустарником и высокой травой. Здесь я нашел первые деревушки абака, окруженные полями дурры и маиса, и получил неприятное сообщение, что мы отклонились от прямого пути в Анзеа, взяв неверное направление.

Один из абака служил проводником; у него отняли оружие, чтобы помешать ему внезапно исчезнуть по дороге, после чего мы отправились назад, на северо-восток.

Этот путь привел нас к маленькой зерибе, в которой меня приветствовал Гассан, мой нубийский проводник по первой поездке. Я отклонил его приглашение заночевать, так как нам предстоял еще значительный переход.

Зериба Гассана находилась по соседству с селом шейха абака Томайя, в котором позже была основана правительственная станция, названная его именем. От Гассана я узнал, что на расстоянии часа пути находятся дворы абака. Там я решил закончить сегодняшний маршрут.

Затем мы вновь повернули на северо-запад. Перед нами лежала холмистая местность, перемежавшаяся долинами и низменностями с многочисленными валунами. На востоке поднимались конические вершины, которые я уже видел на пути из Кудурмы к шейху Амузеи.

Мы должны были пересечь ряд ручьев, большинство которых текло к Аире. Они были окаймлены пышной растительностью.

К обеду мы достигли хора Мутуа и опустились глубоко в хор. Там находился бассейн с чистой водой, струившейся по каменистому ложу. Водоем был совершенно перекрыт листвой различных деревьев и могучими вьющимися растениями.

На противоположном берегу хора Лангуа я приказал разбить лагерь. Проводник оказался ненадежным. Хижины абака не были найдены.

Мы остановились в этом глухом месте, чтобы избежать напрасных передвижений, из-за которых только теряли время.

Лежа в тени куста, я ожидал, пока будет готова моя травяная хижина, постройкой которой негры занялись тотчас же. И скоро я смог там устроиться и заняться приготовлением пищи.

Кипучая деятельность царила в быстро возникшем поселении. Вода, дрова и трава были на месте, и каждый думал только о еде и кровле.

Вдали кружились коршун и милане; описав дугу, они снова возвращались назад к какому-то пятну. Туземцы-носильщики тотчас стали говорить, что там находится павшее животное, возможно, буйвол. Несколько человек отправились на поиски, и действительно, спустя несколько часов они принесли верхнюю часть тела антилопы, находившуюся уже в состоянии сильного разложения. Несмотря на это, они ее съели. Разложение пошло так далеко, что, когда я попробовал взять рога, они легко отделились от шишек, в которых уже

возились черви. И однако люди извлекли мозги, чтобы их съесть. До чего не доходит человек, чтобы утолить свой голод!

Мы находились в очень негостеприимной местности. Найденная антилопа показывала, что здесь водятся леопарды. Она, видимо, пала жертвой одного из этих дерзких хищников, послужив ему в качестве обеда.

Я велел зажечь костры вокруг лагеря. К каждому костру были приставлены четыре человека. Из них один должен был быть на вахте. Ночь прошла спокойно, первая ночь, которую я провел вдали от домов и поселений негров, в африканской дикой глуши.

На следующее утро я приказал явиться проводникам абака, из которых один уже получил заслуженное наказание за то, что ввел нас в заблуждение, и спросил, знакома ли им дорога к Анзеа. Оба ответили отрицательно. Так как я, однако, решил, что желание поскорее вернуться заставило их солгать, то я их оставил при себе, предварительно отняв оружие, чтобы затруднить побег.

Во что бы то ни стало я должен был идти вперед. Один из сопровождающих нас солдат еще до выхода коротко доложил, что он знает дорогу. Мы двинулись вперед. Через 10 минут мы пришли на гнейсовое плато, от которого на восток и север открылась широкая даль. На расстоянии примерно двух часов мне показалось, что видны горы близ Кудурмы. Люди подтвердили мне это.

Мы шли еще несколько часов дальше на север и, наконец, я велел повернуть к Кудурме. Оттуда, как мне известно, до Анзеа считался один день быстрого перехода, а в Кудурме, наверное, были люди, знающие дорогу, которые могли меня туда сопровождать. Поэтому решение мое было коротко: я приказал направиться к ближайшей деревушке мунду, откуда, спустившись в равнину, достиг Кудурмы.

Местность была похожа на ту, которую мы прошли в предыдущий день. Холмистая степь с высокой травой, почти безлесная, пересеченная многими ручьями, берега которых были то заболочены, то покрыты роскошной растительностью. Ручьи эти протекали через галерейные леса востока страны Азанде и впадали на севере или северо-востоке в верхнее течение реки Роль.

Холмистая местность разнообразилась деревушками туземцев и полями, расположенными в складках рельефа. Эта живописная область изобиловала также и представителями животного мира, на что указывали не только голоса хищников, объединявшиеся в ночном концерте, но и стадо буйволов (около сорока голов), спокойно пасшееся на склонах холмов.

Мы были уже четыре дня в пути к моменту прибытия в Кудурму, тогда как я рассчитывал, что мы за три дня достигнем Анзеа.

Сильная гроза и дождь, заносившийся в мою хижину ветром, разбудили меня ночью.

Мелкий дождь, моросивший утром, и густые тучи ставили под сомнение возможность дальнейшего пути.

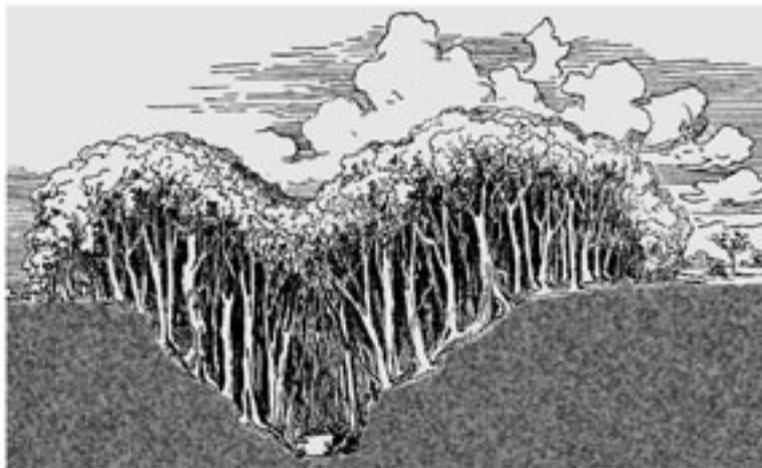
Наконец, мы смогли двинуться дальше. Однако и этот день не привел меня к вождю Анзеа. После того как мы в течение нескольких часов шли по дороге, ведущей на северо-запад, я, по настоянию своих людей, приказал повернуть у хора Агги на север, чтобы отыскать хижины вождя абака Бабира.

Расстояние до Анзеа за один день пути было определено как очень большое. Мы могли, как утверждали ленивые донколанцы, при большом напряжении прийти туда в лучшем случае только после захода солнца. Несмотря на нетерпение, которое меня гнало к Анзеа и к горе Багинзе, я хотел сделать вылазку к деревушкам абака.

Мы удалялись с каждым шагом все больше от горной, холмистой страны. На юго-западе на далекое расстояние были видны некоторые возвышенности, кустарник покрывал как господствующая форма растительности широкую равнину, пересеченную темными лентами лесов, протянувшихся вдоль речек в различных направлениях.

Если кустарниковая заросль с редкими, разбросанными деревьями и твердой, как щетина, травой вызывает разочарование путешественника, не находящего того великолепия растительного мира, которое обычно связано с представлением о тропиках, то я был стоицей вознагражден видом галерейных лесов, куполообразно замыкающихся над лентами речек.

Особенно был я поражен красотой влажных лесов у хора Аире. Как по лестнице спускается путник к глубоко лежащему ложу хора.

Схематический разрез галерейного леса

Маленький ручеек пробивается из-под гнейсовой скалы. В дождливое время, однако, он вздувается и образует стремительный поток. Вокруг непроходимая чаща, через которую возможно пробраться, лишь применив топор, чтобы очистить дорогу.

Великолепие и пышность растительности, изобилие и разнообразие растений и видов деревьев, – эта картина бесподобной красоты, пленившая меня обаянием волшебной сказки, не поддается описанию. И я сомневаюсь, смог ли бы даже один из самых лучших художников передать прелесть этих чудесных местечек, окутанных полумраком тенистой зелени.

Необходимость наблюдать за носильщиками и верховыми животными уменьшала, к сожалению, удовольствие этого перехода через реку, бывшего подчас очень тяжелым, главным образом для моих ослов.

Солнце было уже высоко, когда мы вошли в дереvушку шейха Бабира.

Как всегда, все, имевшее ноги, вышло встретить прибывших.

Тотчас же мне была предоставлена чистая хижина. Векиль вождя, негр по имени Конфо, должен был о нас заботиться. Мне дали курицу и горшок меду. Конфо был весьма доволен возложенными на него обязанностями и так усердно приложился к бутылке водки, что его ум полностью затуманился. Ни драгоманы, ни носильщики не получили чего-либо съестного. Самого шейха Бабира совсем не было видно. Я вынужден был употребить угрозы, чтобы получить необходимое.

На следующее утро мое терпение снова подверглось испытанию. Никаких носильщиков! Взятые в Кудурме возвратились назад, и я должен был ожидать новых. Уныло пришел Конфо, протрезвившийся после сна. Наговорил много красивых слов и обещал все, все. Что мне оставалось делать? Пришлось умерить свой гнев, проявить терпение, снова и опять терпение – первое, самое важное и необходимое требование к каждому путешественнику по Африке.

Я вынужден был остаться и ждать. Конфо торжественно клялся, что утром, на восходе солнца, носильщики будут на месте. Утро наступило, однако обещания и клятвы драгоманов

остались пустыми фразами. Никого не было видно. После повторения угроз была организована погоня за носильщиками. Только после долгих перипетий я пустился в путь и после пятичасового перехода достиг, наконец, жилища вождя Анзеа. Последний ясно выразил свое стремление мне понравиться.

Четырехлетнее общение с нубийскими завоевателями страны оказало свое влияние на Анзеа. Подобно многим другим вождям негров, он старался походить своими манерами на донколанца. Поэтому он пренебрегал простотой одежды негров и гордо расхаживал в грязной феске и засаленном, совершенно загрязненном, кафтане.

Я нашел приют в просторном жилище.

Мой первый вопрос к Анзеа, присевшему около меня на корточки, касался цели этой поездки – горы Багинзе.

Мои опасения, к сожалению, должны были подтвердиться. Рингио и Риган-ага меня, видимо, ввели в заблуждение. Они мне рекомендовали обратиться к Анзеа, чтобы побывать на Джебель Багинзе, удаленном якобы только на расстояние двух дней пути от его жилища. Но Анзеа не имел никакого понятия о горе Багинзе.

Я решил, что на карте Швейнфурта положение абака отмечено слишком далеко на север. Это и заставило меня решиться на поездку к Анзеа.

Ошибка эта меня крайне огорчила. Но расстраиваться было бесполезно, так как у негров, да и у нубийцев, вообще трудно получить сколько-нибудь надежные сведения о положении, направлении и расстоянии.

Когда я записывал свой путь в дневник, перед моей наполовину открытой хижинкой образовался круг туземцев, рассматривавших с нескрываемым любопытством белокожего чужестранца.

Вождь, чья любовь к спирту мне была уже известна в Кабаенди, вел себя с большой важностью. Медленно тянул он свою водку из маленькой тыквенной чаши. Перед тем как пить, он делал несколько крепких затяжек из своей трубки, после чего его раб совал ему в рот пучок тонких волокон лыка, через которые Анзеа втягивал дым. Своеобразная защита от отравления табаком! Составление маленького словаря абака и запись географических сведений задержали меня здесь на несколько дней.

Моя этнографическая коллекция получила весьма желательное пополнение без особых усилий с моей стороны.

Следовало доказать свою признательность, и я одарил Анзеа тиркой, медью, бусами всех сортов и т. д.

Днем по прибытии мы праздновали «азуме», праздник встречи вновь прибывающих, для которого мой хозяин заколол овцу. Она была зажарена на вертеле, и получилось действительно замечательное блюдо.

Селение Анзеа насчитывало едва полсотни хижин. Его собственная группа тукулей, огороженная высокими древесными стволами, выделялась как величиной жилищ, так и очень заботливо сделанными вместилищами для хлеба, однако по стилю мало отличалась от хижин их восточных соседей абака.

Чтобы еще более понравиться Анзеа, я хотел одарить его жен и велел своему маленькому Джадейку позвать их.

Каков, однако, был мой испуг, когда я увидел бесконечную вереницу женщин. Из десяти скоро стало двадцать, затем тридцать, а конца все не было видно. В этих условиях я не решился взять на себя тяжелую задачу распределения подарков и велел передать их супругу и повелителю некоторое количество бус как общий подарок для его красавиц. Женщины абака поражали обилием губных украшений. Это шлифованные кусочки из светлого кварца, продетые через просверленную верхнюю губу. С возрастом женщины увеличивается и величина украшений. Они достигают 25 мм толщины. Длина равна около 45 мм.

Шея охватывается панцирем, составленным из четырех широких плоских обручей, – определенно весьма небезопасное украшение. Эти женщины также носили передники из листвы как единственную одежду, и бесчисленные браслеты из железа или из меди на руках, ногах, шее и груди. В том, что тело приучалось к этим тяжестиям еще с ранней молодости, я убедился, наблюдая детей Анзеа, которые, едва умея стоять на ногах, уже носили по пятнадцать-двадцать маленьких, но массивных железных обручей на руках и лодыжках ног.

Среди мужчин абака было много сильных людей. Как и у бомбе, с которыми я бегло познакомился, и у них применяют материю из лыка для одежды. Я получил у Анзеа кусок ее для моей коллекции. Она толста, окрашена в темный цвет и не может быть даже отдаленно сравнена с красивым мягким мбугу, который делается в Буганде.

Абака бреют волосы на голове вокруг лба и значительно выше затылка. Остальные волосы связываются в маленькие косы, которые свешиваются во все стороны. Эта прическа производит впечатление парика.

Особенность одежды этих негров – своеобразное прикрытие половых органов маленьким кожаным клапаном, закрепляемом на ремне.

Из оружия я видел, кроме просто изготовленных копий разной величины, также луки и стрелы. Они точно такие же, как у мору, и носятся на плече в корзинообразном колчане.

Стрелы, применяемые на войне, отравлены.

Многие из мужчин и женщин просверливают край мочки уха до пятнадцати раз и протягивают длинную соломинку. Я видел также шнуры маленьких белых бус, протянутых от одного уха к другому.

Цвет кожи абака красно-коричневый, на открытом воздухе под синим небом кажется черным и весьма близко напоминает цвет кожи восточных негритянских племен на Ниле.

Два дня спустя после прибытия я покинул селение Анзеа с намерением попытаться продвинуться дальше к югу, к Багинзе. Под водительством Анзеа, ехавшего впереди на жалком ослике, я 16 апреля отправился в путь к вождю мунду Габологго.

Через четверть часа после выхода мы пересекли хор Хеди, который впадает к северу в Аире.

Область, лежавшая к югу от селения Анзеа, – большая однообразная, слегка всхолмленная саванна. Покрытая лесом двуглавая гора Эмбе остается на большом расстоянии единственной выдающейся точкой.

Мы шли четыре часа на юго-восток, пока не достигли хижин мунду. Эти хижины образуют маленькие деревушки, справа и слева от дороги, и видны в высокой траве между кустами и деревьями.

Скамеечка азанде

К югу и востоку до хора Торре тянется область мунду, на западе ограниченная жилищами азанде или бомбе, на юге поселениями абукайя ойгига, тогда как на востоке в углублениях и между речками лежат деревушки идио племени макарака.

Область мунду занимает площадь в круглых цифрах около 2200 квадратных километров.

Мы сделали остановку у шейха Балаби. Это было в полдень. Несмотря на горячие солнечные лучи, я почувствовал в пути озноб и казался чрезвычайно усталым, так что едва мог дожидаться, пока будет построена рекуба, в которой надеялся отдохнуть. Меня мучила страшная жажда. Я утолил ее четырьмя стаканами чая. Чай был вообще самым лучшим моим подкрепляющим средством. До утреннего похода я выпивал два стакана с несколькими хар-тумскими сухарями. По приходе в лагерь, после того как все было приведено в порядок, повторные два стакана чая доставили мне большое удовольствие. Только между пятью и шестью часами вечера я ел свой скудный обед. От вождя Балаби я поехал к Габологго, чьи деревушки находились на расстоянии 22 км на юго-юго-запад. Между скалистыми горами Гундуку и Багеда глаз блуждает по обширной равнине, которая на далекое расстояние усеяна хижинами мунду.

На переход многих болот, поросших папирусом, и различных ручьев мы потеряли много времени. Лихорадка еще была у меня в крови, и я был очень рад найти в тукле ангареб и поспать в выстроенной для меня рекубе. Я замедлил дальнейший путь, чтобы получить у Габологго сведения о Багинзе.

К моему счастью, носильщики запоздали; так как у меня снова появился озноб, о дальнейшем пути не могло быть и речи.

Я провел день в дремоте на ангаребе, совершенно равнодушный ко всему, вокруг меня происходившему.

Расстояние до вождя мунду Калифа было незначительное. Я предполагал вовремя выступить, чтобы по возможности до наступления приступа лихорадки быть на месте. Наш переход требовал четырех часов пути на юго-восток. Снова некоторые болота, густо поросшие папирусом, затрудняли наше движение.

На полпути нам встретилась колония абака. К счастью, мне удалось попасть в село шейха Калифа прежде, чем начался новый приступ, и я даже успел записать сегодняшней маршрут. Лихорадка осталась моим неизменным спутником и на обратном пути в Кабаенди.

Было очень приятно, что после обеда приступ прекратился. Утром я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы продолжать путь. Но неумолимо, как и моя лихорадка, появились на небе грозные облака, и полил дождь.

Шейх Калифа повел нас к деревушкам вождя Ангули, живущего в 16 км на юго-восток от его хижины. Со времени моих блужданий к Анзеа, отнявших так много времени, я от селения к селению брал с собой вождя.

Наше появление в деревушках Ангули вызвало настоящую панику. Молодые и старые, все хотели бежать. Только выступление вождя Калифа и его уговоры успокоили их и заставили остаться. До наступления вечера мы стали добрыми друзьями.

Я намеревался отправиться от шейха Калифа прямым путем, не делая крюка к югу, и сэкономить несколько дней.

Я хотел, однако, собрать сведения о странах на юге и западе в надежде узнать что-нибудь о Багинзе. Однако у всех туземцев обнаружилось поразительное незнание своих ближайших соседей.

Стереотипный ответ, который я слышал на свой вопрос, был: «геш! геш!» (трава! все трава!) Два дня я пробыл, вследствие лихорадки, в селе Тендиа. На переход до вождя мунду Рингио – 11 км длиной – потребовалось около трех часов.

От Рингио, вождя мунду, при быстром переходе мы могли прийти в зерибу за один день. По дороге не было никаких жилищ. Быстрым шагом без остановки достигли мы хора Торре.

Ландшафт был весьма однообразный: кустарник с периодически появляющимися прогалинами. Пересечь Торре было невозможно. Пришлось ждать, пока сойдет вода, вызванная недавним ливнем с грозой.

Утром дождь стал заметно слабеть и более не мешал нашему дальнейшему переходу через Торре. Мы продвигались ощупью по мосту, сделанному из деревьев, ветви которых переплетались с корнями, и лежавшему под водой на глубине до трех футов; при этом приходилось часто погружаться почти до пояса. От корней и веток ноги сильно пострадали. Некоторые длинные ветви прибрежных деревьев служили поддержкой для рук. Впереди шел носильщик. Следуя за ним, я перешел на ту сторону, насквозь промокший. Носильщики, стоя на ветвях импровизированного моста, передавали багаж друг другу. Осел и верховой вол должны были переплыть реку выше по течению. Переход длился час. Дальнейший путь лежал в северо-восточном направлении. Нам предстояло еще пересечь болотистую низменность. Как обычно, носильщики шли впереди. Они уже достигли возвышенности на другой стороне и находились на расстоянии тысячи шагов от меня. Я следовал по болоту за двумя слугами, пригибавшими передо мною камыш и папирус и притаптывавшими их. Идя по притоптанным растениям, можно часто пройти, не замочив ног. Мои оба слуги с двумя ружьями также перешли болото и стояли в нескольких шагах впереди меня, в то время как я медленным шагом проходил посредине по срезанным стеблям папируса.

Вдруг слева послышался страшный гул, и прежде чем я что-либо понял, между мною и слугами промчались галопом два рослых буйвола и в следующее мгновение исчезли из виду. Все это произошло настолько быстро, что невозможно было проследить за совершившимся.

В 12 часов я увидел вдали вытянувшиеся дворы зеробы, к которым я подошел полчаса спустя и где меня приветствовал Копп. Моя вторая круговая поездка была окончена. За двадцать дней я прошел путь в 290 км, – весьма хорошие результаты для африканских условий, особенно, если принять во внимание мое болезненное состояние и вынужденные, в связи с этим, дни отдыха.

Глава IV

Пребывание в Кабаенди

После очень тяжелого, вследствие моей болезни, похода к Анзеа и мунду наступил спокойный и сравнительно приятный период жизни в зерибе. Моя лихорадка прошла, но, из-за недостатка питания и невероятного исхудания в течение нескольких дней, у меня начался отек ног, причинявший мне в последующие дни много неудобств.

Позднее к этому прибавилась легкая экзема на ногах, причинявшая болезненный зуд и появившаяся, вероятно, от болотной воды. В первые дни я был занят многочисленными визитами приветствовавших меня жителей зерибы, различных офицеров, Риган-аги, Магомед-эфенди, донколанцев и др., что сильно тормозило мою работу. Мулазим Магомед-эфенди, старый житель Каира, во время моего отсутствия хорошо снабжал Коппа из своей кухни; он и теперь присылал нам ежедневно превосходно приготовленный, обильный обед. Крупная красная редиска, белая редька, салат, выращенный в его саду из моих семян, были для нас настоящим лакомством. Видя успехи его садоводства, я отдал ему весь остаток привезенных мной из Европы семян.

Я намеревался присоединиться к экспедиции, которая снаряжалась, как и ежегодно, для похода в область Калика, через Кибби и дальше. Письменно согласовав все необходимое для этого с Багитом, я после длительных переговоров составил с Риган-агой план похода. Экспедицию возглавлял заведующий зерибой Южная Макарака Магомед-Абу-Сед. Направляясь в последний объезд и опасаясь опоздать к выходу экспедиции, я просил офицеров немедленно уведомить меня, как только будут закончены приготовления к этой экспедиции, требующей большого количества вооруженной охраны и носильщиков. Меня заверили, что я успею сделать поход к Анзеа и вернуться обратно еще до выхода экспедиции Абу-Седа. Однако, вернувшись, я, к глубокому своему сожалению, узнал, что экспедиция уже ушла. Таким образом, мое горячее желание обследовать эти до сего времени мало изведанные европейцами области осталось неосуществленным. Магомед-эфенди сообщил мне, что меня намеренно не взяли с собой из опасения, что со мной может случиться что-нибудь неприятное. Ведь целью экспедиции был военный и грабительский поход, со всеми его случайностями.

Моей первой заботой в Кабаенди было приведение в порядок и чистка моей коллекции. В хранившихся в тукле ранее собранных мною вещах вся кожа и шкуры покрылись плесенью. Но солнце и свежий воздух скоро очистили то, что могло испортиться из-за недостатка воздуха в закрытой со всех сторон хижине. Больше труда стоило сохранить привезенные мной лишь недавно два тюка рогов и очистить их от всюду проникающих и все разъедающих червей. Сперва я попробовал сделать это при помощи смазки основания рогов крепким отваром красного перца.

Однако несколько дней спустя я увидел, к своей крайней досаде, что эти живучие вредители продолжают свое дело и что едва ли хоть одна пара рогов осталась неповрежденной. Особенно досадно было, что даже мощные рога буйвола, подаренные мне Риган-агой, были подточены, и их задняя поверхность была как бы нашпигована куколками червей, вылезавших из маленьких дырочек; я уже боялся, что придется их выбросить. Все же я решил сделать еще одну попытку уничтожить прожорливых и ненавистных мне червей. С этой целью я подверг рога значительному подогреву в густом дыму на огне, постоянно поддерживаемом на рекубе. Брошенная в огонь трава дала угарный дым. Эта процедура помогла. После того как рога сильно нагрелись и весь жир, остававшийся в шишках, вытек, я увидел маленьких злодеев мертвыми и обуглившимися в их дырочках. В дальнейшем мне удавалось таким способом сохранить новые приобретения продолжительное время.

С 2 мая я начал вести регулярные записи моих метеорологических наблюдений. Со времени моего возвращения дожди стали реже, но небо большей частью оставалось облачным. Рано утром термометр показывал 20°, к полудню он поднимался до 28–30° и падал к вечеру до 22–23 °С. С 10 мая погода оставалась неизменно ясной, не было видно ни одной дождевой тучи. Состояние моего здоровья было вполне удовлетворительное, аппетит – прекрасный, и после перенесенной лихорадки я чувствовал себя здоровее, чем раньше. Нанесение маршрутов моего похода в Макарака, вычисление и черчение карты длительное время было моим основным занятием, которое прерывалось только наблюдением над выполнением домашних работ. Мой организм отдыхал в спокойном ночном сне под противомоскитной сеткой. Я согревался от ночной прохлады огнем, который Копп и я поддерживали в рекубе.

Ежедневно к зерибе приходили негры различных племен с зерном, подлежащим сдаче правительству. Урожай был весьма удовлетворительный; я сам видел во время моих объездов большие запасы дурры у туземцев. Однако было ясно, что негры умышленно затягивают сдачу подати натурой. Для урегулирования этого дела к соответствующим шейхам было послано несколько донколанцев. Поля уже вскапывались и обрабатывались для нового посева, пока еще дождь не размягчил почву. Наша жизнь текла в размеренном порядке. Рано вечером – в постель, на рассвете – уже на ногах; я будил своих людей, которые должны были приступить к дневной работе.

С начала года мы еще не получали календаря, присылка которого из Хартума, видимо, задержалась, и праздников, например Пасху, не отмечали. Я надеялся, что, благодаря регулярному ведению дневника, мои даты в порядке; я знал даже, когда бывали воскресенья, хотя на наш образ жизни это не имело влияния; они лишь фиксировались памятью. Да какое могло быть воскресенье здесь, в Макарака!

На реке Собат

Моя третья поездка по округу Макарака началась 27 мая.

Я был на ногах уже на рассвете; носильщики также явились вовремя; запаздывали лишь две служанки, которые были мне нужны для приготовления лепешек кисра. Наконец я узнал, что они задерживаются из-за отсутствия одежды, и выдал им по куску материи – тирка. Два человека шли с винтовками, Абу-Гомар шел рядом со мной с парой легких арабских башмаков, в которых я переходил через болота и реки, за нами следовали мои слуги Морджан и Ахмет, наблюдавшие за носильщиками. Целью похода в первый день было селение влиятельного вождя макарака Дали Согаир (т. е. маленький, молодой Дали). С ним я познакомился еще в Кабаенди и окрестил его, вследствие его большого пристрастия к мериссе, «Абу-Мерисса».

От Кабаенди мы прошли значительное расстояние обработанными полями. На больших тыквенных бахчах посеяны были различные сорта тыквы, из них один превосходный сорт, особенно любимый мной; в большинстве же это были бутылочные тыквы, из которых

изготавливались сосуды различной величины и формы. Семена тыквы туземцы размалывают на так называемом мукгала – камне для размола, после чего они идут в пищу.

Мы перешли через маленький хор Эндури и вскоре подошли к речке Торре, протекающей по каменному руслу в двадцать шагов шириной. Переход был трудный. Высокий берег круто снижался и вел к остроконечным, беспорядочно нагроможденным камням, так что я опасался за своего осла. Прыгая с камня на камень, мы перешли через воду, едва достигнув фута в глубину. В двадцати минутах ходьбы от Торре жил шейх Фонго, обширная усадьба которого произвела на нас хорошее впечатление. Здесь мы задержались около $\frac{3}{4}$ часа; я купил маленький нож и медные полукольца, врученные мне супругой Фонго. Разбогатев на несколько кур, мы пошли дальше к зерибе Дали, которая находилась отсюда в получасе ходьбы на юго-восток.

Мы перешли хор Энгафу, миновали многочисленные разбросанные деревушки макарака и подошли к хижинам Дали, черного Фальстафа. Он вышел ко мне сам с приветствием и предоставил нам для жилья рекубу. Она была большая, вместительная и, судя по еще золотистой соломе на крыше, новая, по существу, большой тукль без боковых стен, что давало свободный доступ свету и воздуху; большая соломенная крыша защищала от солнца и дождя. Зериба Дали была одним из самых больших поселений, встреченных мной у негров. Большинство хижин стояло вдоль изгороди из бамбуковых жердей и терновника. На большой площади посредине находились гуту – зернохранилища, моя рекуба и отдельные тукули для особых целей.

В сопровождении моего толстого хозяина я осматривал его резиденцию. Хижины для женщин и прислужниц малы, с низким входом, глиняными стенами и колоколообразной крышей; помещение для жилья находится на одном уровне с землей или немного выше. Тукули вождя, его сына и некоторых других сильно отличаются типом строения. Прежде всего они выделяются величиной. Внешняя круглая стена из глины подымается сравнительно высоко вверх и дает возможность различить устройство более высокого этажа. И в действительности жилое помещение находится на высоте полутора метров над землей. Соломенная крыша спускается далеко за край стены, ее концы находятся близко от земли, и крыша образует вокруг хижины покрытое навесом, защищенное от солнца помещение. С одной стороны хижины ступенька ведет к входу, круто поднимающемуся к верхней части стены. У входа несколько сложенных жердей изображают род лестницы; в целом это напоминает собой вход в высокие хлева. Так как крыша спускается очень низко, то пройти через вход можно, лишь согнувшись и карабкаясь на четвереньках.

Дали отодвинул в сторону сплетенную из толстого камыша дверь хижины и пригласил меня в таинственный мрак своего жилища. Неприхотливость негра видна была по обстановке, если это не слишком смелое название, и по накопленным им сокровищам. Что я нашел в хижине этого вождя, слывшего в большом округе самым богатым и сильным? Ангареб, много щитов, четыре метательных ножа (пинга), несколько ножей, связку копий и, как самую большую драгоценность, старую двухствольную винтовку. При скудном свете, проникающем через дверь, я увидел, кроме того, много больших корзин и громадных бурм – горшков, в которых находилась дурра, приготовленная для излюбленной мериссы. Так же как и благородный сэр Джон, мой черный Фальстаф-Дали больше всего на свете любил крепкие напитки.

Метательные ножи (пинга) азанде

Перед ангаребом – маленькое пустое пространство служило местом для огня, в остальном же верхний этаж был наполнен пивными горшками. Нижний этаж, без двери, оставался неиспользованным пустым помещением, в котором размещались крысы, термиты и бог знает какое еще зверье.

От попытки осмотра другой подобной хижины меня удержала невозможная вонь, которая сперла мне дыхание, когда я начал вползать в хижину на четвереньках. Это была кладовая для сушеного буйволового мяса. Я быстро повернул назад и убежал подальше от этой отравляющей воздух вони.

Мой толстобрюхий хозяин был очень польщен, когда я похвалил его за хорошее управление зерибой, и весело и самоуверенно ковылял около меня. Впоследствии он то и дело заходил в мою рекубу выпить свой стаканчик спирта, разведенного водой. Однако сам он был скуп, и лишь с трудом мне удалось получить от него пару метательных ножей для своей коллекции. Напрасно я убеждал упрямого плута отдать мне красивый кинжалообразный нож с большой ручкой в форме тарелки и предлагал в обмен за него много товаров; этот нож был характерным образцом металлических изделий макарака, а испрашиваемый мной экземпляр отличался еще сплетением рукоятки медной проволокой. Насколько для негров важно их оружие, можно судить уже и по тому множеству названий, которые они дают своим копьям: в соответствии с формой, величиной, количеством зубцов и другими признаками меняется и название копья.

Наконечники копий макарака

Из них я упоминаю следующие: понги, акаталла, ундуга, голло, бодди, нангдия, калеполо, бонду, сагбодди, унмала, амбаве, узонго и монне – большие тяжелые копья для слонов, узкой ланцетообразной формы; минанде, амбира с четырьмя зубцами под заостренным лез-

вием-наконечником, анзага – с тремя и катики – с одним зубцом, бали-бамба – еще одна форма с четырьмя зубцами, и т. д.

Интересно отметить, что наречие азанде, на котором говорят макарака, отличается большим богатством слов. Не говоря уже о таких языках, как, например, арабский, который для отдельных конкретных понятий, имеющих для арабов исключительное значение, как лошадь, лев, верблюд и др., располагает поразительным богатством наименований, отсутствующих в других развитых языках, – но и некоторые негритянские наречия имеют ту же особенность: живущие недалеко от азанде и макарака племена бари и динка имеют множество наименований для скота, в зависимости от его пола, возраста, цвета его кожи.

Я узнал от Дали о некоторых глубоко укоренившихся суеверных представлениях негров, которые имеют большое, часто роковое влияние на их жизнь. Как и большинство негритянских племен в Африке от востока до западного побережья, макарака имеют своих «делателей дождя». Если кому-нибудь желателен дождь, он обращается к колдуну; конечно, и здесь требуется «положить деньги на бочку». «Делатель дождя» зарывает в землю горшок с волшебными травой и кореньями, после чего неминуемо должен пойти дождь. Это суеверие глубоко укоренилось в народе. Мой осведомитель также свято верил в него; он заверял, что сам получил доказательство силы колдовства, в виде пятидневного дождя. Как я имел возможность наблюдать, некоторые макарака – прекрасные фокусники и, зная суеверность своих соплеменников, используют свои фокусы для личных выгод. Так, например, они проделывают опыты чудесных исцелений: после длинных вводных манипуляций так долго нажимают и мнут кожу пациента в каком-нибудь месте, пока оттуда якобы не вытягивают пучок волос какого-либо животного и показывают их больному, которому после этого, по их словам, ничего больше не остается, как выздороветь. Другим глубоко укоренившимся суеверием является вера в «дурной глаз» и порчу – между прочим, суеверие, также сильно распространенное и на юге Европы. Макарака не сомневаются, что человеку, больному истощением, кто-то подбавил в напиток, мериссу или воду, вредное вещество. Якобы виновного вскоре находят, и он зачастую умирает насильственной смертью. Я сам был свидетелем такого обвинения в зерибе Дали. Ко мне привели женщину и мужчину, исхудавшего, как скелет. Дали рассказал, что женщина уже раньше колдовством извела своих мужа и брата, теперь же она пробовала свое отвратительное искусство на этой жертве. «Батал! Батал! (плохо! плохо!)» – очень оживленно повторял Дали.

Обвиненные в колдовстве негры часто обращаются с жалобами к чиновникам станции, которые, однако, оставляют их без внимания. Избиваемый и избегаемый всеми, виновный изгоняется в степь и там погибает, если с ним еще раньше не расправляются судом Линча.³⁵

Нубийцы – донколанцы в отношении суеверности не уступают неграм; мои люди, как и вообще живущие в области донколанцы, верили в колдовство так же, как и сами макарака. Мой слуга Ахмет пришел даже с рассказом об одной женщине в Сеннаре, превращенной в гиену, заверяя, что сам был свидетелем этого случая.

Вблизи зерибы Дали Молодого находится поселение Дали Кебира (т. е. большого, старшего). Он пришел ко мне с визитом. Это был древний, но еще бодрый, держащийся прямо негр с причудливым головным убором, густо усаженным раковинами каури и петушиными перьями. Убор принадлежал к уже прошедшей эпохе, «доброму старому времени» и выглядел очень странно. С саблеобразным ножом в руке старый негр расхаживал гордо, как кабальеро.

³⁵ Юнкер многократно употребляет термины «линчевание» и «суд Линча», но в отношении к казни осужденных у мангбату этот термин неприемлем.

Саблевидный нож макарака

Во время моего третьего объезда я имел возможность достаточно наблюдать настоящих макарака или, как они сами себя именуют, идио. Своей прической идио значительно отличаются от всех негров, которых я видел у Белого Нила и на Бахр-эль-Джебеле, а также от других племен, живших в области Макарака, за исключением их соплеменников бомбе. Оба этих племени принадлежат к народностям азанде и уже за несколько поколений переселились на свои теперешние места с юго-запада.

Более или менее сложные прически присущи не всем идио в одинаковой степени. Простой народ, работники – и здесь имеются работодатели и работники – спускают волосы по обе стороны головы от линии пробора, заплетая их в тонкие, более или менее длинные косички; женщины также носят эту простейшую прическу. Богатые же и именитые люди украшают себя искусными прическами. Они носят обычную прическу, выполненную с особой тщательностью и украшенную тонко сплетенной волосяной повязкой на лбу, в которую местами вплетены маленькие медные или железные кольца; или же прическа состоит из парика, изготовленного по личному вкусу заказчика. Дали Молодой, например, носил парик, имевший большое сходство с европейским париком аллонж.³⁶ И хотя он не стоил тысячи талеров, как введенные в моду во Франции и всей Европе «Королем Солнцем»³⁷ прекрасные, высоко взбитые, спадающие на грудь и спину сооружения из локонов, все же придавал негру макарака величавый, исполненный достоинства вид, не менее чем парик XVIII столетия в Париже.

Разделенные пробором от лба до темени волосы, заплетенные в широкие косы, спускаются к затылку, где к ним прикреплена деревянная палочка, украшенная медными кольцами и свисающая между лопаток. Благодаря постоянному смазыванию жиром и неизбежной грязи, откладывающейся на парике, косы превращаются в гладкие пряди волос. Некоторые макарака-щеголи, ровно обрезая волосы, закручивают их, и в результате образуется короткий, 6–7 см в диаметре, валик; последний от жира и грязи делается снаружи гладким и соединяется с прядью, идущей от затылка вперед ко лбу. Отдельные пряди и волосы совершенно неразличимы в этом склеенном валике. У некоторых макарака на лице растительность, особенно развитая на подбородке. Это дает им возможность заплетать бороду в косу, которую они охотно удлиняют, вплетая деревянную палочку, или подвязывают ее медными полосками. Как уже сказано, только мужчины проявляют особенную изобретательность в своей прическе.

³⁶ *Парик аллонж* – бывшие в моде в конце XVII– начале XVIII в. парики с буглями и длинными локонами, спускавшимися до плеч.

³⁷ *Король-Солнце* – французский король Людовик XIV (1643–1715), его окружение отличалось пышными нарядами и вычурными прическами.

Щеголь занде. Рис. Швейфурта

На другой день после приезда я пригласил к себе Дали и расспросил о его соседях, чтобы наметить дальнейший план своего похода.

После совещания с Дали я решил сперва посетить шейхов макарака Бассо и Бендуэ, подняться на гору Гурмани, затем пройти к абукайя ойзига, далее к шейху мунду Акайя и оттуда обратно в Кабаенди. Выполнение этого плана было сорвано письмом Атруш-аги, сообщившим о плохом состоянии здоровья Коппа. Привезший это письмо Мулазим Магомед, утомленный дорогой, остался на день у меня. Атруш сообщал недобрые вести: Копп совсем не принимает пищи и может умереть уже в следующую ночь. Я решил немедленно пойти в Ванди, но пришлось дожидаться следующего дня, так как носильщиков не было на месте. Намеченное «Абу-Мериссой» в мою честь празднество «фантазия» не состоялось из-за грозового дождя. Мулазим, с которым я обычно болтал по вечерам в Кабаенди, рано лег спать, я же проработал много часов на прохладном после дождя воздухе.

Во вторник 29 мая мы покинули деревню Дали. Так как тукль Коппа находился вне зерибы, он вышел ко мне навстречу еще до моего въезда в зерибу. Он страшно изменился и похудел. Он провел несколько дней в беспамятстве и бреде и был так слаб, что с трудом делал несколько шагов. Я проводил каждый день многие часы с Коппом; на его выздоровление у меня было мало надежды, дизентерия оказалась для него губительной...

Я оставил с Коппом своего хартумского слугу Ахмета и еще двух служителей, наказав им ухаживать за ним. Самому мне надо было продолжать свои объезды.

Я не хотел идти в третий раз дорогой на Малую Макарака и от Ванди решил следовать прямо на юг, чтобы все же закончить мой прерванный объезд. Утром 2 июня я с моей маленькой свитой оставил зерибу. Через 25 минут мы пришли к хижинам, принадлежащим одной из переселенных Атрушем колонии бари, возделывающих для него поля.

Слева показались вершины гор Рего. Мы перешли несколько мелких притоков реки Еи, промерили с высоты небольшой скалистой горы – Джебель Анами – видимые для нас вершины гор и через полчаса достигли Еи, по левому берегу которой пошли дальше. Река, в этом месте шириной в семьдесят шагов, делает поворот, за которым становится невидимой, и через полчаса опять появляется; в течение этого времени мы пересекали глубокую низину. Далее мы прошли по высокой траве к югу, перешли хор Ламбэ и остановились у

шейха племени феджилу Лемми на ночлег. Люди в деревне были сильно взволнованы недавними жестокими избиениями жителей нубийцами Багит-аги, вызвавшими смерть нескольких негров. Конечно, неудивительно, что это наделало много шума. Один из вождей, которого я пригласил к себе, отказался от похода в деревню Лемми, вероятно, из боязни, что насилие может повториться. Я строжайше запретил своим людям производить какие-либо реквизиции и для большей безопасности велел поставить ночную стражу. В остальном я нашел хороший прием и сделал для моей коллекции несколько покупок. Виденные мною здесь феджилу не произвели на меня хорошего впечатления: бросаются в глаза тупое выражение их лиц и выдающиеся челюсти; некоторые мужчины были пьяны. Феджилу принадлежат к племени бари, их диалект мало отличается от наречия последних; общий вид и цвет кожи также говорят о родстве с этим племенем. Один обычай отличает их: в то время как бари ходят совершенно нагие, феджилу носят передник, причем используют для этого одеяния все что попадается. В мою коллекцию попали такие образцы передников, как, например, шкура маленького млекопитающего с лапками, кусок кожи с железными подвесками, кусок кожи ящерицы-варана. Все эти вещи имеют сзади пальцеобразный мешочек, который засовывается под поясной шнур, являясь одновременно крючком и вместилищем для табака. Украшениями служат железные браслеты на запястьях и щиколотках, такие же ожерелья и металлические головные повязки. Оружие, которым они пользуются, – луки, стрелы и копья, – ничего особенного собою не представляют. Бытовые потребности феджилу, по-видимому, стоят на более низкой ступени, чем у соседних народов: жилища малы и построены с меньшей тщательностью.

Ящерица-варан

На следующий день я продолжал свое путешествие на юг до Мунду-Хеф-Кифо, где мы переночевали. Затем, пройдя северо-западный край области феджилу, мы перешли рубеж племен мунду и феджилу. Островные поселения последних расположились на границе обитания бари, ниамбура, мунду и какуак.

Под угрозой надвигающихся с юго-востока макарака-идио, феджилу обратились за помощью к донколанским торговцам слоновой костью. Последние, под начальством Ахмет-Атруша, преградили дальнейшее продвижение племени азанде, но поработили также и искавших у них помощи феджилу.

Из-за высокой травы продвижение по дорогам было довольно затруднительно, особенно в низинах. Воду приходилось доставать из выкапываемых ям, реки нам не встречались; река Еи находилась довольно далеко на восток. Мутная и белая питьевая вода, похожая

на разбавленное молоко, была не особенно привлекательна, но лучшей не нашлось даже в деревне шейха Кифо.

Еще в дороге у меня были неприятности с моими людьми, пользовавшимися моим именем для того, чтобы безнаказанно грабить негров (в последней деревне феджилу они украли козу, которую, однако, им пришлось вернуть владельцу, прибежавшему ко мне). Это их поведение не изменилось и в Кифо. Вследствие недостатка в носильщиках я был вынужден оставаться в этой деревне целый день, большую часть которого провел на ангаребе. Боли в голове и спине и слабость в ногах предупреждали о новом приступе лихорадки. Поэтому я ограничивался короткими переходами и продвигался на запад медленно. Мы переночевали у шейха Бату и на следующий день поднялись на невысокую гору Липако, с вершины которой я любовался далекой перспективой и наметил свой дальнейший путь.

По дороге мы встречали много расположенных на возвышенностях деревень макарака-идио, селения которых тянутся отсюда до главной зерибы Кабаенди.

Зериба вождя Бандуа на речке Ау – одна из самых больших негритянских деревень этой области. Она огорожена хорошей изгородью и древесными насаждениями и имеет приветливый вид. Я послал вперед несколько человек из сопровождавших меня с поклажей, и они по моему поручению приготовили для меня рекубу. Желая отблагодарить жителей за хороший и дружелюбный прием, я устроил вечером у Бандуа «кунго» (празднество с музыкой, танцами, мериссой и пр.). Повод к этому подали женщины. Из соседних хижин они видели, что я дарил бусы женам Бандуа; под вечер ко мне с пением и прыжками явилась группа женщин с просьбой подарить и им бусы. Я исполнил их просьбу, и на радостях они танцевали «кунго» (принимали участие только женщины). Из моей рекубы я наблюдал за веселым празднеством. Вдруг на площади появилась воинственная фигура со щитом и изогнутой саблей, начавшая военный танец. Прыжки и удары саблей по воздуху под прикрытием щита выполнялись с таким рвением и проворством, как будто действительно нужно было уничтожить врага. Казалось, что воин считал меня своим опасным противником, против которого он должен мужественно защищаться, клинок сабли просвистел несколько раз у самых моих ушей, так что я невольно отшатнулся. Тогда с другой стороны выпрыгнул сам вождь Бандуа в воинском наряде, проделал те же прыжки, что и первый танцор, и приблизился к нему в качестве противника. Приближение крадучись, отступление, прыжки и выкрики были так естественны, оба танцора забылись и вошли в такой азарт, что окружающим зрителям пришлось их разнять; по-видимому, из опыта здесь было уже известно, что танцоры предаются военным играм со страстностью, небезопасной для жизни. Бандуа начал игру в нападение на меня (чтобы оказать мне особую честь), его сабля кружилась перед моим лицом, но вдруг он изобразил, будто увидел своего воображаемого противника побежденным у своих ног, и начал рубить и колоть его, чтобы покончить с ним. Весь в поту, он завершил свое интересное выступление тем, что низко склонился и для оказания мне особой чести положил свою голову на мою руку.

Двадцатиминутная прогулка привела меня к деревне шейха макарака Бассо, которая, кроме солидной ограды от ночных хищников, особенно от гиен, которых здесь очень боятся, была опоясана еще банановыми зарослями, придававшими этой большой деревне приветливый и даже уютный вид. Я сообщил вождю и нубийцам о своем горячем желании до возвращения в Кабаенди пройти в область Абака. Но и здесь, как и в других деревнях, я получил уклончивый ответ – что якобы туда нет дороги, что никто ее не знает и т. п. Сопровождавшие меня нубийцы хотели как можно скорее вернуться к своей ленивой жизни в зерибе и ничего не делали для осуществления моего плана путешествия. Они уклонялись тем более, что были обмануты в своих ожиданиях поживиться у негров во время объезда. Я ясно высказался по этому поводу, пригрозив, что каждого, взявшего что-либо без моего разрешения, ожидает немедленная смерть.

Из зерибы Бассо я предпринял прогулку к конусообразной горе Гурмани, поднялся на вершину, а на следующий день посетил ближайшее островное поселение абака и ее вождя шейха Бати.

Деревянная скамеечка бонго

На обратном пути в Кабаенди я еще раз заехал к своему толстому другу Дали. Остаток моего спирта настроил толстого шейха особенно дружелюбно. Рассчитывая в ближайшее время получить из Ладо посылку с разными вещами для обмена, я здесь щедро раздавал разные подарки. Зато я, наконец, получил красивый нож, который мне хотелось приобрести еще при моем прежнем посещении. Правда, мне пришлось не только заплатить очень дорого, но и пустить в ход все свое красноречие при уговорах и, наконец, апеллировать к тщеславию вождя, пообещав ему, что нож будет показан всем великим султанам: «Смотрите, вот нож Дали, величайшего из всех вождей». Я намеревался составить коллекцию копий, но требования возмещения за них были так высоки, что мне пришлось отказаться от этой мысли. Выше я уже сообщил названия и формы копий макарака. Хочу лишь добавить, что некоторые виды их идут исключительно как предметы обмена, особенно для покупки жен. В зависимости от достоинств невесты, требуется от двадцати до тридцати копий «голло» в качестве выкупа у отца.

12 июня я благополучно вернулся в Кабаенди и этим закончил свою третью поездку по округу Макарака, добавив к моим путешествиям новых 145 километров пути.

По возвращении в Кабаенди я поселился на своей прежней квартире. Вещей я не распаковывал, намереваясь в ближайшие дни отправиться в Ванди, чтобы навестить Коппа и договориться с Багит-агой (караван которого должен был вернуться из Ладо) относительно поездки в Калика. Первый день был посвящен проветриванию, сушке и окуриванию этнографических коллекций.

Однако уже на следующее утро поступили неожиданные сообщения. С молниеносной быстротой по зерибе распространился слух, что в Ладо умер Фадл'Алла, управитель Кабаенди. Чтобы проверить это, я отправился к Риган-аге и узнал, что слух этот исходит от туземцев, пришедших из Ванди. Во время моего визита к Риган-аге пришло несколько донколанцев, подтвердивших, что управитель умер.

Началось своеобразное, чисто африканское похоронное торжество. Фадл'Алла, почти всю жизнь проживший в области и по своему положению тесно связанный с местными условиями, жил, как князь, и повелевал сотнями рабов и рабынь, которые внезапно лишились своего господина, вождя и кормильца. Его оплакивали и сожалели об его смерти сотни людей, некоторые – из привязанности к нему по долголетней привычке, другие – из страха перед неизвестным будущим и перед новым суровым и жестоким господином, третьи – просто из страха перед голодом. Африканцам вообще свойственно громкое выражение чувств, поэтому и печаль свою они выражают шумно, особенно женщины. Уже с древних времен громкие причитания женщин составляют основную часть похоронного обряда. Этот обычай неизменно переходит из рода в род на протяжении столетий и даже тысячелетий. Как в старые времена плакальщицы в древнем царстве фараонов провожали покойников к могиле,

так и по сию пору этот обычай сохранился во всей долине Нила, откуда он распространился до самого сердца Африки.

Я еще находился у Риган-аги, когда издали послышался жалобный вой, и группа в шестьдесят-семьдесят женщин с причитаниями прошла через всю зерибу. Это выражение печали было так чуждо нашему представлению, что непосвященному оно могло в одинаковой степени показаться и проявлением радости. Так, например, женщины поочередно кувыркались, в последующие дни украшали себя зеленью, все время пели под бой барабана, и все это в моих ушах звучало так же, как и во время «фантазии».

Несмотря на то что похоронный обряд был мне вначале интересен, все же бесконечный шум в течение четырех суток стал, наконец, непереносим. Мое жилище, правительственные зернохранилища, станционные склады и др. составляли часть усадьбы Фадл'Аллы и были с ней связаны; так что все похоронные празднества, шум, вой и крики происходили очень близко от меня и не давали мне возможности серьезно работать.

Женщины, разделившись на группы, ходили по зерибе, попеременно катались в пыли или кувыркались, делая вид, что чего-то ищут во всех углах, и непрерывно крича: «О, мой господин! Где Фадл'Алла? Ложь, ложь!» (что он умер), подлезали на четвереньках под соломенные крыши, время от времени перегруппировываясь и переходя дальше, под непрекращающийся вой, вопли и причитания.

В течение дня только женщины выражали свое горе, подчас вполне искреннее. Вечером раздались звуки барабана, что сделало празднество совсем уж сходным с празднеством «кунго», и к церемонии присоединились также мужчины, мальчики, слуги и рабы Фадл'Аллы. Некоторые рабыни, по-видимому, близко стоявшие к покойному при его жизни, выражали свое горе с такой страстностью, что становилось страшно за них.

Сильно утомленный, я, наконец, заснул под моей противомоскитной сеткой, несмотря на громкие завывания, но на рассвете был разбужен шумом продолжавшейся церемонии. Удалившиеся на ночь в свои хижины женщины утром опять были вблизи меня, и я проснулся от причитаний перед моим ангаребом.

В это время вернулись из Ванди рабы и рабыни, бывшие с Фадл'Аллой в Ладю, и привезли его вещи. Непрерывное шествие женщин стало более организованным и стройным, они разделились на группы и шли гуськом, змееобразной линией переходя от одного двора к другому. Наконец, похоронное празднество превратилось в настоящий костюмированный бал. Женщины, которым удалось заполучить какую-либо часть одежды или других вещей покойного, облачились в эти одежды и подчас выглядели просто комично. Можно было увидеть нагую женщину в жилете, другую – в длинном халате, третью – в рубашке покойного; одна из них вооружилась длинным абиссинским мечом Фадл'Аллы. Остальные украсили себя сорванными с изгороди вьющимися растениями; некоторые ходили в процессии с копьями, другие ограничивались палками или маисовыми стеблями. Если прибавить к этому, что участницы празднества посыпали головы пеплом, вымазали им лицо и тело и что во время сильного тропического дождя они валялись в грязи, то можно приблизительно представить себе вид этого беснующегося общества. Чем дольше длился этот шабаш, тем более он принимал характер веселья, – по крайней мере мне так показалось. Некоторые женщины действительно искренно горевали, но большинство имело равнодушный и даже веселый вид. Как не обрадоваться неожиданному случаю, прервавшему будничную скуку их жизни: они могли кричать, гримасничать, плясать и не работать. Благодаря этому последнему, я вдруг оказался на голодном пайке: до сих пор я получал пищу из кухни Фадл'Аллы или Мулазим-аги; первый умер, и его хозяйство было в беспорядке, а второй уехал, – так что я был вынужден сам, без повара, заботиться о питании своем и моих людей; в этом, однако, мне немного помогал Риган-ага.

Похоронные торжества длились четыре дня, и в течение этого времени ни я, ни кто-либо другой в зерибе не имел покоя. Я бы немедленно выехал в Ванди, если бы не ждал Багит-агу который, по моему предположению, должен был приехать в Кабаенди, чтоб сделать необходимые после смерти Фадл'Аллы распоряжения.

Я прождал несколько дней, но был вызван в Ванди письмом Багит-аги, так как состояние здоровья Коппа сильно ухудшилось и можно было ждать его кончины. Это сообщение меня не поразило, так как я уже давно сомневался в возможности его выздоровления, но все же не думал, что конец так близок, тем более что несколько дней тому назад получил от Коппа длинное письмо в несколько страниц. Я немедленно собрал все необходимое для отъезда утром следующего дня.

В понедельник 18 июня я очень рано поднялся, но должен был долго поджидать носильщиков. Тем временем солнечные лучи несколько подсушили дорогу и траву после прошедшего ночью дождя, так что запоздалый выезд оказался нам на руку, иначе пришлось бы на осле ехать по скользкой дороге; неподкованный, он постоянно скользил и шел очень неуверенно. Мы шли сегодня к зерибе Ахмет-аги в Малой Макарака по новой для меня и довольно сносной дороге. В последние годы здесь вошло в обычай во время дождливого периода расчищать высокую траву на дорогах, где чаще ходят (это выполняется специально посылаемыми людьми), так что узкие тропинки, раньше исчезавшие в высокой траве, делались широкими и хорошо заметными. Между прочим, это мероприятие проводилось только на оживленной дороге Кабаенди– Малая Макарака; но когда мудир объезжал свою область, в виде исключения расчищались и другие дороги.

Мы часто встречали возвращающихся в Кабаенди людей. Один солдат остановил меня и сообщил, что Копп умер. Не желая верить этому, я расспросил его о подробностях, но он утверждал, что сам видел похороны Коппа. Таким образом, бедный Копп увеличил собой число тех, которых преждевременно сводит в могилу убийственный климат Африки. Печально продолжал я свою поездку; хотя Коппа я уже не мог видеть, но мое присутствие в Ванди было необходимо для выполнения формальностей, связанных с его смертью, наследством и т. д.

Вскоре я услышал печальную историю последних дней жизни Коппа. В те немногие дни, которые следовали за написанием письма, он становился все слабее и слабее, хотя еще читал пришедшие из Ладо газеты. За день до смерти он, будучи в полном сознании, почувствовал особую слабость в ногах и остался лежать на своем ангаребе. На следующий день он спал полдня и тихо, без особых страданий, заснул вечным сном. Его тело было погребено в глубоко вырытой яме; могила была покрыта грудой терновника, чтобы уберечь ее от гиен. Сообщение о его тихой кончине несколько успокоило меня. Я боялся длительных страданий, которые при его нетерпеливом характере были бы ему очень тяжелы.

С большим неудовольствием я услышал следующую неприятную для меня весть: предназначенная мне посылка из провианта, тканей и табака застряла в Ладо. Помимо недостатка кофе, сахара и других продуктов, я нуждался в тканях и других предметах для обмена.

Утром 19 июня я продолжил свой маршрут и прибыл в Ванди вскоре после полудня. Еще не видя зерибы, мы уже слышали шум происходящего там «кунго». Была последняя декада июня, погода стояла прекрасная и сухая, с редкими короткими дождями, хотя обычно в этот период наступал хариф (дождливый период), почва разрыхлялась, и поля возделывались. Слышны были жалобы на засуху, опасались плохого урожая. Однако уже в последующие дни погода переменилась, и негры с радостью приветствовали ежедневно ливший дождь. По рассказам туземцев, такая длительная задержка периодических дождей была здесь редкостью.

В течение моего трехдневного пребывания в Ванди непрерывно длился «кунго», который, видимо, очень нравился Багиту. В «кунго» принимали участие макарака и мору. Каж-

дое племя имело свои инструменты, производящие шум, и танцевало свои, характерные для него танцы. Мерисса лилась ручьем: можно было видеть, как подтаскивалось подряд двадцатьтридцать бурм (горшков) с мериссой. Танец макарака я уже описал. Танец мору мне показали отдельно.

Большое количество скота, полученного со времени моего прибытия в мудирию (более 1000 голов от похода-газве Атруша, 200 голов, загнанных по приказу Багита, и присланные из Калика 1400 голов), было заколото в массовом порядке без всякого учета ближайшего будущего. Этот разбойничий народ, хозяйничающий от имени египетского правительства, уничтожил громадные стада скота в негритянских землях, до последней головы. Не думая о завтрашнем дне, они сегодня живут, купаясь в изобилии, но и не каются, когда наступает нужда. Это – неисправимый народ, божье наказание для бедных, которые стонут под их ярмом! О количестве зерна, идущего на мериссу в этой области, может иметь представление лишь тот, кто своими глазами наблюдал эту расточительность. А чиновники и солдаты регулярных войск (джехадие) еще жалуются на пренебрежение к ним и на недостаток мяса.

Период дождей (хариф) установился в начале июля, и ежедневно лили дожди. Во всей области поспешно обрабатывались поля. В Калика дождливый период, по-видимому, начался раньше, так как люди из экспедиции Абд'Аллы Абу-Седа рассказали, что там посевы уже взошли, например, телебун (*Eleusine coracana*)³⁸ достигает высоты более фута.

Багит пришел ко мне в сопровождении Абд'Аллы Абу-Седа. В переговорах о предстоящем походе некоторые высказывания Абд'Аллы озадачили меня; оказалось, что он лишь от меня узнал, что поход намечается до реки Кибби и, если она достаточно мелка, чтоб перейти ее, будет продолжен до земли вождя Луггара. Абд'Алла полагал, что до Кибби слишком далеко, сейчас период харифа, трава выросла высоко и т. д. Он совсем не был в курсе моего плана похода. По-видимому, Багит-ага сказал ему, что он должен вести меня к области Какуак и углубиться в область Калика лишь на несколько дней, а затем вернуться. У меня в тукле Багит, правда, согласился с моим намерением пройти хотя бы до Кибби. Однако я хотел получить письменное распоряжение, чтобы не быть вынужденным повернуть обратно вблизи водораздела между Нилом и Уэле.

В разговоре с Атрушем я опять вернулся к обычаям погребения у туземцев и получил подтверждение того, что знал раньше. Обычай погребения живых людей в основном практикуется у негров калика. По заявлению Атруша, он был свидетелем, как после смерти зажиточного человека был вырыт длинный ров, в котором могли поместиться, кроме покойника, его ближайшие родственники, скот и даже имущество, причем родственники зарыты были живыми. Случается, что смертельно раненный отравленной стрелой человек отдает распоряжение приготовить могилу и закопать его еще живым вместе с ближними и имуществом.

Как уже сказано выше, макарака высушивают труп над огнем, причем голова и лицо закрываются циновкой. После окончательного высушивания труп подвешивают на сучьях дерева.

Племена мунду и абукайя также практикуют ужасный обычай погребения живых людей, но какуак и другие племена, населяющие мудирию, погребают только покойника, но зато немедленно после смерти.

На негра здесь смотрят, как на вещь или ценный предмет, и не видят в нем сына Адама, т. е. человека. В подтверждение этого рассказу случай с моим хартумским слугой. Рабыня, полученная им от моего бывшего повара за бутылку водки и отданная одному донколланцу для обучения выпечке лепешек кисра, от последнего сбежала (что здесь случается очень

³⁸ *Телебун* (*Eleusine coracana*) – род семейства злаковых. Наиболее известен вид *Eusina indica*, разновидность которого *Eleusine coracana* под названиями коракана, токуссо, дагуссо, телебуна культивируется в Восточной Африке как хлебное растение.

часто, почти ежедневно). Ахмет пожаловался Риган-аге в Кабаенди и в возмещение получил от него другую маленькую девочку и еще маленького мальчика, которых он привел с собой в Ванди.

Похоронное торжество в честь умершего в Ладо Фадл'Аллы, принявшее вид настоящего «кунго», все еще продолжалось, хотя прошло уже пятнадцать дней. Умерший мог быть доволен: много более значительных людей было забыто скорее.

В субботу 7 июля мы опять двинулись. Ахмет-Атруш взял с собой двенадцать слуг, вооруженных ружьями, двух рабынь и пятнадцать носильщиков; я ограничился двенадцатью носильщиками, моими слугами и их рабами. Поскольку Атруш хотел посетить свою зерибу и скотный крааль, находящиеся у горы Липако у хора Бондам, мы сделали небольшой крюк, чтобы потом попасть в Римо, где должны были находиться нерегулярные войска, донколанцы. Оттуда мы намеревались направиться с Абд'Аллою Абу-Седом на юг.

Выйдя из Ванди, у хижин островного поселения бари, мы отклонились на запад от прежнего пути к вождю Лемми. Через три с половиной часа мы пришли к шейху макарака Багинне, у которого остановились. При выходе из Ванди я был хорошо настроен и с удовольствием смотрел на хижины, возводившиеся для нашего ночлега. Наконец-то был сделан первый шаг к долгожданному походу в Калика, к путешествию, от которого я ждал много интересного и откуда надеялся привезти совершенно новый этнографический материал. Сколько мне рассказывали об этой области и ее жителей! Нубийцы в своих рассказах, сильно преувеличенных и фантастических, которые, однако, часто принимаются на веру, наделяют негров калика дьявольскими способностями, опасными для вторгающихся туда чужеземцев. Но особенно плохую репутацию имеют их отравленные стрелы: яд на стрелах калика действует быстро; при приближении экспедиции туземцы зарывают в землю на ее пути отравленные стрелы так, что только кончики их находятся над землей, или же при-страивают стрелы в высокой траве на высоте человека в горизонтальном положении; таким способом они смертельно ранят ничего не подозревающего пешехода. Все же страх перед калика, очевидно, был не так уж велик, если донколанцы совершали к ним свои грабительские походы из года в год.

Я от души радовался, что был в походе, так как жизнь в зерибе удручающе монотонна и делает человека ленивым и вялым. В последние дни в Ванди я не мог освободиться от предчувствия, что в последний момент может возникнуть какое-нибудь препятствие нашему походу. Но когда мы двинулись, мои страхи сменились спокойным и хорошим настроением. Поэтому привезенное вечером из Ванди курьером письмо с вызовом Атруша поразило меня, как гром среди ясного неба. Он привез с собой письмо, но ни я, ни Атруш не могли прочитать арабскую писанину; мы лишь вывели у курьера, что официальные письма пришли в Ванди не из Ладо, а из Роля. Подумав и переговорив с Атрушем, в ту же ночь мы послали пятерых гонцов в Малую Макарака в расчете, что тамошний векиль Ахмет-ага Ахуан также получил вызов из Ванди. Атруш, в последние месяцы неоднократно посылавший в Ладо жалобы на плохое управление Багита и его самовольные действия, был очень смущен и взволнован неопределенными известиями.

Вскоре вернулись гонцы из Малой Макарака. Они подтвердили, что Атрушу приказано немедленно вернуться в Ванди. Из Роля прибыло распоряжение, чтобы Багит, Атруш и многие другие явились в мудирию Роль. Кроме того, было передано, что Багит в скором времени двинется к Малой зерибе. Все еще не понимая причины таких распоряжений, мы решили немедленно отправиться в Малую Макарака и там узнать, в чем дело.

Теперь я уж не думал о походе в Римо, а дал указание быстро собрать мои вещи, чтобы присоединиться к Атрушу.

Одиннадцатого июля я двинулся в Кабаенди, чтобы подготовиться к поездке в Роль. В моем дневнике от 10 июля я нахожу следующую запись: «Вечером, когда я пишу эти строки,

мои нагие люди снуют с факелами, уничтожая миллионы странствующих муравьев, беспощадно кусающих их ноги. Длинные ряды этих прилежных насекомых покрывают землю, и горе тому, кто, ничего не подозревая, попадет к ним».

В третий раз с часами и компасом проделывал я путь между Малой зерибой, Макарака и Кабаенди. Дни в Кабаенди прошли в приготовлениях к походу, покупках и упаковке. Я чувствовал себя лучше, чем раньше. Лихорадка, так измучившая меня во время объезда в апреле, и затем наступившие в Ладо и Макарака вялость и слабость, так что меня утомляла самая короткая прогулка, сменились чувством полного выздоровления и ощущением своей силы. Однако меня в Африке преследовала одна болезнь: уже в Хартуме, во время жары, я страдал от очень назойливого зуда кожи, вроде крапивной лихорадки, не дававшего мне спать. В походе в Собат зуд этот мучил ночами очень часто, к тому же было ощущение, будто спину мою кололи иголками. В Ладо я также все время ощущал раздражение кожи, – не помогали ни теплые ванны, ни обмывания. Здесь, в Макарака, в первое время я ничего не чувствовал, но позднее вся спина у меня покрылась многочисленными зудящими прыщиками. Теперь я страдал от отдельных прыщиков, вроде укуса комара, появившихся главным образом на теле и на сгибах конечностей. Как в Египте такого рода кожные болезни приписывают воде из Нила, так и здесь считают, что вода является причиной их. Негры часто страдают от этой болезни.

Глава V

Путешествие из Макарака в Роль

Шестнадцатого июля началось мое непредвиденное путешествие в Роль в составе экспедиции, насчитывавшей почти 1000 человек. Каждый путешественник в этих областях так зависит от случайностей, что часто ему приходится двигаться в направлении, противоположном тому, какое он себе намечал.

Вместо того чтобы посетить совершенно неизвестную область к югу от Макарака, я, по независящим от меня обстоятельствам, направлялся на север. Мое путешествие в страну Калика не могло состояться, так как все здоровые воины должны были по вызову губернатора явиться в Роль. Была объявлена настоящая военная мобилизация. Ибрагим-эфенди Фауци опасался нападения на область Бахр-эль-Газаль орд Солимана, сына Зибера-Рахамаса.³⁹

Уже в то время, когда Самуэль Уайт Бэкер, по указанию хедива Измаил-паши, совершил свой завоевательный поход к верхнему Бахр-эль-Джебелю, области на Бахр-эль-Газале, занятые хартумскими торговцами, были объявлены номинально провинцией египетского Судана. Во главе новой, еще подлежащей завоеванию области должен был стать Кучук-Али с титулом аги. Однако, благодаря растущему влиянию Зибера, авторитет хедива был ослаблен. В 1869 году «гокмдар» – генерал-губернатор Судана Джафар-паша Мазгар послал к Бахр-эль-Газалю священнослужителя из Дарфура Магомед-эль-Булалави, утверждавшего, что султан Газин, при дворе которого он находился в качестве ученого, дал ему право на медные рудники, находящиеся к югу от Дарфура. Вновь назначенный Кучук-Али-ага стал во главе двух рот правительственных войск, чтобы совместно с Булалави, командовавшим ротой регулярных черных солдат, заставить владельцев зериб платить правительству подати и организовать управление провинцией, а главное – овладеть медными рудниками.

В результате столкновения между обоими авантюристами – Зибером и Булалави – первый был ранен, но зато авторитет его возрос, второй же проиграл не только битву, но и жизнь. Зибер, уже и раньше пользовавшийся большим влиянием, стал владыкой области Бахр-эль-Газаль. Завоевание Дарфура сделало его героем и самым могущественным человеком в Судане.

В долине Газау

³⁹ Зибер, или Зубейр Рахама-паша, – политический деятель Восточного Судана 70—80-х гг. XIX в. и крупный работороговец. Основал до тридцати своих станций (зериб), из которых ежегодно совершал многочисленные набеги на негрские племена для захвата рабов, несмотря на то что в Египте работороговля официально была отменена.

Получив от вице-короля ранг паши, он потребовал титула наместника, считая, что имеет право на это как завоеватель области. Но хедив, не доверяя честолюбивому «королю зериб», отказал. Для ускорения переговоров по этому делу Зибер согласился приехать в Каир. Однако он прибыл туда в недобрый час. Ему запретили обратный выезд в Судан, он был интернирован в Каире. Тогда его двадцатилетний сын Солиман принял управление в Бахр-эль-Газале. Понятно, что он был во вражде с египетскими властями и грозил им открытым восстанием.

В июле 1877 года Солиман, во главе 4000 воинов, стоял в Шакка, готовый к восстанию. Ибрагим-эфенди Фауци, посланный Гордон-пашой в Бахр-эль-Газаль для доставки слоновой кости (около 3000 квантар), задерживаемой на месте более трех лет, а также для урегулирования положения в области, испугался возможного нападения Солимана и спешно поднял к защите все свободные войска в подчиненных ему провинциях. Это и послужило причиной нашего непредвиденного похода в Роль и Бахр-эль-Газаль.

16 июля 1877 года мобилизованные макарака двинулись в поход. Я присоединился к ним со своими десятью носильщиками и слугами. В первые дни мы шли уже знакомыми мне дорогами. Мы остановились у вождя макарака Амузеи. Багит и Атруш-ага с офицерами и солдатами прибыли туда раньше меня и заняли все немногочисленные тукули в деревне. Для меня пришлось строить новую рекубу, но ленивые донколанцы, на обязанности которых лежала забота обо мне в дороге, затянули постройку на несколько часов. Лишь вечером я, наконец, попал под свою крышу. Как и во время моего похода из Ладо в Макарака, я опять видел многочисленные костры лагеря, вокруг которых группировались носильщики. Опять слышны были их веселый, добродушный смех и громкая, оживленная беседа. Они считали, что живут в изобилии, так как каждый из них получил к вечеру порцию мяса из заколотых шестнадцати коров, что, вместе с достаточным запасом дурры, составляло хороший ужин. Негры уже давно знали, что труд носильщика в этой стране не дает ничего, кроме усталости до полного истощения из-за недостаточного питания. Поэтому неудивительно, что они всячески стараются избавиться от обязанностей носильщика и при первой возможности убегают. Во избежание этого их часто привязывают веревками за шею одного к другому. Несмотря на это, уже в первую ночь некоторые из носильщиков убежали. Пришлось искать замену им, и это задержало утром наш подъем.

Мы шли в направлении на северо-запад холмистой местностью, поднимаясь в гору, перевалили через вышележащие скалистые площадки, прошли несколько папирусных болот (причем сотни ног превратили болотный ил в пепельно-коричневую, густую жидкость) и, спустившись вниз, вошли в деревни вождя племени мунду Кудурмы. Вид деревень, обещающих утомленному путешественнику гостеприимную кровлю, всегда приятен, особенно, когда деревни находятся в таком живописном месте, как в данном случае. Пышная растительность широкой змеевидной лентой тянется по берегу ручья Асса, впадающего в Аире. В долине, образуемой двумя рукавами реки, близ воды расположились деревни Кудурмы. С севера горные хребты закрывают долину, переходящую на юге в холмистую местность. О прибытии нашей большой экспедиции было заранее послано предупреждение. Так как здесь было заказано большое количество очищенной дурры и соответствующее количество носильщиков, то наша экспедиция стала еще многочисленней. В дальнейшем походе мы перешли реку Аире, через которую я уже однажды, во время моего первого объезда, переходил (в полутора часах хода отсюда к югу). Эта река и здесь также течет по ущелью, но растительность по ее берегам – высокие деревья, камыш и травы – не так пышна и разнообразна, как та тропическая растительность, которой я удивлялся при первом переходе болотистых берегов этой реки. В дальнейшем мы встретили болота довольно неприятные.

В таких местах мне пришлось поддерживать порядок, что требовало значительных усилий. Трудности, с которыми сопряжены переходы через болота, конечно, задерживают

поход. Задние колонны нетерпеливо стремятся вперед, так что на узких дорогах и в болоте возникает беспорядок. Особенно бесцеремонно лезут вперед женщины и попадают в самые глубокие лужи. Часто застревая по пояс в грязи, они с громким криком выкарабкиваются из луж под смех остальных. При подобных задержках я шел впереди колонны и отгонял нетерпеливых и выскакивающих вперед. Когда подходили мои носильщики, я переходил с ними болото, а мой слуга Ахмет в это время задерживал идущих сзади. Выйдя на сухое место, я опять садился на своего выкупавшегося по грудь в грязи осла и следовал за своими носильщиками, предоставляя задним колоннам переходить болото как им вздумается. Такие переходы через болота повторялись несколько раз до прихода в деревню Конфо.

Для приветствия мудира перед деревнями выстроились празднично одетые управляющий, вождь негров абукайя Бабира и отряд донколанцев.

Я занял в зерибе Бабиры два тукуля. Жилища Конфо расположены севернее, в нескольких минутах пути. Не успел я закончить установку своих вещей в тукле (между прочим, эту работу я повторял каждый день), как услышал выстрелы, приветствующие прибытие Багитаги; это меня удивило, так как я полагал, что он со своими друзьями – долговязым писцом Ибрагимом, оружейным мастером Белила и др. – прибыл сюда еще до меня. Закончив уборку хижины, я раздвинул траву в крыше, устроив подобие окна, и принялся за крайне прозаическую работу: рука, только что державшая часы и компас, взяла иголку с ниткой, чтобы заштопать носки, починить ремешки седла и выполнить другие столь же малоинтересные работы. Лишь закончив их, я принялся за нанесение на карту моего пути и за дневник.

Следующий день был днем отдыха. Поскольку Конфо на нашем пути – последняя станция провинции Макарака, скопившиеся здесь большие запасы дурры были упакованы в тюки, и для переноски их взято еще пятьдесят носильщиков. День отдыха был испорчен многочасовым дождем, так что можно было уже предвидеть, что дорога на следующий день будет тяжелой.

Вместо построенных на легкую руку светлых рекуб я вынужден был в последнее время пользоваться более прочными хижинами туземцев, в которых меня порой мучили почти уже забытые мной блохи, стоившие мне два года назад двух бессонных ночей в грязном жилище в Файюме.

Двадцатого июля мы вышли из Бабира. Сперва прошли ручей Мекке, протекавший в непосредственной близости к Конфо, и затем все время шли на север, в большинстве случаев среди кустарника, лишь иногда встречая великолепные деревья. Скоро, однако, встреченные носильщики сообщили нам, что лежащая на нашем пути река, после вчерашнего дождя, сильно разлилась и стала непроходима. Пришлось сделать остановку.

Лагерь был разбит на полуострове, образуемом излучиной реки Аире, в широкой и сухой низине.

Ноши были сложены в удобном месте, и мои носильщики начали строить хижины. Обычно в сухое, недождливое время высохшая трава служит покрытием остова хижины. Теперь же пришлось брать для этого свежую, зеленую и совсем мокрую траву. Такие временные хижины безопасны в пожарном отношении, но из-за сырости очень вредны для здоровья. Во время дождливого сезона – харифа – носильщики и все туземцы ищут защиту от дождя и прячутся под сорванными ветвями и даже целыми кустами, и сегодня, помимо выстроенных хижин, наш лагерь покрылся еще сотнями «беседок».

Ограниченная площадь полуостровка не позволила лагерю расположиться свободно; скученные хижины почти соприкасались, и к вечеру между ними вырастали все новые. Рингио, Атруш-ага и Ибрагим Гур-гуру были моими ближайшими соседями. Река Аире протекала в десяти шагах от моей хижины по долине к северо-западу, но мне была видна только небольшая ее часть. Макарака называют ее Гире или Ире. Вода на несколько футов ниже края берега, а ширина ее была около 16 м. Когда я подошел к реке через несколько часов, уровень

ее поднялся, и было сомнительно, сможем ли мы перейти ее завтра. В случае невозможности перехода решено было сделать мост: Ибрагим-эфенди Фауци своим письмом предложил нам поторопиться.

Ночью вода в Аире спала, и утром мы перешли ее. Мы направились к зерибе Гоца и пошли на север по правому берегу реки. Изгибающейся лентой она плавно протекает по долине, местами достигая 40 м в ширину. Лес и высокая трава закрывали горизонт, так что мы не могли видеть даже ближайшей местности. Между низкими деревьями и кустарником высились акации с длинными цветущими ветками и тонкими листьями.

Около полудня мы подошли к полям и хижинам негров племен мору и абукайя марих; последние очень малочисленны, вождь их – Нгуди. Дальнейшая дорога к зерибе проходила вдоль обработанных полей. Негры живут вокруг зерибы в расположенных группами тукулях. По отсутствию вокруг станции каких-либо оборонительных заграждений можно было думать, что окружавшие ее негры были в дружественных отношениях с жителями зерибы.

Мы оставались в зерибе Гоца лишь полдня и ночь и уже утром 22 июля двинулись дальше – все время по течению Аире, которая здесь носит название Бахр-Гоца, на северо-восток, среди высокой травы и кустарника. Через три с половиной часа мы подошли к месту, где река преграждала нам путь. Здесь она была шагов пятьдесят в ширину и текла спокойно, но непрерывный гул с запада давал понять, что там река прокладывает себе путь через пороги. Для нагих туземцев переход через реку был освежающим завидным купанием, но я не мог искупаться за недостатком времени; меня перенесли через глубокую воду, доходившую по грудь. Перейдя еще через две небольшие речки, мы после пятичасового марша остановились на отдых.

Постепенно мы отходили от реки. С возвышенных мест за низменностью на востоке видна была длинная горная цепь, которая далее к северу у станции Сайядин приближалась на расстояние до четырех километров и тянулась дальше без видимого перерыва на север. Цепь куполообразных холмов, высотой около 250 м, на западной стороне круто снижалась.

С изменением профиля левого берега Роля меняется также и прибрежная растительность.

Вместо высокой травы (*Panicum*), остающейся лишь местами в низинах, появляется светло-зеленая, высотой до одного фута трава, указывающая на каменистую почву. Она покрывает землю в северной части области Джур и многих других высоколежащих районов. Несмотря на заманчиво сочный вид, верховые животные не дотрагиваются до этой травы. По-видимому, недостаточный слой плодородной почвы не способствует развитию более богатой растительности.

В скором времени мы увидели выход на поверхность красноватой (содержащей железо) пористой породы, характерной для областей Джур и Бонго, так называемого латерита – продукта распада земной коры, гранита и глины. Тростники, на далекое расстояние покрытые красным гравием и окаймленные часто растущими деревьями, очень привлекательны. У маленькой станции Сайядин живут негры мору-мади, но на протяжении всего пути жилища встречаются редко. Поселения мору тянутся от Роля далеко на север.

В маленькой зерибе Сайядин («зериба охотников») мы оставались всего полчаса. Негров этой местности я не успел увидеть. Освежившись медовой водой и напитком абре, мы пошли дальше на север. Аире, здесь именуемая Джало, протекает по долине на север, вблизи зерибы; скоро мы потеряли ее из вида. С рекой удаляется и вышеупомянутая горная цепь, отдельные части которой называются по именам вождей; например: южная гряда – Локо, северная – Дзяна и Даколь. Никаких значительных изменений характера местности в дальнейшем пути мы не обнаружили. Низменности, простирающиеся на восток к Джало-Ролю, сменялись расположенными более высоко гнейсовыми и гранитными блоками. В общем ландшафт плоскохолмистый. Перед зерибой Лори со скалы Даматоббо открывается

большая панорама на запад, и в области Митту видна горная цепь, впереди которой – обширные леса; отдельных отрогов и гор не видно. После двухдневного похода среди лесов и травы, без признаков человеческого жилья, зериба Лори, с ее тукулями, окруженными изгородями из выющихся растений, многочисленными тыквенными плантациями, тенистыми рекубами и хорошо построенными хижинами, произвела на нас отрадное впечатление.

Однако наше пребывание в этом мирном уголке, в необозримой дикой местности было очень кратковременно. В этом месте, где лишь очень немногие могли найти скромное убежище, 2000 человек, конечно, не могли устроиться, не хватало даже воды. Поэтому экспедиция без задержки прошла дальше к ручью Богу, где и разбила на ночь лагерь.

После обхода далеко растянувшегося лагеря я посетил Багит-агу который сообщил мне, что многие из наших людей заболели; позднее я видел, как отставшие больные и слабые группами тащились в лагерь. Многим носильщикам удалось бежать. Привязанные друг к другу веревками, обвитыми кожей, они ночью над костром пережгли эти путы и освободились. Убегают главным образом мору и феджилу, макарака же выдерживают. Последних не связывают друг с другом, и они очень редко обманывают оказываемое им доверие. Я часто видел в нашей экспедиции арестантов в железных кандалах, принуждаемых быть носильщиками; так, например, двое из них были прикованы за руки друг к другу короткими цепями. Как тяжело было им следовать один за другим на узких тропинках! Ведь цепь охватывала левую руку одного и правую – другого, так что несчастные могли идти только рядом. На некоторых женщин надевали колодки – толстые дубинки, свисающие с шеи. Во время моего визита к Багит-аге к нему явился вождь племени мору-лори со свитой, чтоб приветствовать мудира музыкой. Горнисты и несколько мальчиков с барабанами составляли весь оркестр. Некоторые из этих негров носили головной убор, похожий на маленькую опрокинутую корзину.

Вчера, когда мы остановились на ночлег, нас промочил проливной дождь до того, как были приготовлены хижины. В последующие дни дождя не было, но роса или что-то, подобное ей, была так обильна, что платье по утрам было совсем мокро, а спички отсыревали.

Немногочисленные злаки, выращиваемые мору-лори в количествах, едва достаточных для удовлетворения их скромных потребностей, также и по качеству уступают зерну, культивируемому макарака. Это – красная дурра.

Почти ежедневно в лагере происходили очень шумные сцены, когда в вырванной для покрытия хижин траве или в принесенных дровах обнаруживалось какое-нибудь животное, за которым с диким криком, под громкий хохот окружающих, начиналась бешеная охота. Вчера это были змея в два метра длиной и маленькая антилопа, которую поймали и принесли ко мне, чтоб я разрешил спор, как ее поделить; сегодня я увидел лишь половину большой ящерицы-варана; далее пойманная полевая крыса служила предметом шумной радости – ведь негры едят всякую ползучую и летающую тварь.

Гроздь спелых бананов. Развитие плода банана

Севернее зерибы Лори открывается широкий вид на восток, взгляд скользит над высокими деревьями, не встречая на горизонте преград в виде горных цепей. К Джало-Ролю мы подошли, лишь достигнув зерибы Моффо, находящейся в 50 км к северу. С приближением к этой зерибе дорога стала гораздо живописнее. По лесу разбросаны были причудливые нагромождения скал с пышной растительностью у подножий; так, мы прошли мимо западного склона конуса виденной нами гнейсовой горы Тоик, на склонах которой цвели прекрасные вьющиеся растения с корнями в щелях скалы, густым ковром покрывающие склон.

Банан с гроздью спелых плодов

На влажной почве у подножия горы растут самые разнообразные растения. Над ними высится пальма-борассус (*Borassus flabelliformis*) и пышно цветет под защитой скалы дикий банан (*Musa ensete*), краса тропической флоры. В другом месте лес своим ровным травяным покровом напоминает английский парк, созданный искусством садовника. Я особенно ясно припомнил парк в Петергофе. Так неожиданно нашел я здесь мысленно мостик, перебросивший меня в далекое Отечество.

У зерибы Моффо, названной по имени вождя обитавших здесь негров лесси, мой путь скрестился с путем Швейнфурта, 18 декабря 1869 года посетившего ныне уже не существующее селение Мфоло; место это указал мне знающий окрестности негр, служивший мне черным Бедкером.⁴⁰ Я нашел здесь также связь и с путешествием Петерика: посещенная им 19 ноября 1862 года Дугвара находилась в нескольких часах ходьбы на правом берегу Роля.

Наша экспедиция никак не могла разместиться в зерибе, и лагерь был разбит в десяти минутах ходьбы от нее на восток у Аире-Роль. Место было не совсем удачное, так как земля в низине была совершенно мокрая, но здесь было самое необходимое для нас – вода и достаточно дерева для постройки лагерных хижин. Река в этом месте доходила до 80 м в ширину, и берег ее возвышался над водой на 2–3 м. Желтая речная вода в стакане делалась прозрачной и светлой. Река текла спокойно, ничто не указывало на то, что она где-нибудь образует пороги или водовороты, находящиеся вниз по реке к северо-востоку и описанные моим предшественником Швейнфуртом. Как и он, я убедился в необыкновенном рыбном богатстве Роля. Уже короткий опыт с удочкой принес богатую добычу.

Итак, я стоял на берегах Роля, верховье которого в области Макарака называется Аире. К своему удовольствию, я видел, что мои предположения при переходе Аире подтвердились. Пребывание у вождя абака Томая и особенно обзор с гнейсового холма, на котором распо-

⁴⁰ *Бедкер* – издательская фирма, которая выпускала подробные справочники по всем странам мира для туристов и путешественников.

ложена маленькая зериба Гассан, были мне очень полезны для определения истоков Роля. Из ущелий гнейсовых холмов и скалистых гор многочисленные ручьи текут к низменности и долинам в реку Аире, называемую неграми бомбе Гире.

Эта река начинается южнее округа Томайя, быстрым потоком течет на запад и затем поворачивает к северу. Ее берега покрыты великолепными рощами. Бесчисленные ручьи вливаются в нее с восточной стороны. Один из них – Гуру негров бомбе, начинающийся вблизи зерибы Гассан, пополнившись водой из многих маленьких ручьев в северной части области, течет далее на север и, сливаясь с Аире между зерибами Гоza и Сайядин, вместе с последней образует реку Роль. У Гоza эта же река неграми мору называется Джало; кроме того, ее именуют Бахр Гоza Мене и др.

Понятно, что со времени первых путешествий в область Верхнего Нила в отношении гидрографии царил хаос; ни один путешественник не мог исследовать притоки Нила южнее девятого градуса северной широты и в то же время в разных местах слышал различные наименования одной и той же реки. Вследствие этого, прежние карты Африки были искажены мнимыми открытиями нескольких несуществующих рек, и даже теперь может случиться, что какая-нибудь фантастическая несуществующая водная линия может быть нанесена на карту.

Верховья и частично среднее течение Роля проходят через гористую местность, в глубоком, узком русле. С переходом в плоскую низменность картина меняется, все притоки Бахр-эль-Газала, включая Роль и Джур, в своем среднем и нижнем течении образуют характерные поймы. Это плоские, шириной от 1 до 5 км, террасы, резко ограниченные с востока и запада; отлогий спуск в них ведет на глубину 4–8 м. Здесь извиваются речки, местами приближаясь то к восточному, то к западному краю низменности. Деревья растут по одному на маленьких островках, вся остальная площадь покрыта камышом. Большую часть года эти низменности сухи, но в период дождей длительные ливни наполняют их водой до самых краев. В это время перейти такую реку невозможно; путешественник вынужден терпеливо ждать, пока река войдет в свое русло, что, между прочим, наступает уже через несколько дней. Уровень воды в реках, достигающих даже до 8 м глубины, очень быстро спадает, если ливни не повторяются ежедневно, так что даже во время дождливого сезона – харифа – в отдельных местах можно перейти эти реки вброд.

От зерибы Моффо, или, как ее чаще называют, Мфоло, мы шли 6 ½ часов до ночного привала на реке Роль, вблизи селений вождя лесси Йеи, преемника вождя А-Ури, которого в свое время посетил Швейнфурт.

После полей и хижин негров, живущих вокруг зерибы Моффо, мы пошли по высокой траве, между прекрасными густыми лесами с высокими деревьями и кустарниковыми зарослями. По сравнению с южными областями Макарака здесь растительность гораздо богаче. Характерные для южной флоры большие, с толстыми листьями, деревья юга постепенно исчезают; все чаще появляются колючие растения, кустарники и деревья с колючками длиной в палец, твердыми, как железо, которые безжалостно прибавляли новые дыры на моей одежде.

Мы пришли к реке Омбол'окко шириной примерно в 20 шагов, через которую был переброшен высокий, из длинных кривых стволов деревьев, мост, если его можно так назвать. Мы остановились у полей туземцев, в пяти минутах от Роля, близость которого давала себя чувствовать неприятной сыростью в наших хижинах. Злаки, красная дурра, были уже высотой в человеческий рост и усиленно истреблялись голодными носильщиками, несмотря на выставленную Багит-агой охрану, вооруженную кнутами из кожи гиппопотама. Поздно вечером слышны были жалобные крики пойманных на месте преступления и наказываемых носильщиков. Дурру воровали не столько из-за еще неспелого зерна, сколько из-

за сладкого стебля, с которого снимают верхнюю зеленую оболочку и жуют его, как сахарный тростник.

Финиковая пальма (Borassus flabelliformis)

Два дня дальнейшего пути на север, все время вблизи Роля, несколько раз виденной мной, привели нас к зерибе Дефа'Аллы, называемой также зериба Агар и Аяк.

Мы прошли мимо группы хижин вождей лесси Мбити и Мена. Однообразная местность тянется по западному берегу реки до зерибы; перспектива закрыта лесами. Восточный берег Роля постепенно подымается и образует цепь невысоких гор, из которых самая высокая – Джебель Хартум, или по-туземному – Джебель Нджеди. Там находятся селения сохфи, лама, доманджо и брунио, ответвления племен митту и агар, в свою очередь относящихся к крупным племенам дичка или джанге.

С пересечением долины Роля, совершенно лишенной деревьев и покрытой лишь травами в рост человека и камышом, мы пришли к западному берегу Роля. На восточном берегу ранее упомянутые цепи гор перешли в плавно повышающееся побережье. Край берега у зерибы заканчивается крутым склоном высотой до 4 м. Уровень воды в Роле был теперь, в конце июля и начале харифа, относительно низкий – 2–2,5 м. По моему расчету, ширина русла доходила до двухсот шагов (160 м); вода, несколько молочного цвета, с берега казалась желтой.

Так как река, даже в месте перехода, доходила до полутора метров глубины, решено было отложить переход и остановиться лагерем против зерибы. Долговязые агар, которые, в противоположность нашим маленьким, коренастым макарака, хорошо плавали и знали реку, часто переплывали ее и вошли в тесные сношения с экспедицией. Они притащили много соломенных крыш для сооружаемых в лагере хижин. Самых высоких из своих макарака я послал за дровами в зерибу, но они по-детски боялись воды, при переходе доходившей им по грудь, чем вызывали смех и насмешки других негров, всегда готовых поострить. Хорошо, что макарака не очень обидчивы, иначе не избежать бы драки. В общем переход был нелегкий; хотя взрослый человек и мог достать ногами дно, но довольно сильное течение увлекало переходящего с мелкого места в глубокое, как я сам позднее испытал это на себе; в этот день было много случаев, когда люди тонули и спасены были благодаря искусным пловцам агар.

Тридцать первого июля, в пасмурную погоду, экспедиция в составе 1700 человек начала переправу через Роль. Уровень воды несколько спал. Несмотря на большое количество людей и очень большую поклажу, переправа прошла довольно гладко, и через несколько часов все были на восточном берегу реки.

Этот день мы оставались в зерибе. Я поселился в хижине на сваях и столбах, на высоте 2–3 м над землей. Эти хижины характерны для области Агар, и для зериб Аяк и Румбек являются особенностью, отличающей их от всех прочих поселений египтян, расположенных в негритянских областях. Швейнфурт упоминает о таких хижинах и у племен лесси, описывая их довольно ярко: «Косые и искривленные сваи поддерживают на высоте 7 футов покрытые глиной помосты, на которых стоят конусообразные хижины, напоминающие бумажные кули на гладком столе». Эти постройки образуют как бы улицы, причем почти каждая группа хижин, составляющая поселок, окружена бамбуковой оградой с дверью, так что даже лестница, ведущая к террасе и сделанная из необтесанных стволов деревьев, находится внутри ограды. На площадке, утрамбованной и выравненной глиной, находится несколько круглых тукулей с глиняными стенами и соломенными крышами, лежащими на конусообразных остовах, и открытая рекуба с наклонной крышей. Лишь немногие хижины и рекубы в зерибе Аяк стояли не на сваях, а на земле. Эти строения возникли потому, что, не давая непосредственного подхода к жилью, они лучше защищены; кроме того, жилища агар расположены не деревнями, а разбросаны среди их полей, и большая высота свайной постройки позволяет лучше наблюдать и охранять поля. Поселившиеся среди агар хартумские торговцы переняли свайные постройки для своих зериб.

Вскоре после того, как я уложил свои вещи под крышу, пошел дождь.

Зериба Дефа'Аллы, которую я предпочитаю называть Аяк, как она нанесена на карту (это название заимствовали от ветви племени агар – аяк; в свою очередь, агар принадлежат к великому народу динка), – одна из старейших торговых станций донколанцев, после смены нескольких владельцев перешедшая, наконец, от купца Гатта во владение египетского правительства. Аяк и соседний с ним Румбек, прежняя зериба Мальзак, еще в старые времена были оплотом торговли рабами, которая процветает и поныне под защитой египтян.

Перед заходом солнца прозвучал сигнал к сбору всех вооруженных команд нашей экспедиции. Вооруженные огнестрельным оружием отряды макарака составлялись из трех частей:

1) регулярные отряды «джехадие», состоящие преимущественно из светлокожих египетских солдат с ремингтоновскими винтовками; под командой Мулазима они составляли гарнизон трех главных зериб – Ванди, Макарака-Согхаир и Кабаенди, по 30 человек в каждом отряде;

2) нерегулярные войска «хотерие», из старых нубийских солдат из зериб торговцев слоновой костью, повсюду известные под названием «данакла» (так называемые донколанцы). Они были распределены по 50—100 человек в больших зерибах и по 5—10 человек в маленьких зерибах, в соответствии со значением этих зериб. Вооружены винтовками Перкуссьон;⁴¹

3) так называемые драгомань, туземцы различных племен, воспитанные в зерибах и владеющие судано-арабским языком. Они служили переводчиками и лишь в случае нужды делались солдатами. К нашей экспедиции было прикомандировано от двадцати до сорока таких драгоманов, по одному от каждого племени.

⁴¹ Перкуссьон – известная оружейная фирма (Франция), выпускавшая различного вида ружья.

Сосуд для красной краски для тела азанде

Багит-ага устроил смотр своей маленькой армии, собранной перед зерибой. Копьеносцы бомбе и макарака были также вызваны сигнальными колоколами и явились на смотр со щитами и копьями. Полюбоваться редким для них зрелищем к месту сбора пришли жители зерибы и много агар из окрестностей. Этого и добивался Багит-ага, чтоб произвести сильное впечатление на некоторых агар.

Рано утром 1 августа мы двинулись к зерибе Румбек. После часового перехода на север мы опять пришли к поймам реки Роль и пересекли ее вброд, причем меня перевезли в выдолбленном стволе дерева. Вся окрестность зерибы Аяк представляет собой скучную, безотрадную местность, без единого камня; желтая, смешанная с песком глина образует холмистую равнину с болотами. Выйдя из низменности, мы попали в густые заросли кустарников, среди которых, как в парке, то там, то сям возвышались тамаринды, бутироспермы и громадные деревья других видов. Но вот лес кончился, и мы вошли в область возделанных полей. Я шел по местности, какой еще до сих пор не встречал в Африке. В течение многочасового марша мы видели только обработанные поля, на которых возделывались лубия (*Dolichos Lubia* Forsk.), земляные орехи (*Arachis hypogaea*), фисташки, кунжут (*Sesamum*), табак (*Nicotiana rustica*). Между полями, или вернее – на них, были разбросаны жилища агар, не сгруппированные в селения, а отдельными усадьбами, так что можно было увидеть сразу до сотни хижин. Обычно усадьба агар обведена глиняным валом в один фут вышиной и окружена табачными насаждениями. Посреди усадьбы обязательно стоит засохшее дерево – «колдовское дерево», справа и слева возведены два помоста, на которых подвешен для сушки на солнце кунжут, затем идет тукль, служащий хлевом для скота, обычно состоящего из нескольких голов сильных, средней величины горбатых быков породы динка, и пары собак. Хижина для жилья – маленькая, низкая, с обмазкой из красной глины и с дверью из циновки – стоит на сваях высотой около четырех футов.

Местность между Аяком и Румбеком делится на ряд округов, именуемых нубийцами «хелле». Мы остановились на отдых у нескольких колодцев, выкопанных в глинистой почве, не прикрытых и подверженных всякого рода засорениям. Хотя это звучит неправдоподобно, но мы, несмотря на дождливый период, были вынуждены свернуть с дороги, чтобы поискать воду. Причиной недостатка воды в этой местности является совершенно ровная и плоская поверхность, не представляющая никакого стока для воды; кроме того, она быстро впитывает в себя влагу, если дождь не особенно силен. Таким образом, хотя земля здесь более насыщена влагой, чем в большей части пройденных нами мест, все же найти глоток воды было трудно. Утром на следующий день, 2 августа, после того, как прошли небольшую часть

пути настоящим, радующим сердце лесом, а затем полями дурры, растянувшимися до самой зерибы, мы подошли к Румбеку. Мимо сада, посаженного Мальзаком, из-за ограды которого можно было видеть крайне редкие здесь финиковые пальмы, мимо банановых зарослей справа и слева от дороги, мы вошли в очень узкие улицы между скученно построенных жилищ на сваях.

Мы рассчитали, что путешествие из Кабаенди в область Макарака до главной зерибы Румбек в мудирию Роль заняло восемнадцать дней, или точнее – за вычетом остановок на отдых – семьдесят часов, что для африканских условий является довольно значительной скоростью в 4,7 км в час, особенно если принять во внимание многочисленность нашей экспедиции, большое количество женщин и очень большой багаж. Кажущаяся большой потерей времени на многочисленные остановки вызывалась необходимостью прокорма почти 2000 человек.

Румбек был резиденцией губернатора мудирии Юсуф-аги Шеллали, который позже играл значительную роль в войне против сына Зибера – Солимана, а также против Магомеда Ахмеда («Махди»)⁴². Длинная цепь преступлений лежит на совести этого саграпа, который в течение долгих лет вел самую бесстыдную работорговлю не только на глазах египетского правительства, но даже и после, когда он продал правительству свои зерибы и поступил на службу к хедиву. Этот лицемерный нубиец, хладнокровно приказавший убить бедного короля мангбатту Мунзу и отдавший в рабство его семью, погиб жалкой смертью 7 июня 1882 года в битве при Джебель Тирра по своей собственной вине, из-за неискоренимой халатности, вместе со своей трехтысячной армией.

⁴² *Махди* – посланец неба, мессия, буквально «ведомый богом». Таким посланцем неба объявил себя вождь восстания в Восточном Судане 1881–1885 гг. Мухаммед-Ахмед. Он обличал египетских чиновников и иностранцев, угнетавших бедняков. После победы в 1885 г. восставшие махдисты провозгласили независимое государство, во главе которого встал Мухаммед-Ахмед.

Глава VI

Путешествие из Румбека в провинцию Бахр-эль-Газаль и через область Митту-Мади к Гоza

Из Румбека мы двинулись в поход 4 августа. По другую сторону Румбека в редких лесах разбросаны поселения негров агар. Мы пересекли их область, округ Нианг, управляемый вождем Метабот, вплоть до округа бехли – племени народности митту.

Эта однообразная, плоская область, на протоптанных дорогах которой лежит желтовато-красный песок, во многих местах покрыта лесом и высокой травой. В лесах бросаются в глаза необыкновенно красивые деревья *Bassia*, называемые неграми агар «арак». Особенностью этой области является множество высоких термитных построек, которые под действием размывания ливнями принимают самые разнообразные и причудливые формы. Путь, ведущий от Румбека на север, упирается в округ Бубар, лежащий уже в области негров гоxк.

В этот день, после пятичасового перехода, мы сделали привал у хора Гумрар, а 5 августа подошли к малой зерибе векиля Факи Мухтар, обычно именуемой зериба Джот и находящейся в области племени гоxк на границе мудирий Роль и Бахр-эль-Газаль, Малая зериба Джот (или Джод, по имени одного здешнего вождя негров) состоит из нескольких дюжин тукулей, бамбуковых хижин с очень острыми и высокими крышами из соломы, и производит очень хорошее впечатление правильностью построек и чистотой. Свайные постройки области Роль здесь совсем не встречаются. Поселение окружено изгородью из вбитых на равном расстоянии бамбуковых кольев. Несколько таких хижин, по две, три или по четыре, объединены небольшими оградами в усадьбы. Часто в хижинах можно увидеть перегородки, за которыми на столбах устроено ложе их обитателей или находится помещение для домашней утвари. Большинство наших людей разбило лагерь для ночлега вне малой зерибы, я же устроился в самой зерибе. Из хижины, предложенной мне для ночлега, я выбросил целый склад горшков, проделал в соломенной крыше несколько отверстий для света и воздуха, оставил предметы, не мешавшие мне, как щиты динка, разные корзины и пр., на их местах и в течение нескольких часов разделял кров с бегавшими по хижине крысами.

Сейчас же за зерибой начинается кустарник, через который проходит живописная, широкая дорога. Вблизи зерибы проходит полоса красивых пальм «*Borassus*», в основном же здесь растут акации, мимозы «стрекулии» и заросли эбенового дерева (*Dalbergia*). Дальше, на протяжении многих часов, по обеим сторонам дороги видны развалины покинутых негритянских жилищ. Там, где недавно еще находились возделанные поля, растет высокая трава, и молодой лес покрывает места прежних деревень, жители которых ушли, спасаясь от набегов и грабежей «абу-турк», и поселились на новых местах, далеко от дороги.

Боевой барабан азанде

Мы остановились на отдых у края широкой, покрытой травой поймы реки Бахр-Джау в области негров айель. Для оказания помощи при переходе через реку на наш зов явился векиль зеробы, находящейся по другую сторону реки, нубиец Гассан Муссад. В поисках брода, лежащего дальше к югу (Джау – название, не знакомое донколанцам, называющим реку Бахр-эль-Айель – рекой Айель, которая на старых картах помечена как Роах), мы вынуждены были пройти на юго-восток поймы. Посреди реки был островок, и вода едва достигала груди, так что переход совершился без особых затруднений. Небольшая задержка возникла лишь из-за пущенного каким-то трусом слуха, что он будто бы видел крокодила. Несколько оружейных выстрелов в воду и веские уговоры подняли дух наиболее мужественных, за ними двинулись, правда, очень робко и остальные мужчины и женщины.

Джау достигает здесь ширины в двести шагов. Количество протекающей воды больше, чем в Роле у Аяка, так как через пять минут ходьбы мы пересекли второй рукав Джау, насчитывающий пятьдесят шагов в ширину и четыре фута в глубину. Берега реки здесь крутые. Водяные и болотные птицы, цапли, гуси и др. находят богатый корм; при нашем приближении они улетали стаями. После выхода из пойм мы опять вошли в лес и, наконец, приблизились к окруженной полями дурры зеробе Гокх-эль-Гассан, помеченной на карте Швейнфурта под прежним именем зеробы Шерифи. В просторной станции тщательно построенная хижина (скорее дом, чем хижина) напоминала европейские или хотя бы хартумские постройки. Четыре основательно возведенные стены из глины имели даже окна и двери. Продолговатое здание с пространством над стенами для пропуска воздуха было покрыто искусно сооруженной из бамбуковой соломы крышей.

К западу от зеробы Гассан после кустарника и полей тянется плоская, без древесной растительности, низменность, по которой течет ручей, не имеющий четко выработанного русла; мы перешли через него. После 3 ½-часового перехода мы подошли к двум ямам с водой, называемым нубийцами «колодцами пустыни», на границе области Гатта. В течение последующих часов дорога шла через пустынную местность. Однако в противоположность бедным водой местностям, пройденным нами в предыдущие дни, здесь мы находили много прудов, образованных дождями. Наши носильщики, шедшие под палящим солнцем, не страдали по крайней мере от жажды. Приблизительно на полупути между рекой Роах (Бахр-Джау) и Бахр-Тондж мы встретили маленькое селение, состоящее из нескольких хижин, раньше принадлежавших неграм гатта округа племени мениак (ответвление динка). Мы остановились на отдых в открытом лесу под великолепными высокими деревьями – «бассиями».⁴³ Как и везде в этой местности, здесь имеется очень много голубей. Следующая за этой местность до Бахр-Тондж почти вся покрыта возделанными полями. Мы шли мимо обширных полей дурры с редкими поселками динка. В этих поселках на высоких площадках стояли и сидели негритянские мальчики, криком пытаясь отогнать стаи пожиривших зерно птиц – астрильд и ткачей. Я уже раньше видел этот способ у Роля и Джау, а также у Собата.

Вскоре мы подошли еще к одной маленькой зеробе, жители которой приветствовали нас на дороге. Это было селение Тондж, названное по одноименному племени народности динка. Их жилища в большинстве расположены среди полей дурры. Эта местность очень богата всякой дичью, антилопами, буйволами, жирафами, но местные негры динка не охотятся за ними с копьями или с луком и стрелой, а поджигают в сухое время года траву, достигающую многих метров в высоту. Находящая себе в этой траве приют дичь пожаром выгоняется в засады, специально приготовленные для этого рода охоты. За зеробой лес становится реже и приводит нас в почти лишенную деревьев широкою низину Тонджа. Реку в пять футов глубиной и сто пятьдесят шагов шириной, с крутыми берегами, мы перешли без задержки.

⁴³ *Бассия* (*Bassia latifolia*, *Bassia longifolia*) – растение, распространенное в Восточной Индии и Тропической Африке. Используется как средство против ревматизма.

Очень маленькая лодка доставила нас на другой берег. Места под тенью полдюжины деревьев, стоявших на берегу реки, были немедленно заняты счастливыми, первыми перешедшими реку. Здесь, в низине Тондж, был сделан привал, так как дальше уже нельзя было найти воды. Мне посчастливилось занять для себя и для моих людей место под старым деревом с большой, ветвистой кроной; его сухие сучья послужили для разведения костра, но материал для постройки хижины пришлось принести издалека. Зато под деревом росло много высокой травы. Из собственного опыта я уже знал, как необходима путнику в дождливый период хижина, – ведь дождь лил почти каждый вечер. А как хорошо сидеть на сухом месте в травяной хижине, может понять лишь тот, кого тропический дождь промочил до самых костей. Но еще больше, чем о себе, я беспокоился о своих ящиках и плохо защищенных от дождя корзинах.

Как правило, в последнее время мой ужин состоял из риса, и я был рад, что имею хоть это. Я опасался, что скоро настанет время, когда у меня не будет и риса, так как не был подготовлен к многомесячному путешествию и предполагал дойти лишь до Роля. Мои носильщики уже теперь страдали от недостатка пищи. Небольшой запас дурры, полученный в Румбеке, был уже съеден, и я положительно не знал, чем питались люди.

На следующий день наш многочасовой поход продолжался на запад по траве, через кустарники и поля. По дороге встречались большие стада антилоп (*Antilope bubalis*), но при нашем приближении они разбежались.

Наконец, 10 августа утром мы пришли в большую зерибу Джур-Гаттас, в которой меня, к моему удивлению, приветствовал губернатор мудирии Роля Юсуф-ага. Самый поход от Румбека до зерибы Джур-Гаттас, не считая остановок, длился 32 часа 30 минут, при средней скорости передвижения в 4,7 км в час; так что расстояние между обоими пунктами равнялось 153 км. Уже с первого взгляда можно было определить, что по своему значению эта зериба гораздо важнее, чем все прочие в этих областях. Чтобы приветствовать нас, а также из любопытства, навстречу нам вышло много служащих, донколанцев, чиновников в турецких костюмах. «Диван», в котором происходили официальные совещания, собрания и приемы, напоминал массивные постройки в Хартуме. Меня поместили в нем, и я, наконец, после года странствий опять получил возможность жить в доме с настоящими окнами и ставнями и с запирающимися дверьми. Носильщики макарака и мои слуги не могли прийти в себя от всего этого великолепия.

Мы оставались в Джур-Гаттасе целый день, но из-за сильного дождя я не мог осмотреть подробнее это, столь важное для всей провинции место. Благодаря своему положению, оно является отправным пунктом в гавани Бахр-эль-Газаль. Кроме того, зериба Гаттас имела для меня и исторический интерес, связанный с пребыванием здесь моего друга и предшественника д-ра Швейнфурта; его постигло здесь большое несчастье, так как вследствие пожара в хижинах погибли почти все материалы его исследований, собранные с большим трудом и прилежанием, а также все его инструменты. Мне показали остатки посаженного им сада, совершенно запущенного из-за небрежности нубийцев; три прекрасных экземпляра диковинного шерстяного дерева, называемого здесь «рум» (*Egiodendron anfractuosum*), напоминают о заслуженном путешественнике-пионере. Это дерево, особенно распространенное на западе (люди из зерибы говорили, что посаженные здесь экземпляры были завезены из области Ньям-Ньям), несмотря на то, что насчитывало всего пять лет, достигало пятидесяти футов в высоту и двух футов в диаметре. У него большие листья, похожие на виноградные, зеленая кора покрыта толстыми, в два дюйма длиной, колючками. Плод, коробочка с пятью отделениями, многосемянная, содержит так называемую шерсть, т. е. семена окутаны желтовато-белыми, блестящими, как шелк, шерстистыми волокнами; эти волокна, однако, слишком коротки, чтобы их можно было переработать в пряжу. Здесь ими наполняют подушки.

Такая подушка, примятая от употребления, выставленная на солнце, опять надувается и достигает двойного объема.

Дальнейшие планы путешествия меня несколько озабочивали: мое настоящее путешествие вышло далеко за пределы первоначально намеченной цели – мудирии Роль, но так как я был включен в большую экспедицию, то решил пройти с ней как можно дальше и возможно лучше ознакомиться с областями негров. Однако я совсем не был экипирован для такого далекого путешествия; лишь крайняя экономия в расходовании моего маленького запаса продуктов давала возможность охранить моих слуг от недостатка необходимой пищи, который уже чувствовался носильщиками экспедиции. Я полагаю, что могу назвать себя крайне экономным, когда, получив при отъезде из Кабаенди лишь около трех фунтов мяса, я еще теперь располагал половиной запаса кур, взятых оттуда в количестве десяти штук. Я не пренебрегал никакой арабской пищей, даже если она была нехороша и выглядела неаппетитно.

На следующий день экспедиция двинулась дальше в западном направлении; я обдумывал, не будет ли лучше (если безопасность дороги это позволит) идти в Хартум через Шакка или через Гофрат-эн-Нагас и Дарфур, а не повторять путь в Макарака, что было бы потерей времени. Однако все еще длившиеся распри с сыном Зибера ставили выполнение этого плана под сомнение. Тщательно взвесив все обстоятельства, я решил идти дальше с экспедицией и переговорить с мудиром Ибрагим-эфенди Фауци, чтобы посмотреть, насколько он сможет мне помочь. В условиях того времени было почти невозможно путешествовать по этим областям без поддержки египетского правительства.

Таким образом, 12 августа я двинулся с экспедицией к находящейся на расстоянии трех часов пути зерибе Абд-эр-Рахман Абу-Курун. Эта зериба носила еще свое старое название «Отец рогов», по имени бывшего слуги Петерика, но она уже не была на том месте, где находилась торговая станция Аль-Уаль, названная именем жившего там вождя племени джур. Эта станция затем перешла к предприимчивому и мужественному Абд-эль-Рахману; ее посетил в свое время Швейнфурт. Мой путь сошелся, таким образом, с путем моего знаменитого предшественника лишь частично.

Профили местности по эту и по другую стороны большой зерибы Гаттас сильно разнятся. Отрезок местности между рекой Роль и зерибой представляет собой большую равнину с далеким горизонтом, часто прерываемым, однако, кустарниками и лесами. Лишь плоские, широкие низины, по которым текут на север реки Джау (или Роах) и Тондж, оживляют однообразную местность без каких-либо возвышенностей и бедную водой. Даже в период харифа нет никакого стока воды, так как она немедленно всасывается плодородной почвой. Поэтому, чтобы собирать дождевую воду, в стороне от рек выкапывают ямы, которые, однако, часто даже в дождливый период обманывают надежды жаждущих. В сухое же время путешествие с колоннами носильщиков днем, под палящим солнцем, крайне затруднительно, и предпочтительно делать переходы лунными ночами.

Западнее от реки Тондж и зерибы Джур-Гаттас условия совершенно меняются. Здесь местность в своей восточной части слегка волниста, а дальше к западу появляются значительные неровности и, наконец, она становится холмистой и даже гористой. Дернистый покров и скалистые образования не позволяют дождевой воде просачиваться в почву; образуются стоки ее, так что по всей этой западной области, по которой протекают реки Молмул, Джур и Вау разбросаны многочисленные пруды, болота, протоки и ручьи.

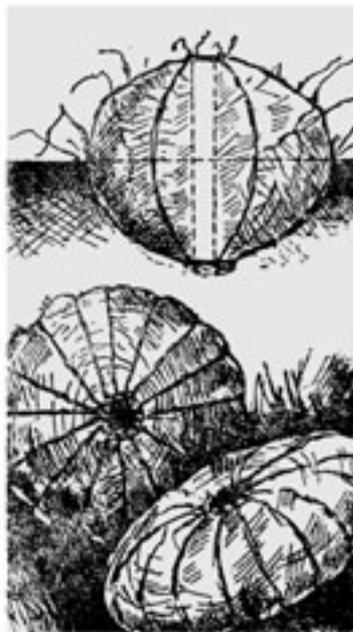
Пятнадцатого августа мы двинулись дальше. Нашей ближайшей целью был Бахр-Джур, через который должно было быть переправлено как можно больше наших людей. Джур, или Джеджи, как его называл мой проводник, имеет по сравнению с реками Роль, Джау и Тондж лишь узкую пойму. Зато самое русло его гораздо шире и глубже. Вообще следует отметить, что по сравнению с восточными – реки запада шире и глубже. Если Роль, Джау и Тондж могли быть перейдены вброд, то Джур уже в нескольких шагах от берега был

почти десяти футов глубиной, а крутые берега возвышались на пятнадцать-двадцать футов над уровнем воды. По моему расчету, ширина реки была 250 шагов (200 м). Приготовленное для переезда судно вмещало тридцать-сорок человек. Но так как наша экспедиция насчитывала около 2000 человек, то, чтобы переправить всех, требовался целый день. Узнав об этом, я со своими людьми повернул обратно и разбил недалеко от переправы под тенистыми деревьями маленький лагерь. Все подходящие колонны группировались вокруг нас; отдельные же части экспедиции начали переход, причем, конечно, вследствие спешки, беспорядка и главным образом из-за струсивших, при виде большой воды, женщин, дело не обошлось без эпизодов, которые, как и всегда, давали повод к громкому смеху и насмешливым замечаниям стоявших на берегу. Когда я навел порядок в моем на скорую руку разбитом лагере и создал для себя сравнительный уют, чему способствовал горячий чай, я достал из полученной мной в зерибе Аяк почты еще не прочитанные газеты, которые, кстати сказать, имели уже семи-месячную давность. Я закурил скрученную из остатка табака папиросу и читал газеты, пока усталость не свалила меня в постель. Под жалобный плач марафилы (гиены) я крепко заснул.

Так как я соскучился по арабскому столу, т. е. более основательным кушаньям с хотя бы небольшим количеством мяса, я на следующий день не дожидаясь переезда всей экспедиции, а перевез через Джур моих людей и вещи. Переехав на западный берег, мы в несколько минут дошли до опушки леса, где стояли лагерем египетские солдаты. Без остановки я прошел с моими носильщиками дальше, и после часового перехода по каменистой, твердой почве пришел к зерибе Кучук-Али. Когда 20 августа Багит-ага, вынужденный из-за недостатка провианта идти дальше, тронулся в путь, я с моими людьми опять присоединился к многочисленной экспедиции. Два с половиной часа мы шли в северо-западном направлении через лес, далее через большое возвышавшееся здесь плато, сложенное породами, содержащими железо, и подошли к переходу через реку Вау. На другом берегу реки я, к своему изумлению, увидел зерибу, которая, согласно карте Швейнфурта, должна была находиться дальше в глубине страны. Я узнал, что эта станция уже три года тому назад оставлена, а новая отстроена ближе к реке. [Недостаток провианта задержал Юнкера в зерибе Вау на несколько дней.] Многочисленные посетители делали пребывание в моем временном жилище тягостным: один гость приходил, другой уходил. То являлся больной, которого я должен был осмотреть и дать лекарство, то другой приходил попросить бумаги, третий – табаку или чаю, еще один – иголки и нитки; в промежутках я тратил много времени, торгуясь за какой-нибудь предмет для этнографической коллекции. Я был от души рад, когда наставал вечер, и я мог отдохнуть несколько часов. На третий день нашего пребывания в зерибе Вау должна была, наконец, осуществиться наша надежда на получение продуктов, так как ожидался приезд хозяина зерибы Магомед-Али. Мы уже предварительно разведали, что в зерибе имелись запасы зерна. После обмена любезными речами Магомед, действительно, приступил к распределению дурры. Печальное голодное настроение быстро сменилось веселым, а угощение напитком «биль-биль», которое устроил владелец зерибы, пригласив к себе около сорока человек, еще более улучшило его. Хозяин дома пригласил также и меня, и после уговоров я пошел с ним и выпил несколько стаканов опьяняющего напитка приятного кисловатого вкуса. Меня не удивило, что вскоре все общество оказалось навеселе. При распределении дурры я получил для своих слуг и носильщиков, всего около тридцати человек, два ардеба зерна. Шесть тюков я припрятал про запас, остальное выдал людям.

Упаковка зерна здесь оригинальна и достойна внимания. В выкопанную яму в полтора-два фута в диаметре вкладываются крест-накрест полосы лыка в палец шириной так, что их концы высовываются из отверстия. На места скрещения накладывается плотно сплетенное из лыка кольцо в 5–8 см диаметром. На него накладывается кусок циновки или же толстые, водонепроницаемые листья некоторых деревьев, растущих в этой местности. Такой остов укладывается до краев ямы как бы подкладкой из сплетенных пучков травы и в отвер-

стие сыпается зерно так, что оно образует круглый холмик. Он покрывается накладываемыми спиралью пучками травы, в середине же укрепляется второе кольцо из лыка, как второй полюс этого шарообразного пакета. С помощью ленты, протянутой через это кольцо, пакет вытягивается из земли и затягивается многочисленными новыми лыковыми полосами в виде меридианов на глобусе от полюса к полюсу, т. е. от верхнего кольца к нижнему. Затем продолжительной утрямбовкой травяной оболочки и затягиванием полос пакет приобретает форму сплющенного шара. Такая упаковка защищает зерно от сырости и удобна как ноша.

Упаковка зерна

Двадцать четвертого августа 1877 года после четырехдневного пребывания в зерибе Вау мы двинулись дальше в западном направлении. После двухчасового перехода мы пришли к тому месту, где стояла старая зериба, которую посетил Швейнфурт. Несколько полей, на которых росла уже дикая дурра, – это было все, что осталось от прежнего поселения. Далее мы прошли мимо нескольких усадеб негров джур, расположенных на краю большой акабы (пустоши), и остановились у хора эль-Гамус («Ручей Буйволов»), где переночевали. Вечером были убиты два буйвола, которые снабдили нас мясом и оправдали название ручья. На следующий день мы уже намеревались перейти акабу, как должны были неожиданно остановиться. Колонны носильщиков, шедшие навстречу, сообщили нам, что Ибрагим Фауци находится на обратном пути из западных зериб и что мы должны ожидать его. Мы тотчас же вернулись к прежнему лагерю Ибрагим-аги, лежавшему у акабы, чтобы подождать его. После того как я углубился до 45 км на юго-запад от зерибы Вау, мне на этот раз не пришлось пойти дальше на запад. Я охотно прошел хотя бы до зерибы Вод Дефтер.

В первых же рядах идущих к нам навстречу носильщиков я увидел около дюжины негритянских мальчиков, привязанных один к другому веревками за шею. Это были подарки от чиновников, донколанцев и других, которые хотели этим способом заслужить благосклонность нового власть имущего начальника. А Ибрагим Фауци не был настолько принципиальным, чтобы считать получение в подарок рабов несовместимым с его должностью, наоборот, он охотно брал, сколько бы ему ни давали. Его прибытия в лагерь ожидали на следующий день. Для приема обер-губернатора, – Ибрагим Фауци имел полномочия такового, но не его титул, – Атруш-ага установил копьеносцев макарака и тридцать пять человек регулярных солдат так, что они образовали ряд, сквозь который Ибрагим со своей свитой должен

был пройти. Обычно полуголые, едва покрытые лохмотьями солдаты надели хранимые для таких случаев белую форму и сапоги, и сразу приняли внушающий уважение вид. Фауци появился в сопровождении своей свиты, в которой находился и Багит-ага со своими людьми, занял приготовленное ему на ангаребе место и начал прием офицеров и чиновников. Как это обычно на Востоке, люди льстили власть имущему, называя его более высоким титулом. Они все время величали его беем, хотя официально его титул был только эфенди. Поэтому Фауци-«бей» был очень приветлив и, действительно, умел понравиться. В то время как подавалось угощение, выступила группа негров бомбе и воспроизвела военный танец с пением, затем последовала музыка квартета азанде. Труба из очень длинного слонового бивня и железный колокол длиной в 60 см составляли аккомпанемент к четырем хорошо настроенным меньшим колоколам, которыми очень ловко управляли двое юношей.

Мое хозяйство увеличилось на двух попугаев (*Psittatus eriphacus*), подаренных мне Фауци. После короткого пребывания в старом лагере, вблизи которого больше не было воды, не дожидаясь экспедиции, я пошел обратно в зерибу Вау. В то время как люди Фауци, Багита и Атруш-аги в последующие дни шли по старому пути к Бахр-Джуру и оттуда в Джур-Гаттас, я отделился от них и двинулся с моими людьми к зерибе Кучук-Али, где прогостил несколько дней у векиля Али-Хаджи.

Переправа через реку Джур многосотенной экспедиции, при наличии одной лодки, длилась несколько дней. Я ждал, пока не был перевезен последний человек экспедиции. Али-Хаджи рассказал мне о своем маленьком селении по ту сторону Джура, южнее пути в Джур-Гаттас. Я договорился с ним, что он даст мне туда проводника. 1 сентября я простился с Али-Хаджи, переправился с моими провожатыми через реку Джур и после получасового перехода от ее восточного берега пришел к зерибе Сурур. По пути мы встретили лишь маленький хор Лолшуаль, берега которого поросли великолепными, высокими деревьями; густая сень этих деревьев, омываемых рекой, заманчиво влекла к отдыху в жаркий полдень. В зерибе я получил половину ардеба дурры, который разделил между своими людьми так, что на ближайшие дни они были обеспечены едой. Моя этнографическая коллекция обогатилась музыкальным инструментом азанде, так называемой «маримбой», чему я очень обрадовался. На выдолбленных тыквах различной длины, служащих резонаторами, лежат в деревянной раме клавиши твердого, гладко обработанного дерева; ударяемые тонкими колотушками, они производят звуки, подобные звукам деревянных народных инструментов, слышанным мной в Штирии.

Маримба бывает так велика, что на ней могут одновременно играть несколько человек. К моему удивлению, среди моих носильщиков макарака нашелся один, который довольно хорошо играл на этом инструменте. В области Макарака этот инструмент неизвестен, и поэтому меня удивило искусство негра, пока он не рассказал мне, что свои юные годы провел на западе, в области азанде, позднее же переселился с вождем Бондуэ и пришел в Макарака.

Обильная роса сильно затрудняла наш поход к зерибе Данга. Узкая, едва заметная тропинка проходила в высокой траве, напитавшейся росой, так что в течение короткого времени обувь, носки и брюки промокли насквозь. По деревьям можно было уже издали узнать реку Нджедука; обилие деревьев по берегам рек является характерным для каждой водной артерии этой области. По дороге в Данга мы перешли границу негров джур, живущих к северу по реке Джур и на восток до большой зерибы Гаттас. Мы вошли в область негров бонго. В Данга, расположенном на расстоянии четырех часов ходьбы к юго-востоку от зерибы Сурур, я переночевал и двинулся дальше не по прямому пути через Дубор, по которому уже прошел ранее д-р Швейнфурт, а южнее – через Гуггу и Думуку к Джур-Гаттас. Утром 4 сентября я пришел и застал там еще Ибрагима Фауци и других предводителей войск и экспедиции.

Проблема прокорма многих сотен людей делалась более острой, а решение ее еще тяжелее. Из-за беззаботности и легкомыслия управителей и руководителей страдали ни в

чем не повинные бедные негры, неожиданно для них оторванные от семей и дома, и особенно макарака. Вся эта мобилизация, проведенная так поспешно и необдуманно, оказалась совершенно ненужной; Фауци, основной виновник всего бедствия, теперь торопил с возвращением. Регулярные войска из Макарака уже пошли обратно. Я сомневался в выборе обратного пути в Макарака, куда должен был вернуться из-за оставленных там вещей и коллекций, и хотел сперва посоветоваться по этому поводу с Ибрагимом Фауци, чтобы узнать, захочет ли он мне помочь официальными распоряжениями. Мне не хотелось идти опять по уже пройденному пути через Роль, я предпочитал направиться по дороге, называемой именем вождя Абд-эс-Самада, через область Митту к Гоза. Это была дорога, ведущая к зеридам известного Кенузира, находящимся в настоящее время во владении его племянников и пасынков. Против всякого ожидания, счастье улыбнулось мне, так как, придя в Джур-Гаттас, я узнал, что родственники Абд-эс-Самада привезли сюда из южных станций слоновую кость и еще находились здесь. Фауци внял моей просьбе, вызвав тотчас же Абдуллахи Абд-эс-Самада и дал ему распоряжение проводить меня и моих слуг, а также его людей и носильщиков, по выбранному мной пути в Гоза. Выступление должно было состояться через несколько дней. За это время караван под водительством Багит-аги покинул зериду; до этого пришел приказ о назначении Ибрагима Фауци «кайм-макам» (полковником). Это назначение было отмечено залпами орудий, поздравлениями и празднеством. Теперь, когда военная экспедиция была закончена еще до того как началась, из Мешры-эр-Рек прибыли две маленькие бронзовые пушки, посланные из Хартума. Они были использованы для празднества.

Десятого сентября начался мой обратный поход из области Бахр-эль-Газаль в сопровождении Абд-эс-Самада. Как обычно, наш выход запоздал, и прошло много часов, пока, наконец, двадцать носильщиков бонго подняли на плечи мой багаж, и мы тронулись. Ибрагим Фауци прислал мне в последний час корову, так что отныне я мог допускать отклонения от вегетарианской диеты. Уже в первый день похода я стал свидетелем отвратительного и жуткого зрелища. На дороге лежали трупы негров из каравана Багит-аги. Несчастные от голода и изнеможения упали на дороге и погибли. При моем приближении (я ехал на осле) шумно поднялась стая коршунов, оторвавшаяся от своей ужасной трапезы. Такая же печальная картина наблюдалась на следующий день в акабе, лежащей между маленькой зеридой Гаттас (вождя Шуила), в которой мы переночевали, и зеридой Гассан. В течение многих часов я встречал на дороге жертвы бессовестного легкомыслия. И это в начале похода! Что же будет в конце его?! Я был от души рад, когда мы должны были свернуть в сторону. От большой зериды Гокх-эль-Гассан мы пошли в южном направлении, отдохнули в маленьком селении Моаки, находящемся в области Бонго, простирающейся на юг и запад. Здесь ко мне явился вождь этого племени Боли. От Моака мы тщетно пытались перейти Бахр-Джау; вследствие очень высокого уровня воды нам пришлось вернуться и перейти реку вброд в более мелком месте. Переход совершился без всяких затруднений.

Воин динка. Фотография

Следуя по восточному берегу реки Джау, мы подошли к расположенной на песчаном грунте деревне динка (или джанге), окруженной обширными полями. Это была резиденция вождя динка Каху. Окруженный своими соплеменниками, он сидел в тени двух больших деревьев, украшавших деревенскую площадь. Каху был прекрасным представителем своего племени, типичным динка. Если мужчины этого племени вообще отличаются ростом выше среднего, то Каху на голову превосходил большинство его окружавших; рост его достигал почти двух метров. В его шерстистые волосы было воткнуто белое страусовое перо, гордо вздымавшееся над головой; длинное, стройное тело было облачено одеждой из расцвеченного пестрыми цветами ситца. Его жена, такая же высокая и стройная, как он, была опоясана длинной, мягко выделанной козьей шкурой, украшенной по краям многочисленными железными колечками. Старый образ жизни, нравы и обычаи того времени, когда джанге были еще хозяевами своей страны, претерпели значительные изменения со времени вторжения хартумских торговцев. Скотоводство, как главное занятие и наиболее существенный источник пропитания, теперь было сведено почти на нет. Грабительские, не стесняемые ничем нападения на стада, расхищение скота, который нубийские носильщики, лучше вооруженные и поэтому покорившие негров, уводили тысячами голов, вынудили динка-джанге, живших в сфере деятельности зериб, отказаться от скотоводства. Они теперь сеяли дурру, и то лишь в пределах, необходимых для поддержания существования. Бедность и отсутствие излишков были их единственной защитой против ненасытной своры хищников, обитателей зериб. Там, где прежде паслись тысячеголовые стада скота, теперь с трудом можно было найти хотя бы одну корову!

От деревни Каху на юг тянется большая, совершенно необитаемая дикая местность, по которой мы шли несколько дней. Через колючие терновники и высокую траву проходила такая узкая тропинка, что мы ее часто теряли. Часто мы шли по широким следам слонов, которые проходили сотнями с востока на запад, иногда они шли и по нашему пути. Неуклюжие гигантские ноги этих животных все вытоптали и образовали в почве настоящие ямы. Нам преградил дорогу ручей – рукав реки Джау. Котловина в тридцать шагов шириной, поросшая кустарником и деревьями, была наводнена разливом реки Джау. При обследовании оказалось, что лишь на коротком расстоянии от берега вода была выше человеческого роста, дальше же она едва достигала груди. Установив, что переход безопасен, самые высокие носильщики подняли и понесли поклажу; дойдя до глубокого места, они поднимали ношу над головой, зажмуривали глаза и так переходили в глубоком месте, погружаясь в воду до затылка. Из воды торчали лишь руки до локтя и ноша. Я при этом очень беспокоился за мои вещи, но все обошлось благополучно, без всяких приключений. Меня самого перенесли на моем ангаребе. Однако были и комичные сцены, особенно с женщинами, которых перетягивали на жердях и которые, вследствие трусости и болтливости, набирали полные рот и нос воды. Два часа спустя перед нами открылись гостеприимные ворота зерибы Унгуа.

Это была самая северная из торговых станций Абдуллахи, очень небольшая, служившая опорным пунктом для караванов, идущих на юг и с юга. Несколькими милями западнее стояла раньше зериба Даггуду, которую Швейнфурт посетил в 1870 году, находясь на пути к главной станции Абд-эс-Самада Сабби. В день нашего отдыха в Унгуа лил такой дождь, что я был вынужден целый день поддерживать в моей хижине огонь, чтобы хоть несколько защитить себя от сырости. Для перехода через реку Роах (Джау), протекающую в двадцати минутах ходьбы от зерибы, носильщикам пришлось построить мост из стволов деревьев, связав их веревками из лыка; сам переход на следующий день не обошелся без некоторых комических эпизодов. Владелец зерибы, Абдуллахи, очень внимательный и вежливый, посетил меня, чтобы помочь скоротать время. Я спросил у него о настоящем положении вещей, об условиях торговли, и он жаловался, что хорошие времена для торговцев прошли с тех пор, как органы правительства монополизировали всю торговлю слоновой костью, которая раньше находилась целиком в руках частных торговцев или торговых предприятий. Из-за долготелней эксплуатации и большого риска потерь, а также вследствие необходимости содержать зерибы, выручка значительно снизилась и все продолжает снижаться, так как торговцы вынуждены давать всем правительственным чиновникам бакшиш, иначе будут чиниться большие затруднения, ведущие в конечном счете к разорению. Абдуллахи заверил меня, что в последнее путешествие в Джур-Гаттас он взял с собой 35 рабов и подарил их мудирам, писцам и другим правительственным служащим. В конце концов отдуваться должны опять-таки несчастные негры. Торговцы уже не наживаются так, как раньше, но негров они обдирают по-прежнему.

От западного берега реки Роаха наш караван направился к югу, подошел к притоку Роаха–Туджи, или Теджу– и пошел по его левому берегу. Мы шли по запустелой, необитаемой местности. Прежние обитатели ее были убиты пулями нубийских завоевателей или же угнаны в рабство. Счастливыми можно было назвать тех, которые успели бежать и найти на чужбине новую родину. Повсюду в этих областях можно было видеть опустошительные последствия разбойничьего угона людей в рабство. После многочасового похода мы остановились на отдых и поставили наши травяные хижины у места, удобного для перехода. Мертва и безгласна, простиралась вокруг нас безлюдная пустыня, и в тишине наступающей ночи даже участники нашего каравана с их притупленной чувствительностью, казалось, ощущали тяжелую подавленность. Я сидел в хижине за работой при свете фонаря, как вдруг услышал столь знакомое мне басистое рыкание льва. Оно доносилось издали, но и другие слышали его. «Эль-асад!» – восклицали люди (Эль-асад – по-арабски «возбуждающий тре-

вогу»). Я разбудил своих людей, настрого внушил им необходимость поддерживать огонь и лег спать. Прошло некоторое время, и я уже заснул, как меня разбудило раздавшееся уже вблизи нас рыкание нарушителя спокойствия, вполне заслуживающего свое арабское название. «Возбуждающий тревогу» – это лев, и люди и животные от его голоса приходят в возбуждение и волнение. Лагерь моментально оживился, костры разгорелись так, что пламя было далеко видно. С напряжением каждый прислушивался, приближается ли ночное чудовище, или же продолжает свой путь дальше. Однако нас больше не беспокоили. Король лесов проследовал стороной. В окружающей нас акабе царило молчание ночи, прерываемое лишь звучащим, как колокол, кваканьем жаб. Из предосторожности я положил у постели винтовку и проспал до позднего утра.

Реку Туджи мы перешли таким же образом, как и Роах. Но так как стволы деревьев импровизированного моста лежали на глубине нескольких футов под водой, я разделся, дойдя до середины моста, выкупался и вплавь достиг другого берега, затопленного еще на сто шагов, так что до твердой почвы пришлось идти через камыши и траву по воде в два фута глубиной.

Поход по правому берегу Туджи до зерибы Бойко был одним из самых тяжелых. Было пройдено не менее девяти рек и болот, вода в которых доходила по большей части до груди. Мешок с геодезическими инструментами я должен был нести на голове, то же проделывали мои слуги с ружьями, седлами и патронташами. Ослы переплывали через реки. Едва нам удавалось ступить на твердую почву, как опять перед нами была новая река или болото, и лишь немногие из них можно было обойти. Наконец, мы вышли на более высокую местность, прошли лес и после полудня подошли к обработанным полям, за которыми уже виднелись верхушки тукулей зерибы. Зерибу Бойко, лежащую в нескольких сотнях метров восточнее реки Туджи, не следует смешивать с зерибой, которую посетил в 1869 г. Швейнфурт и которая лежит к западу от реки. Этого селения уже не существовало, как не существовало больше и селений Дуггу, Дагуддур, Сабби и др. В Бойко жил Бонгола, известный вождь бонго, жилища которых были разбросаны вокруг зерибы. Негры здесь очень бедны и с трудом поддерживают самое нищенское существование. Даже на складах станции не было запасов дурры. Гарнизон питался земляными орехами. Единственной мясной пищей, которую я мог получить, была пара кур. До сих пор я получал лепешки кисра в каждой зерибе от ее векиля, здесь же я не только должен был заботиться о лепешках сам, но пришлось помочь Абдуллахи корзиной дурры из моего бережливо хранимого запаса. Отъезд из этого негостеприимного места задержался на несколько дней из-за смены носильщиков; носильщики, пришедшие с нами из Джур-Гаттаса, были жителями Бойко и дальше не шли. Кроме того, из-за сильного дождя у нас не было возможности покинуть наши тукули. Вопрос с носильщиками был мною скоро урегулирован путем подношения подарков шейху Бонгола. Мы вышли из Бойко в полдень и пошли в юго-восточном направлении до зерибы Нгама. На ночлег мы опять остановились в пустыне, на том месте, где еще стояли травяные хижины прежнего лагеря Абдуллахи. Дальнейшие семь часов пути привели нас, наконец, 23 сентября, опять к человеческому жилью, и мы вошли в зерибу Нгама, расположенную в семи километрах на юго-восток от того места, где находилось старое селение того же названия. Последние селения негров бонго мы встретили в Бойко. У зерибы Нгама, на расстоянии двухдневного похода от Бойко, жили уже негры митту. Это племя занимает среди народностей в области Нила особое положение и значительно отличается диалектом, обычаями, нравами и внешностью от своих соседей – бонго, динка, мору и макарака.

Я уж однажды прошел их область во время моего путешествия от Гоца к зерибе Дефа'Аллы (Аяк). Южнее этой местности находится граница между поселениями негров митту и агар, также народности динка. В общем, племена митту населяют область между реками Роах и Роль-Джало. По ту сторону восточного берега Роля часть области занята пле-

менами софи и бехли, по другую же сторону реки область обитания последних простирается до селений негров гоэк. Митту делятся на несколько племен, мало отличающихся друг от друга. Это племена бехли, лори, лехзи, софи, гери и митту-мади. Хотя я прошел область Митту почти всю вдоль и поперек, но не могу прибавить ничего существенного к описанию и характеристике этой области, опубликованным д-ром Швейнфуртом. В первый раз я прошел ее с большой поспешностью с экспедицией Багит-аги, во второй же раз – теперь, под водительством Абдуллахи. Я также не имел возможности остановиться здесь подольше, так как должен был спешить, чтоб застать в Гоэ князя бомбе из Кабаенди, Рингио, и с ним продолжить путь по Макарака. Однако короткого пребывания в зерибах Абдуллахи было для меня достаточно, чтобы заметить в них изменения, происшедшие со времени путешествия по ним д-ра Швейнфурта.

От прежнего благополучия зериб, их богатых зерновых запасов и обилия рогатого скота и коз ничего не осталось; я видел повсюду крайнюю нужду и должен был помочь управителю этого округа Абдуллахи частью своих скудных запасов зерна. Векили, солдаты и торговцы – обитатели зериб – бессовестно и безжалостно грабили бедных негров и довели страну до того, что целые деревни принуждены были оставлять насиженные места и бежать – одни под защиту укрепившего свое могущество султана азанде Мбио, другие – на юг, к племени лооба или к вождю племени абака, Анзеа. Страна Митту обезлюдела, земледелие пришло в упадок, и даже нубийцы не могли ничего больше выжать из несчастных, оставшихся еще на месте митту. Такой же упадок и обнищание испытывало и племя бабукур, или мабукуру. Их область раньше была житницей и складом запасов для торговых караванов. Теперь, обобранные и разоренные, бабукур также искали убежища у султана Мбио и переселялись в его страну. Позже, когда после длительного и мужественного сопротивления Мбио вынужден был покориться египтянам, бабукур бежали в область между горой Багинзе и селениями абака. Остававшихся на своих местах мабукуру люди Абдуллахи увели в рабство, и еще тогда опустошение и обезлюдение постигли эту страну с беспощадностью рока. Так повсюду в странах негров мы видим, как своры нубийцев и других магометан опустошают земли и уничтожают целые народности, идя все дальше своим страшным путем и вторгаясь в самое сердце страдающей под ярмом проклятого рабства Африки. Старые, вероятно, столетиями переходившие из поколения в поколение обычаи исчезли и частично вытеснены обычаями, возникшими под чужеземным влиянием; с другой стороны, все усиливающаяся нужда, все более жестокая борьба за существование делают невозможным сохранение церемоний и празднеств, которыми в прежнее время сопровождали рождение и смерть, брачные связи и т. п. Там, где негр посредством какого-либо производства, кузнечными и гончарными поделками, резьбой по дереву и слоновой кости, плетением и ткачеством хотя бы скромно украшает свою хижину, появляется «абу-турк» и грабит все, что радовало сердце негра и делало его жизнь удобной и приятной. С тех пор как хартумские торговцы увидели, что путешественники гонятся за предметами обихода негров и платят хорошие деньги за красивые, редкие вещи, каждый солдат из зеробы похищает у негра все, что он может у него найти, и продает это как «антик» возвращающимся в Хартум донколанцам. Негр, видя, как его лишают не только скота и зерна, но даже и больших и малых предметов его и без того скромного домашнего обихода, теперь теряет охоту что-либо делать, постепенно пропадает охота к работе, и многие отрасли домашнего производства пришли в упадок, заглохли. Этот процесс придает описаниям старых путешественников историческую ценность. Там, где еще Швейнфурт, Хейглин или Петерик наблюдали национальную жизнь бонго, джур, динка и других народов в полном расцвете, я нашел эти народы под угрозой потери не только независимости, но даже самого существования; прежние условия их жизни изменены насильственным вторжением, их культура и национальная самобытность находятся в процессе распада и перехода к новым формам.

Двадцать шестого ноября в сопровождении Абдуллахи я вышел из зеробы Нгама. После четырехчасового перехода в южном направлении наш караван подошел к берегу Уоко, притоку Бахр-Роля, до перехода через который нам пришлось пройти несколько мелких рек. На западе-юго-западе мы увидели гору Уоба. По другую сторону Уоко, реки шириной в 6,5 м и глубиной в 0,5 м, находились почти непроходимые травяные массивы, а за ними – возвышенность, покрытая скалистыми нагромождениями.

Здесь мы встретили транспорт рабов, около двадцати мальчиков и девочек, привязанных друг к другу ремнями и несущих тюки с зерном. Какое тяжелое зрелище!

До прихода в зеробу Керо, в 30 км от Нгама на юг, нас промочил дождь, ливший много часов подряд. С радостью приветствовали мы обработанные поля, указывающие на близость зеробы. Мне очень хотелось сменить мою промокшую одежду. У самой зеробы мы опять должны были перейти через реку Уоко. Вокруг зеробы живут негры митту-мади, переселившиеся сюда из старой зеробы Керо и из Рего.

Вечером пришли гонцы из Сайядина и сообщили, что Багит-ага уже вышел из этой станции. Я должен был как можно скорее идти в Гоza. Мое намерение посетить самую большую, недавно возникшую зеробу Абдуллахи – Кана, вблизи Мбого, и оттуда пройти в Гоza из-за недостатка времени было невыполнимо. Я находился здесь у одной из последних станций Абдуллахи и был бы вынужден составлять для дальнейшего путешествия собственный караван, если бы Ибрагим Фауци не дал распоряжения Абдуллахи проводить меня до Гоza. Он дал мне новых носильщиков, и в сопровождении Абдуллахи и нескольких драгоманов 28 сентября я начал последний этап моего путешествия.

Стульчик азанде

К моему великому удивлению, после многочасового похода, я увидел в стороне от дороги, в этой негостеприимной местности, подымающийся в воздух дым. Это была стоянка охотников. Носильщики сложили ноши на дороге и поспешили к столбу дыма, я пошел за ними, и мы вскоре увидели группу нубийцев, которые убили буйвола и коптели над огнем на широких подставках нарезанное полосами мясо. Это самый простой и совершенный метод консервирования мяса, дающий возможность сохранять его целыми неделями.

Охотники оказались людьми Абдуллахи, которые по-делились добычей с нашим караваном (счастливая случайность для моих носильщиков). После часового отдыха мы двинулись дальше, постепенно, почти незаметно опускаясь к Ролю. Но лишь на следующий день, по дороге, больше походившей на звериную тропу, чем на путь для людей, добрались мы, наконец, до долгожданных полей и хижин зеробы Мандуггу. За исключением Кана, я ознакомился со всеми станциями Абдуллахи. Из семнадцати зероб Абд-эс-Самада во владении его наследников осталось лишь шесть незначительных торговых и военных пунктов: Унгуа, Бойко, Нгама, Керо, Кана и Мандуггу. Незначительность их видна была даже из малочислен-

ности гарнизона. Кроме Кана, гарнизон которого состоял из 25 человек, зеробы эти имели не более чем по пяти-семи солдат донколанцев.

Глава VII

Путешествие от Кудурмы к горам Зилеи

Октябрь 1877 года. С первых дней своего пребывания в Макарака я добивался этого путешествия. Но в свое время оно было сорвано благодаря интригам донколанцев, когда в апреле (1877 года) я пришел к вождю племени абака, Анзеа, и потребовал проводника к горе Базинге, или хотя бы до Зилеи. Теперь, наконец, мое желание осуществлялось! Рингио, великий шейх племени бомбе, к которому я послал гонцов из зерибы Нгама и из Гоца, явился в Кудурму на свидание со мной и с большой свитой ожидал моего прибытия из области Митту, из зериб Абдуллахи. Против ожидания, сопровождающих меня оказалось много, так как Рингио, считая, что дорога на запад небезопасна, привел с собой нескольких подчиненных ему вождей с их дружинами. Красивые, крепкие, гибкие фигуры, настоящие азанде! Самые разнообразные прически украшали этих мужчин, причем у многих были благородные красивые лица, выказывающие не столько дикость, сколько сознание здоровой мужественности. На них были маленькие, украшенные перьями, соломенные шляпы, приколотые к искусной прическе деревянными или из слоновой кости шпильками. Такие шляпы, тонкого плетения, но без пучка петушиных перьев, украшающих шляпы мужчин, носят также и женщины; в последнем случае они напоминают перевернутую корзину. Копья, саблеобразные ножи (популиди) и щиты составляли вооружение воинов бомбе. Щиты тщательно оплетены тростником, с выпуклостью в середине для прикрепления рукоятки с внутренней стороны. Рукоятка состоит из деревянной перекладки, оставленной над выдолбленным в дереве углублением для руки, и к нему привязан один или два метательных ножа, называемых здесь «пинга» или «гангата»; в Судане ножи гангата известны под именем «трумбаш». Обращает на себя внимание маленький размер углубления в дереве для руки; небольшая рука европейца лишь с трудом могла бы просунуться в нее. Щит негров бомбе такой же, как и у других племен азанде, украшается с внутренней и наружной сторон рисунками, сделанными светлым на темном фоне, или, наоборот, путем чернения, т. е. легкого обугливания тростника. Излюбленный рисунок азанде – крест, покрывающий весь щит: прямые и вкось поставленные четырехугольники дополняют рисунок. У некоторых щиты на внутренней стороне выложены шкурой леопарда, а ножи закрыты конусообразными железными крышками величиной в 10–15 см. Крышки, как и трумбаш, часто покрываются довольно изящной гравировкой. К этому вооружению добавляется живописное одеяние из шкур животных – антилопыширр, кошки-генет, красивой обезьяны – гуереца; правда, одеяние это большей частью состояло из набедренного пояса.

Чернобрюхие змеиные птицы

В этом обществе, к которому вождь племени, Кудурма, добавил 300 носильщиков и несколько вооруженных ружьями драгоманов, 11 октября, полный радостного ожидания, я

начал путешествие к горам Зилеи. Шестичасовой переход привел нас к деревне вождя племени абака, Анзеа. В пути мы перешли хор Аире, много болотистых речек и маленьких херанов, часто приходилось пробиваться через тонколиственный бамбуковый кустарник с высокими, качающимися от малейшего дуновения стеблями. Как область, видимая по дороге от Конфо до Кудурмы, так и отрезок пути до Анзеа характеризуется разбросанными по местности, поросшими травой, низкими коническими горами, с частично обнаженной каменистой породой. Ручьи текут в глубоких руслах, у которых растут густые деревья, но в общем для местности характерна редкая кустарниковая растительность.

У Анзеа мы отдыхали два дня, в ожидании прибытия дополнительных носильщиков, вооруженных драгоманов и зерновых продуктов. Анзеа, который должен был привезти дурру, еще не было. Еще в Кудурме от Рингио я узнал, что у Анзеа в это время должны находиться негры азанде, посланные туда могущественным князем Мбио. Цель этого посольства весьма странная: на речке Асса якобы произрастает вид кустарника, которого нет во всем владении Мбио и по соседству с ним. Отвар листьев этого кустарника, называемого на наречии азанде «бенге», играет важную роль в курином оракуле, в непогрешимости которого ни один негр ньям-ньям не сомневается. Если курица после приема отвара этого растения погибает, то особа или предпринимаемое дело, о которых запрашивается оракул, будет иметь плохой конец. Это суеверие влияет на самые важные события. За этой-то травой или кустарником (я не мог узнать это точно) Мбио, как и неоднократно раньше, послал теперь своих людей к Анзеа, которому дал за покупку 12 нош слоновой кости.

Узнав о пребывании здесь посланцев азанде, я хотел увидаться с ними, чтобы передать подарки для Мбио, с которым намеревался завязать дружелюбные отношения, хотя в данный момент не имел цели посетить его. Я попросил Рингио найти посланцев Мбио и привести их ко мне, но он ответил, что эти люди разбегутся из страха перед ним, так как Мбио считает его своим врагом. Все же мне удалось убедить их встретиться со мной. Узнав о предстоящем приходе послов Мбио, я собрал в своей обширной хижине подчиненных старейшин бомбе и других вожаков каравана, достал предназначенные для Мбио подарки и велел впустить шестерых посланцев князя. Они выстроились полукругом передо мной. Рингио служил нам переводчиком. Затем наступила торжественная тишина. Люди Мбио не могли скрыть своей робости. Наконец, их предводитель сделал шаг вперед и начал длинную речь, сперва робким тоном, но постепенно с таким нарастанием живости речи и жестов, что, несмотря на незнание языка, я понимал смысл сказанного; это напоминало мне искусно произнесенный монолог хорошего актера. И действительно, удивительная гибкость и красиво размеренная жестикация этих негров несколько не были похожи на угловатость и грубость невоспитанных людей. Невольно я подумал о том, что природной, полной изящества осанкой и жестикацией эти африканцы намного превосходили немецких крестьян. Хотя большая хижина была полна людей, но ни один звук не прерывал оратора, все слушали его с напряженным вниманием; Рингио сидел с серьезным, полным достоинства выражением лица, было очевидно, что и речь была серьезна. Но вот говорящий снял с шейного шнура большой кусок дерева и бросил его позади себя. Этим его речь была закончена. Быстро вслед за ним выступил второй азанде, с жаром начавший длинную речь, за ним по очереди высказались все остальные посланцы Мбио. По переводу Рингио, основной смысл речей был такой: люди Мбио боялись за свою жизнь, они думали, что Рингио будет обращаться с ними, как с врагами, и убьет их. Более слабые, они, в знак покорности, повесили на шею кусок дерева, отдав себя этим на милость или гнев господина страны. Но они опять прониклись доверием, страх прошел, и, будучи спокойны за свою жизнь, они отбрасывают куски дерева далеко назад.⁴⁴ Эта серьезно воспринятая церемония основана на распространенном во всех областях азанде

⁴⁴ Один из таких амулетов Юнкер привез в Петербург и передал в Музей антропологии и этнографии Академии наук.

обычае. После речей пошли оживленные разговоры. Из подарков для Мбио, состоявших из незначительных предметов (количество которых во время моего длительного путешествия сильно уменьшилось), особенное восхищение вызвали две коробочки спичек и свеча. Мое зеркало пошло вкруговую; с испугом, перешедшим в смущение, рассматривал вождь азанде свое изображение, как наивная молодая девушка. Рингио и донколанцы тоже не упустили случая со смехом и шутками полюбоваться собой.

В веселом настроении все общество покинуло мою хижину. Для закрепления общей дружбы недоставало лишь мериссы, но, увы, горшки были пусты, так как Анзеа все еще не вернулся. Я побудил Рингио позаботиться об обеде для людей Мбио, количество которых, вместе с носильщиками и дополнительно прибывшими соплеменниками, возросло до 30 человек; я присутствовал на этом обеде. Чужеземному вождю подали кушанье лукме в больших деревянных чашах, и он распределял его так: руками, обернутыми листьями, клал он порции варева на листья, заменявшие тарелки, пальцем продавливал в каждой порции отверстие, в которое из другой чаши наливал соус; вскоре каждый из обедающих получил свою долю. Удивительно грациозно и чистоплотно этот негр делил еду на порции. Пиршество закончилось импровизированными песнями, причем кто-либо запевал соло в честь Мбио с восхвалением его владений, мощи и богатства, а припев подхватывался общим хором.

Четырнадцатого октября, в сопровождении многочисленной свиты Рингио, я вышел из деревни Анзеа, перешел водораздел между Аире и Роахом (Бахр-Джау), или Меридди, как называют верхнее течение Роаха, и заночевал у вождя Бандура.

На следующий день, минутах в двадцати ходьбы от его селения, мы пересекли маленький хор Ланголо, оба покатых берега которого покрыты прекрасным галерейным лесом. Предупрежденный о нашем путешествии, шейх племени абака Белледи, выйдя навстречу, повел нас к своей деревне; по пути к ней мы пересекли водораздел между Роахом и Иссу (верхнее течение Бахр-Тонджа). Белледи принял нас очень гостеприимно, его подданные абака принесли лукме многочисленным неграм бомбе моего каравана, я же получил хороший кусок кабаньего мяса. Вблизи деревни Белледи возвышалась гора Нгируа, приблизительно 400 футов высотой. Я решил взобраться на нее для ознакомления с окружающими холмами и горами и чтобы наметить дальнейший путь. В сопровождении Белледи, Рингио, многих негров абака и бомбе, на следующий день я совершил этот подъем. Миновав хор Тоссо и поля дурры, мы через полчаса уже были на вершине. По приказанию Белледи трава на последнем этапе подъема, примерно на протяжении тысячи шагов, была расчищена на нашем пути, что облегчило подъем. Несмотря на незначительную высоту Нгируа, с ее вершины открывался далекий вид. Отчетливо выделяясь на горизонте, передо мной высилась группа гор, настолько ясно видимая, что я мог ориентироваться по карте д-ра Швейнфурта даже без моих хорошо знакомых с местностью провожатых. Даже на расстоянии 45–48 км я узнал гору Багинзе, вычислил и записал ее координаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.